

СМЕНА

№4 АПРЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2020

«Мистика у нас в каждом спектакле»

О жизни и творчестве художника Константина Васильевича Худякова
читайте на странице 71.

Неизвестное об известном

<i>Дмитрий Зелов</i>	Человек, ненавидевший детей?!.....	4
<i>Юрий Осипов</i>	Давид Бурлюк — алхимик слова и цвета	126

Судьбы

<i>Денис Логинов</i>	Северный соловей	16
----------------------	-------------------------------	----

Житейские истории

<i>Фирдауса Хазипова</i>	Упала помидорка	25
--------------------------	------------------------------	----

Минувшее

<i>Евгений Эрастов</i>	София, любовь моя	30
------------------------	--------------------------------	----

Чтобы помнили

<i>Ренат Ибрагимов</i>	Звездный час Оксаны Бадрутдиновой	50
------------------------	--	----

Замечательные современники

<i>Елена Митрохина</i>	Коктебельская весна поэта	56
<i>Елена Воробьева</i>	Константин Авдеев: «Для меня театр — это живой организм, который никогда не стареет»	65
<i>Виктор Ом</i>	«Очеловеченная цифра!»	71

Из российской истории

<i>Илья Рюмин</i>	Личное несчастье Петра Великого	88
-------------------	--	----

Посмеемся вместе

<i>Владимир Кречетов</i>	В начале было слово... ..	101
--------------------------	----------------------------------	-----

Рассказ

<i>Кевин Стинг</i>	Последняя ставка	104
--------------------	-------------------------------	-----

Детектив

<i>Елена Колчак</i>	Не будите спящую собаку	140
---------------------	--------------------------------------	-----

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер театра и кино Константин Авдеев.
Фото Дамира Жукенова.
Из архива Театра Романа Виктюка

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 10117

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.03.2020

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« Война... Сколько ужаса и горя в этом слове. Сколько слез и потерь. Во время Великой Отечественной весь народ поднялся воевать за свою страну, за свою правду, и подвиг этот бессмертен. Проходят годы, и задача тех, кто живет сейчас — помнить об этом и рассказывать всем, чтобы каждый осознал, что мир держится не на трех китах, а именно на тех людях, кто отвоевал наше будущее. Среди них был один удивительный человек, которого маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский называл «Первым американцем в Красной армии», — Никлас Григорьевич Бурлак. Звучит невероятно, но именно так все и было...

Артем **Воронков** «Первый американец в Красной армии»

« При жизни произведениями этого писателя восхищались Гете, Байрон, Бальзак, Пушкин. Сам себя он называл «наблюдателем человеческого сердца», и в этом нет никакого преувеличения. Анри Бейля, известного миру как Стендаль, по праву можно причислить к величайшим писателям-психологам всех времен.

Алла **Зубкова** «Сердцевед»

« Буйный поэт-футурист и такой же художник, один из первых русских авиаторов Василий Каменский — яркая страница в истории отечественной культуры и поэзии начала прошлого века. Он бесстрашно поднимался в воздух на хрупких аэропланах, его около года держали в тюремных стенах, а во время Октябрьской революции он выступал на многочисленных митингах с чтением своих стихов. Многие считали его гением, и сам он придерживался того же мнения, написав сенсационную «Его-моя биография Великого футуриста».

Юрий **Осипов** «Путь энтузиаста»

« Окончание детектива Елены **Колчак** «Не будите спящую собаку».

Дмитрий Зелов

Человек, ненавидевший детей

?!

*Ко дню
рождения
великого
сказочника*

Все мы родом из детства, или жизнь без любви

По меркам позапрошлого столетия, Ганс Христиан Андерсен (1805–1875 гг.) прожил вполне долгую жизнь. Но за свой чрезвычайно насыщенный самыми разнообразными встречами, знакомствами и путешествиями земной путь он умудрился не только не завести семью и детей (даже внебрачных), но и... остаться девственником. А поскольку своих детей, как и семьи, у ставшего знаменитым сына бедного башмачника и прачки никогда не было, то общение с юными отпрысками семейств своих друзей и просто знакомых, у которых писатель любил частенько и порой весьма подолгу гостить, отличалось некоторыми особенностями.

Нет, Андерсен не был женоненавистником или убежденным аскетом-холостяком. Он влюблялся пылко и страстно, мечтал создать счастливую и дружную семью, но раз за разом терпел фиаско. Ни одна из его «дам сердца» так и не ответила ему взаимностью, соглашаясь, в лучшем случае, стать лишь его другом. Он же, и так от природы чрезвычайно утонченный и ранимый, необыкновенно остро и болезненно переживал свое очередное поражение на любовном фронте, находя утешение в своем творчестве, которое и стало для него его единственной и неповторимой Музой.

Причин тому было несколько. Одна из них — Андерсен с детства сам

для себя необыкновенно высоко поднял жизненную планку. И, надо признать, очень многое из задуманного у нескладного долговязого подростка из маленького провинциального городка Оденсе, рано оставшегося без отца и отправившегося в четырнадцатилетнем возрасте, без денег и связей, покорять столичный Копенгаген, получилось!

В эпоху, когда социальные лифты в Дании не то чтобы не работали, а просто не существовали, Андерсен «выиграл у судьбы в рулетку, сорвав джекпот». Не только литературно-художественная богема этой небольшой скандинавской страны, но и многие известные в Европе писатели, ученые, поэты и даже коронованные особы считали за честь познакомиться с господином Андерсеном, чтобы пожать ему руку и послушать его удивительные сказки.

Ему невероятно, просто-таки фантастически везло по жизни: в нужное время на нужных людей, которые поддерживали и продвигали его вперед, позволяя раскрываться все новым и новым граням его таланта. Кстати, мемуары Андерсена называются очень символично — «Сказка моей жизни».

Впрочем, не стоит преувеличивать роль внешнего фактора в жизни писателя, очень многого в своей жизни он добился благодаря своему огромному усердию и старанию, потрясающей работоспособности вкупе с безудержной тягой к знанию, помноженной на фанатичную

веру в собственный талант и призвание.

Однако общаться с Андерсеном было очень непросто: он требовал от всех постоянного к себе внимания и восхищения своим творчеством. В этом он был надоедливо-бесцеремонен, и даже вежливый отказ, а тем

ним впервые. Милым и наивным, с удивительно добрыми, большими голубыми глазами, но при этом капризным и неврастеничным. А еще он постоянно всем на все жаловался и ... плакал, плакал, плакал. Правда, этим своим плачем, постоянными жалобами на превратности судьбы и здо-

Всю свою жизнь Андерсен оставался большим ребенком. Даже в старости. Это отмечали все, кто сталкивался с ним впервые. Милым и наивным, с удивительно добрыми большими голубыми глазами. Но при этом капризным и неврастеничным — он постоянно всем на все жаловался и... плакал, плакал, плакал, чем зачастую добивался своего

более критику в своей адрес воспринимал не просто в штыки, а... Словом, он ее вообще не воспринимал! Мог запросто при публике залиться горячими слезами или кататься в истерике по траве час кряду. Когда Андерсен, гостивший в семье Диккенса целых пять недель, наконец, уехал, английский писатель прикрепил в комнате, где тот жил, записку: «*В этой комнате Ганс Христиан Андерсен спал пять недель, которые показали семье вечностью*».

Нет, Андерсен вовсе не был сумасшедшим, он просто всю свою жизнь оставался большим ребенком. Даже в старости. Это отмечали практически все, кто сталкивался с

ровье (на самом деле, оно было у него весьма крепким), Андерсен зачастую добивался своего.

Понятно, что влюбиться в такого человека весьма сложно, а уж полюбить — тем более. В итоге, несмотря на множество окружавших его друзей, Андерсен всю жизнь был очень одинок и сам же страдал от своего одиночества.

Андерсен — детский сказочник?

Фраза «сказочник Андерсен» стала уже аксиомой. Это было очевидно и многочисленным почитателям его творчества еще при жизни писателя.

То есть буквально всем, кроме ... самого Андерсена. Он считал себя кем угодно: актером, драматургом, поэтом, писателем, но только не сказочником и уж тем более не детским.

И для этого у него, казалось, были веские основания. Литературное наследие Ганса Христиана Андерсена невероятно обширно и удивительно разнопланово. Помимо свыше 200 сочиненных им сказок он написал 12 сборников стихов, 6 томов романтической прозы и столько же полновесных романов, порядка 50 пьес, 5 больших путевых очерков, 12 томов дневников и пространные мемуары «Сказка моей жизни» аж в трех вариантах!

Впрочем, в биографии Андерсена (особенно это касается периода начальной жизни и творчества писателя, многие детали которой известны порой исключительно с его собственных слов) до сих пор есть еще ряд «белых пятен». Мировой сенсацией стала случайная находка в октябре 2012 года ранней, неизвестной дотоле сказки Андерсена «Сальная свеча».

Хотя свой первый, опубликованный в 1835 году сборник сказок Андерсен, мечтавший создать цикл датских народных сказок, и озаглавил «Сказки, рассказанные детям», название было своего рода, как бы сказали сегодня, рекламным пиар-ходом, рассчитанным на привлечение

внимания достопочтенной публики. Истории из этого сборника предназначались как взрослым, так и детям. И действительно, его лучшие сказки одинаково интересны и тем, и другим. И если дети будут заинтересованы больше внешней фабулой сюжета, то взрослые смогут по достоинству оценить тонкий, едва уловимый юмор сказочника, местами переходящий в горькую иронию. Чего стоит, например, описание жизни солдата из сказки «Огниво», когда у того закончились деньги: «...никто из друзей уж не навещал его, — уж больно высоко было подниматься к нему!», или подсмотренной колдунами через увеличительное стекло жизни диковинных зверюшек из сказки «Капля воды».

И все же большинство адресатов сказок Андерсена, это именно взрослые, а не дети. Сказки Андерсена — философские притчи, содержащие тонкую сатиру на современную ему действительность и персонажей, введенных им в образе одушевленных животных или предметов. Ну и, конечно, завуалированное описание собственного жизненного пути, наиболее ярко и емко воплотившееся в его «Гадком утенке».

Невероятно, но факт: большинство сказок Андерсена, составивших ныне золотой фонд детской и мировой литературы, у него на родине поначалу были довольно холодно встречены критикой, находившей в каждой из них многочисленные изъяны. Андерсен продолжал сочинять сказки, хотя и был твердо уве-

рен, что они не его «конек». Просто множеству роившихся в его голове мыслей и идей был нужен выход: сочинял истории он невероятно быстро, буквально на ходу, не случайно его главный роман называется «Импровизатор».

И лишь под конец жизни Андерсен с удивлением для себя осознал, что именно сказки прославили его и сделали всемирно знаменитым, что сказки — «блестящее, лучшее в мире золото, то золото, что блестит огоньком в детских глазках, звенит смехом из детских уст и из уст их родителей». Но тогда же он с горечью констатировал, что «заплатил за свои сказки большую, непомерную цену. Отказался ради них от личного счастья и пропустил то время, когда воображение должно было уступить место действительности».

Андерсен и дети

Памятников при жизни обычно не ставят. Даже великим людям (тираны и вожди — не в счет). Но для Андерсена датчане решили сделать исключение и установить к 70-му юбилею Ганса Христиана памятник Писателю, прославившему их страну. Андерсен, правда, до сего знаменательного события не дожил, зато успел поучаствовать в обсуждении многочисленных проектов.

Писатель бескомпромиссно отверг варианты, эксплуатировавшие, казалось бы, благодарную тему: детский сказочник в окружении востор-

женной детворы, сидящей у него на коленях. Дело в том, что Андерсен никогда не позволял детям садиться к себе на колени и тем более обращаться с ним как-то фамильярно. Ведь он считал себя серьезным взрослым писателем, просто некоторые его произведения нравились еще и детям. В итоге в памятнике, открытом в 1880-м, к 75-му юбилею великого датчанина, Андерсен в одной руке сжимает свою книгу, а другой

павших к нему детей. «Не пугайтесь, это не наши с Матильдой дети», — тут же нашелся Гейне. — Мы взяли их с женой напрокат». Поверить в такое мог, наверное, лишь Андерсен, сам большой ребенок.

Показателен и другой случай из жизни писателя. Когда поклонники прислали ему в подарок коробку шоколадных конфет, Андерсен, боявшийся, что таким образом мифические завистники хотят отравить его,

Невероятно, но факт: большинство сказок Андерсена, составивших золотой фонд детской и мировой литературы, у него на родине поначалу были довольно холодно встречены критикой, и он сам был уверен, что сказки — не его «конек». И лишь под конец жизни Андерсен с удивлением для себя осознал, что именно сказки прославили его и сделали всемирно знаменитым

обращается к посетителям Королевского сада Копенгагена.

Нет, живой Андерсен не избегал специально детской аудитории, хотя, впрочем, никогда и не стремился завоевать именно ее авторитет. Маленьких детей он даже немного побаивался, не знал, как себя с ними вести. Генрих Гейне даже как-то разыграл Андерсена, когда тот, после долгого перерыва (когда Гейне был еще холостым) вновь навестил дом немецкого романтика в Париже и был поражен количеством высы-

не придумал ничего лучшего, как передарить их соседским мальчишкам. А когда увидел, что с ними все в порядке, затребовал свой подарок назад. В этом был весь Андерсен: взрослый, на всю жизнь оставшийся ребенком.

С детьми же Андерсен вел себя как с несмышлеными взрослыми, выступая в роли учителя-ментора, с удовольствием отвечал на их многочисленные вопросы, мог восторгаться их непосредственностью и милыми словечками, но не играл и не

сюсюкал с ними. Писатель был великолепным рассказчиком, а чтение вслух собственных произведений становилось всякий раз блестящей авторской импровизацией. Сохранились воспоминания Владимира Николаевича Майкова, издателя в России детских журналов «Подснежник» и «Семейные вечера», как Андерсен читал юным датчанам свою сказку «Стойкий оловянный солдатик»: «Все смолкло, слышно было, как шумят крылышками стрекозы в воздухе, детвора вся обратилась в слух».

Андерсен сочинял сказки и для конкретных детей. Так, первой придуманной им сказкой (а не литературно обработанными народными преданиями) стала «Цветы маленькой Иды», рассказанная дочери его

друга — писателя и фольклориста Юста Маттиаса Тиле. Сюжет пришел к Андерсену моментально, во время прогулки с маленькой Идой в Ботаническом саду, когда он беседовал с ней о цветах. В один миг сочинил Андерсен и сказку «Прыгуны» для детей его давнего друга Эдварда Коллина (сына его главного многолетнего покровителя, статского советника Йонаса Коллина), когда они спросили писателя, кто выше прыгает: блоха или кузнечик.

Расчувствовавшись во время своего путешествия по Германии от подарка Эрика, маленького сына немецкого поэта Юлиуса Мозена, вручившего писателю игрушечного оловянного солдатика, чтобы господин Андерсен «не чувствовал себя таким

одиноким», писатель моментально придумал сказку «Старый дом».

Сказку «Спроси с Амегера фру!» (впервые опубликованную на русском лишь в 2016 году), Андерсен сочинил за обедом у своих друзей, супругов Энрикес, для их малолетней дочери Марии, отказывавшейся есть суп из-за жесткой, по ее мнению, моркови.

Впрочем, Андерсен рассказывал свои сказки-истории не только детям своих друзей и знакомых. Венценосные особы тоже порой приглашали знаменитого писателя рассказывать своим наследникам его удивительные истории. Одним из них был маленький мальчик Людвиг. Когда он вырос и стал баварским королем Людвигом II, то попытался воплотить в своей небольшой стране придуманный «королем сказки» мир наяву. Вот только финал этой истории лично для «сказочного короля», как прозвали Людвига II его подданные, был грустным и трагичным одновременно. Кстати, это очень по-андерсеновски.

Большинство из написанных Андерсеном сказок назвать детскими сейчас можно лишь с очень большой натяжкой, хотя дети действительно занимают в них одно из центральных мест. В этих сказках и в помине нет никакого хеппи-энда, сюжет откровенно мрачен, жесток и трагичен, Добро отнюдь не побеждает Зло, а высшую справедливость можно отыскать разве что в Вечности (чего стоят его пронзительно-трогательные «Девочка со спичка-

ми» и «На могиле ребенка» или назидательно-нравоучительные «Девочка, наступившая на хлеб» и «История одной матери»).

Но тут надо понимать, что Андерсен был сыном своего века, а его время отнюдь не располагало к сантиментам: войны и казни, эпидемии и высокая детская смертность были заурядным явлением. Писатель, по сути, лишь воспроизводил окружающий его мир, облакая его в сказочную форму.

Андерсен и Россия

Еще при жизни датского писателя его сказки в нашей стране были в целом весьма благожелательно встречены как критикой, так и публикой. Они полюбились всем, и взрослым, и детям, а многие названия сказок даже стали крылатыми: например, «стойкий оловянный солдатик», «принцесса на горошине», «снежная королева», «голый король»...

Огромным подарком для почитателей творчества Андерсена стал титанический труд четы Ганзен, завершивших в конце XIX века перевод собрания сочинений датского писателя с языка оригинала на русский. До того произведения Ганса Христиана были известны в России в основном с французских или немецких переводов, в результате чего неизбежно терялась частичка неподражаемого андерсеновского языка. Многие сказки великого датчанина до сих пор печатаются именно по их

переводам, ставшим классикой. Выходец из Дании Петер Эммануэль Хансен, превратившийся в России в Петра Готфридовича Ганзена, был лично знаком с Андерсеном, и вместе со своей супругой Анной Васильевной Ганзен (урожденной Васильевой) приложил все силы для популяризации творчества своего знаменитого соотечественника.

От внимания историков обычно ускользает тот факт, что супруга Александра III, мать последнего российского императора Николая II, Мария Федоровна до перехода в православие была датской принцессой Дагмарой, дочерью короля Кристиана IX. У эмоционального Андерсена

*Счастливым путь, прекрасная
Дагмар!
Ты отправляешься к величию
и блеску —
Венец невесты превратится
в царский.
Пусть Бог дарует свет тебе
и в новом доме,
А слезы, пролитые при
прощаньи,
Жемчужинами обернутся...*

При Марии Федоровне, имевшей значительное влияние на своего царственного мужа и сына, популярность датской литературы (и в первую очередь сказок Андерсена) значительно возросла.

От внимания историков обычно ускользает тот факт, что супруга Александра III Мария Федоровна была датской принцессой Дагмарой. У эмоционального Андерсена навернулись слезы, когда он, среди прочих жителей Копенгагена, в 1866 году провожал в порту юную принцессу, уезжавшую в Россию. Лично знавшая его Дагмар в знак прощания протянула писателю свою изящную ручку

навернулись слезы, когда он, среди прочих жителей Копенгагена, провожал в 1866 году в городском порту юную принцессу в Россию, а лично знавшая его Дагмар в знак прощания протянула писателю свою изящную ручку. У Ганса Христиана по этому поводу родились такие строчки:

Любовь к сказкам Андерсена продолжилась в России и в XX веке. В СССР Ганс Христиан Андерсен был самым издаваемым зарубежным писателем, а совокупный тираж его произведений составил почти 100 миллионов экземпляров. Не будет большим преувеличением ска-

зять, что в самой читающей стране мира сказки Андерсена были на книжной полке практически каждой советской семьи. Об этом у С.Я. Маршака есть замечательные строки: «У нас в стране он давно обрел вторую родину. Поколение за поколением воспитывалось на его сказ-

ках, радуясь, негодуя и сочувствуя до слез его героям...»

P.S. Андерсен — жив? Жив!

Говорят, чудеса случаются с теми, кто в них верит. В том, что это действительно именно так, легко убе-

даться, если оказаться в музее Анны Васильевны Ганзен, что затерялся в хитросплетениях живописного Никольского оврага рязанского Касимова. К этому очагу культуры нет указателей, но знающий и ищущий обязательно осилит дорогу и придет к намеченной цели. А открыл этот необычный музей не так давно в своем доме местный житель — Анатолий Николаевич Смирнов. Он удивительно, просто невероятно похож на великого сказочника, даже гримироваться ставшему местной знаменитостью касимовцу не надо. А уж когда радушный хозяин музея надевает цилиндр и фрак, скроенные по моде позапрошлого века, то поневоле начинаешь верить в реинкарнацию — ведь перед тобой собственной персоной материализуется... Ганс Христиан Андерсен. Происходит это, видимо, оттого, что Анатолий Смирнов на каком-то высшем, неведомом

нам энергетическом уровне породнился с самым знаменитым датчанином в России.

Ну а при чем же здесь Анна Ганзен? — спросите вы. А при том, что первые три года своей жизни маленькая Аня Васильева, знаменитая впоследствии переводчица сказок Андерсена на русский язык Анна Ганзен, провела именно здесь, в тихом и уютном Касимове. Более того, дом в котором она жила, в детстве стоял по соседству с тем самым домом, в котором живет ныне касимовский Андерсен. Вот такое еще одно невероятное, случайное совпадение. Или неслучайное?! Переводы с датского Анны Ганзен, блестяще исполненные ею в соавторстве со своим мужем, датчанином Петром Ганзеном, обретшим в России второе Отечество, давным-давно стали не только классикой, но и до сих пор считаются непревзойденными по качеству исполнения. И в нынешнем столетии, как и век назад, издатели вновь и вновь печатают сказки Андерсена именно в переводе этой супружеской и творческой четы.

Взбираясь по крутому склону Никольского оврага к дому Анатолия Смирнова, уже при подходе начинаешь погружаться в дивный волшебный мир, созданный полетом фантазии гениального датского сказочника. Вот увеличенная деревянная копия бумажного кораблика, на котором отправился в свое путешествие Стойкий Оловянный Солдатык, а вот коллекция разноцветных зонтиков,

Слева:

*Анатолий
Николаевич
Смирнов*

*Музей
Анны Ганзен
в Касимове*

переносящая нас в волшебный мир Оле-Лукойе. Все эти предметы, как и многие другие, были собраны лично хозяином музея и размещены перед входом в его дом. Причем лишь малая часть из них была куплена — большинство уникальных артефактов Анатолий Смирнов смастерил сам. Здесь и уникальный трехколесный деревянный велосипед, на котором касимовский Андерсен разъезжает по округе и катает детвору, и несколько разномастных пар деревянных «башмаков счастья» (в подобных разгуливали по датским мостовым андерсеновские герои). Их обязательно надо примерить и загадать желание, если оно от чистого сердца — то непременно исполнится, стоит только запастись терпением.

Если вдруг ветер странствий занесет вас в Касимов, не забудьте посетить музей переводчицы Анны Ганзен. Ибо душа ваша, пусть на краткое время, волшебным образом

погрузится в сказочную атмосферу детства. Большинство из нас, став взрослыми, стремятся туда попасть (хотя бы на пару мгновений!), но никак не могут. На самом деле, это удастся лишь немногим, тем, кто, став взрослым, сумел сохранить в своей душе по-детски чистое и наивно-трогательное восприятие окружающего мира. Таким «не от мира сего» был и сам датский сказочник Ганс Христиан Андерсен, таким же является его «касимовский альтер эго» Анатолий Николаевич Смирнов. Для него это не просто хобби, увлечение, это — его образ жизни, в который он вкладывает все свои силы. Как душевные, так и материальные (а последних у обычного пенсионера из российской глубинки, понятное дело, совсем немного). Но именно на таких, как Анатолий Смирнов, «чудаках» или добрых волшебниках и держится наш поистине сумасшедший, суетный мир. Не так ли?! □

Денис Логинов

Северный соловей

Крестьянку с русского Севера Ирину Федосову называли «народной поэтессой», и в этом не было никакого преувеличения: ее причитания были во многом «авторскими». Она создавала новые, вполне законченные и самостоятельные плачи-поэмы, в которых объединяла в одном произведении целый ряд отдельных действий, длящихся зачастую несколько дней и состоящих из множества отдельных причитаний.

Известно, что запись свадебного или похоронного обрядов от одного или даже нескольких исполнителей-участников не дает представления обо всей картине — необходимо восстановить и свести воедино записи всех участников этой народной драмы.

Случай Федосовой уникален тем, что она прекрасно знала не только свою «роль», но и всех других «действующих лиц». Она правила обрядом, а потому и смогла создать столь грандиозные и подлинно эпические плачи-поэмы.

Да и сама судьба «поэтессы-плакальщицы» была уникальной. Она едва ли не единственная осталась в русской истории не скупой строчкой «слова народные», а признанным творцом. Хотя и оставалась при этом обыкновенной крестьянкой, чуждавшейся всяких наград и регалий.

Они ее сами находили.

Ирина Андреевна Федосова родилась в 1831 году в многодетной семье Андрея Ефимовича и Елены Петровны Юлиных. Начала работать в шесть лет, а в двенадцать лет стала подголосничать на свадьбах. По ее словам, уже «восьми год знала, на какую полосу сколько сиять».

Девятнадцатилетней девушкой вышла замуж за шестидесятилетнего вдовца Петра Новожилова, тринадцать лет если не счастливой, то спокойной жизни с уважающим ее мужем, вдовство, второе замужество и унижительное положение младшей невестки в семье нового мужа, Якова Федосова, рождение и ранняя

смерть единственного сына Ивана — таков жизненный путь И.А. Федосовой. В 1864 году Ирина уговорила мужа переехать из деревни в Петрозаводск в поисках лучшей доли.

Обычная, ничем не примечательная судьба русской женщины.

Вот только с юности прославилась она по всему Заонежью как мастерица «водить свадьбы». А это было целое искусство, увы, прочно забытое и известное теперь только немногим исследователям русского фольклора. Но в девятнадцатом веке ни одна свадьба, ни одни похороны не обходились без традиционного «плача», никого не оставлявшего равнодушным.

Традиция причитывать была очень широко распространена. Особенно был развит этот поэтический жанр у русских, карел, коми, мордвы, у народов Юго-Восточной Европы. Плачевая культура процветала в Заонежье, Пудожье и Карельском Поморье до начала XX века, этот жанр считался преимущественно женским. На Русском Севере умением складывать и исполнять причитания обладала почти каждая крестьянка.

О широком бытовании и общественной значимости причитаний писал один из исследователей фольклора:

«Бывает такая пора в народной жизни, когда поэтическое настроение и поэтический материал составляют достояние целого народа, и всякая живая, восприимчивая личность при первом возбуждении извне выделяет свое чувство или представление в поэтический образ и облекает его сейчас же в поэтическую форму, которая в ту пору под рукой у каждого... У нас на Руси, сколько я ее видел, подобное настроение бывает только у женщин, лирическое, и в минуты сильного горя. Выражение его — заплачки, в которых чувство выливается само собой на свадьбах, при похоронах, при отдаче детей или родных в рекруты. В Петрозаводском Заонежье и на Пудожском побережье каждая почти женщина умеет высказать ощущение своей скорби, или слагая новую заплачку, или применяя к обстоятельствам старую...»

Так бы и осталась Ирина «одной из», давным-давно позабытых и безымянных, но вмешалась судьба. В 1867 году преподаватель Олонецкой духовной семинарии Е.В. Барсов случайно узнал о «северном соловье».

«Крестьянин Матвей Савельевич Фролов, у которого я стоял на квартире, когда служил в Петрозаводске, в разговорах со мной о разных олонецких старинах как-то сообщил мне, что у них в Заонежье очень жалобно причитают на свадьбах и похоронах, что там есть вопленицы на славу, и слушать их собираются целые деревни; что он лично знает одну из таких воплениц — Ирину Андреевну, в деревне Кузаранда за Яковом Федосовым».

Начинающий собиратель стал разыскивать сказительницу. Оказалось, что она уже несколько лет живет в самом Петрозаводске.

«Я отыскал ее и расспрашивал о причитаниях, но она решительно объявила, что ничего не знает и сказывать не умеет и с господами никогда не зналась. Однако ж благодаря посредничеству моего хозяина, который по старому знакомству уверил ее, что человек я не опасный, она откровенно призналась, что знает очень много, что с молодости ей честь и место в большом углу, что на свадьбе ли заплет — старики запляшут, на похоронах ли завопит — каменный заплачет: голос был такой вольный и нежный».

Тихая, размеренная жизнь провинциального городка... А Барсов вдруг открыл здесь Трою — новую стра-

ницу русской литературы. 18 000–30 000 строк. Больше, чем у Гомера.

*«На полете лебедь белая!
Ой, куда летишь, косатушка?
Не утай, скажи, сугрева моя
теплая...»*

Поначалу Федосова категорически отказывалась от записи причитаний. Причину этого Барсов объяснил позднее:

«Я познакомился с ней в Великом посту 1867 года и тотчас же начал записывать от нее духовные стихи и старины: диктовать что-нибудь дру-

гробные и надмогильные» — издана в 1872 году, вторая — «Плачи завоенные, рекрутские и солдатские» — в 1882-м, третья — «Свадебные причитания» — в 1885-м.

Выход трех томов «Причитаний Северного края» Е.В. Барсова по праву считается крупнейшим открытием в русской, славянской и мировой фольклористике.

Всего фольклористом было записано более 30 000 стихов от Федосовой: плачей-поэм, причитаний, лирических песен, былин, баллад, сказок, пословиц, поговорок, исто-

О

бычная, ничем вроде не примечательная судьба русской женщины. Вот только еще с юности она прославилась по всему Заонежью как мастерица «водить свадьбы». В XIX веке ни одна свадьба, ни одни похороны не обходились без традиционного «плача», никого не оставлявшего равнодушным

гое она считала грехом. После Пасхи я принялся за причитания».

Первые фольклорные записи были опубликованы в газете «Олонецкие губернские ведомости». Это были тексты различных жанров: десять духовных стихов, баллады «О девяти братьях-разбойниках», «Василий и Софья», «Казань-город» и былина «Чурилушка Пленкович». В течение двух лет Е.В. Барсов записывал от исполнительницы плачи, вошедшие в трехтомник «Причитания Северного края». Первая часть «Причитаний» — «Плачи похоронные, над-

рических и духовных песен. Это может показаться невероятным, но все их она знала наизусть. «Грамотой я неграмотна, зато памятью я памятна», — так говорила она.

Уже сразу после публикации причитания Федосовой широко использовал Н. А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо», главы которой «Демушка» и «Трудный год» созданы во многом по мотивам федосовских плачей — о старосте, о попе-отце духовном, по мужу.

Сам некрасовский образ Матрены Тимофеевны (в первых черновых

*Е.В. Барсов
записывает
сказы
И.А. Федосовой,
1896 г.*

вариантах она даже звалась Ориной), ее судьба, рассказ о детстве тоже перекликаются с «рассказом о себе самой», который Барсов записал от Федосовой.

Вся 3-я часть поэмы «Крестьянка» написана по этой «автобиографии» Федосовой и по мотивам ее причитаний.

Но если поэма Некрасова известна многим, то прототип героини до последнего времени оставался неизвестным. То же самое произошло и с романом П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», где в описании похоронного обряда использованы «плачи» Федосовой.

Естественно, без указания автора.

Плачи Федосовой были опубликованы в те же самые годы, когда Ф.М. Достоевский писал в «Братьях Карамазовых»:

«Есть в народе горе молчаливое и многотерпеливое; оно уходит в себя и молчит. Но есть горе и надорванное, оно пробьется раз слезами и с той минуты уходит в причитания. Это особенно у женщин. Но не легче оно молчаливого горя. Причитания утешают тут лишь тем, что еще более растрavляют и надрывают сердце. Такое горе и утешения не желает, чувством своей неутолимости пита-

ется. Причитания лишь потребность раздражать непрерывно рану».

Ставшие классикой уже в XIX веке плачи Федосовой по своему художественному уровню до сих пор остались непревзойденными, высшими образцами народной обрядовой поэзии.

До публикаций Е.В. Барсова «вой», «плачи», «голошения» практически не были известны ни науке, ни писателям, ни профессиональным поэтам. А позже об ее плачах-поэмах с восхищением заговорили в научных кругах. «Причитания Северного края» приобрели широкую известность. Неграмотная олонецкая крестьянка стала знаменитостью у себя на родине.

При всем при этом она буквально нищенствовала. В 1884 году умер муж Ирины Андреевны, и ей пришлось вернуться в Кузаранду в дом деверя.

«Не сладка была жизнь у деверя, хлеб добывала корзиной (то есть собирала милостыню) и обедала и ужинала за своим столом. Большуха (жена деверя) не давала даже воды: "Принеси-де на своих плечах, а мы тебе не кормильцы и не поильцы"».

Классическим произведением русской народной словесности стал федосовский «Плач вдовы по мужу», открывающий «Причитания Северного края». Это самый большой по объему из ее плачей, в нем 1225 стихотворных строк — целая поэма о горькой участи вдовы, «победной головушки».

Только 1894 год вновь воскресил для образованной России имя И.А. Федосовой. Учитель Петрозаводской гимназии П.Т. Виноградов разыскал сказительницу и по приглашению Русского географического общества в январе 1895 года привез ее в Петербург. Началась серия блистательных публичных выступлений вопленицы в различных аудиториях столицы.

Она пела свои былины и плачи перед публикой (среди ее слушателей был Н.А. Римский-Корсаков, сделавший несколько нотных записей ее произведений), выступала на заседании Академии наук (здесь ее наградили серебряной медалью). Слушали Федосову члены Русского географического общества и Археологического института.

Приглашали сказительницу и в частные дома. Так, она пела у графа Шереметева и печально известного К.А. Победоносцева. Тогда же, в начале 1895 года, Федосова приняла радушное приглашение одного из своих богатых почитателей, государственного тайного советника Т.И. Филиппова, и поселилась на несколько лет в его доме в Петербурге.

В январе 1896 года в Москве она выступила на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, где была награждена второй серебряной медалью.

Первые же публичные выступления Федосовой в Петербурге, в Мо-

скве, на Нижегородской ярмарке в 1895–96 годах заставили говорить о «магической силе» ее искусства. Ф.И. Шаляпин вспоминал:

«Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятна глубокая прелесть народного творчества. Неподражаемо прекрасно “сказывала” эта маленькая кривобокая старушка с веселым детским лицом о Змее Горыныче, Добрыне, о “его поездках молодецких”, о матери его, о любви. Предо мной воочью совершалось воскрешение сказки, и сама Федосова была чудесна, как сказка».

произведений сказительницы были записаны на восковые валики фонографа. Время сохранило для нас голос вопленицы. Сегодня мы можем услышать его в Фонограмархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Летом 1896 года в Нижнем Новгороде открылась Всероссийская художественно-промышленная выставка. Федосова была приглашена сюда для выступлений в концертном зале. Здесь-то и услышал сказительницу и восхитился ее пением молодой Максим Горький.

Писатель посвятил ей два очерка («С Всероссийской выставки» и «На выставке»). Поместил он «кривобо-

О

«плачах-поэмах» Федосовой с восхищением заговорили в научных кругах. «Причитания Северного края» приобрели широкую известность. Неграмотная олонецкая крестьянка стала знаменитостью. По приглашению Русского географического общества в 1895 году она приехала в Петербург, и началась серия блистательных публичных выступлений вопленицы

И Н.А. Римский-Корсаков, и Ф.И. Шаляпин слышали уже 65-летнюю Федосову. Никто из них не мог представить, как звучал ее голос в 1867-м, когда ее впервые встретил в Петрозаводске Е.В. Барсов. Кроме того, на родине она исполняла плачи не одна, а с хором подголосниц.

В декабре 1895 года вместе с П.Т. Виноградовым Ирина Андреевна выехала в Москву. Фрагменты

кую старушку» и на страницах своего романа-хроники «Жизнь Клима Самгина».

Самгин, с его опустошенной холодной душой, слушает выступление Федосовой в Нижнем Новгороде в концертном зале Художественно-промышленной выставки. Его впечатление от пения олонецкой сказительницы оказалось столь велико, что он «почувствовал, что никогда

еще не был таким хорошим, умным и почти до слез несчастным, как в этот странный час, в рядах людей, до немоты очарованных старой милой ведьмой, явившейся из древних сказок в действительность, хвастливо построенную наскоро и напоказ».

Но были не только восторги. В рукописи «О записях и изданиях «Причитаний Северного края» — о личном творчестве Ирины Федосовой и хоре

ее подголосниц — Е.В. Барсов подробно рассказал о первой неоднозначной реакции в обществе на народные причитания: с «насмешливыми улыбками, ребяческими пердразниваниями или же надутым презрением к подобным занятиям, недостойным порядочного человека».

Ирину Андреевну мало волновали и хвала, и хула. Она жила своими «причитаниями».

Затем были выступления в Казани, потом опять Нижний Новгород, возвращение в Петербург. Уже в XIX веке ставшие классикой, плачи Федосовой по своему художественному уровню до сих пор остались непревзойденными образцами народной обрядовой поэзии. Ее называли «народной поэтессой», и в этом не было никакого преувеличения — причитания действительно были во многом «авторскими».

Еще три года прожила сказительница в доме Т.И. Филиппова. Весной 1899 года она почувствовала себя плохо и настояла, чтобы ее отправили на родину. Как ни покойно было ей в богатом доме Филиппова, она знала твердо: умирать надо на родине, родная земля должна была принять ее прах.

Скончалась Ирина Андреевна Федосова 10 июля 1899 года в Кузаранде. Похоронена на кладбище при кузарандской приходской церкви у деревни Юсова Гора, на берегу Онежского озера.

На ее могиле в 1981 году при содействии поэтов Марата Тарасова и Роберта Рождественского установлена стела с надписью:

«Здесь покоится прах великой народной поэтессы Федосовой Ирины Андреевны. 1827–1899».

В Петрозаводске на доме 6 по проспекту Карла Маркса в честь И.А. Федосовой установлена мемориальная доска. Ее именем названа улица в исторической части Петрозаводска, вблизи набережной Онеж-

ского озера. Имя И.А. Федосовой носит городская библиотека Медвежьегорска.

*Не кокошица в сыром бору
 кокует,
Это я, бедна кручинная, тоскую:
На катушем да сижусь синем
 камышке,
Проливаю горьки слезы во бистру
 реку...
Плачу, плачу, затем и песню спою
 с горя:
Во тумане красно солнышко,
Оно во тумане:
Во печали красна девушка,
Во большой заботе.
Взвещевало мое сердце,
Взвещевало зло-ретиво,
Мне-ка не сказало:
Сердце слышало велику над собой
 невзгоду,
Что вконец моя головушка,
Верно, погибает...*

Время идет... Уже сам язык стихов для нас становится непонятен. Ушли в прошлое и многие темы ее творчества. Но многие образы все еще волнуют. Мать, оплакивающая свое дитя, солдатик-горемыка, который не хочет идти в поход от молодой жены, деревенский заступник-староста, сгинувший в тюрьме...

Вот она — наша история — светлая, с задорным и грустным одновременно взглядом — смотрит на нас со страниц произведений Ирины Федосовой. □

The title 'Упала помидорка' is centered in a large, bold, black font. It is overlaid on a background of several tomatoes. Some of the tomatoes are cut open, and white thought bubbles are scattered around the text, some overlapping the letters. The overall composition is circular and textured.

Упала помидорка

Из груды скользких карасей с ясным взглядом печально-недоумевающих глаз Олеся выбрала четырех самых больших и толстеньких. Соскребла чешую. Затем, воткнув острый конец узкого ребристого ножа в дырочку, ловко вспарывала брюшки и вытряхивала внутренности в полиэтиленовый мешочек.

— Этот еще живой, даже жалко. — Рука с ножом задержалась в воздухе, и она через плечо посмотрела на Люду, резавшую овощи для салата.

— Судьба у них такая, — равнодушно отозвалась Люда, сыпая ломтики красного помидора в салатницу. — Вот коров жалко, потому что в них столько заботы вкладываешь. И они настолько человеку доверяют, что, когда их ведут на бойню, покорно идут за ним, грустно взмахивая длинными ресницами. Вот где сердце разрывается...

Мартовский вечер невнятно серел за окном. Вроде еще светло, но воздух на кухне и все предметы как бы покрылись серым налетом.

— Интересно, — задумчиво проговорила Люда, подавая Олеся розовый, в мелкий цветочек, фартук. — Овощам больно, когда их срывают и режут?

— Не выдумывай. Это нам, женщинам, всю жизнь больно, — хмыкнула Олеся, кладя рыбешек на раскаленную сковороду.

Когда-то они обе работали на одном заводе: Олеся, живая, энергичная, «энерджайзер», как ее называли, — в проектной службе, Люда, несколько меланхоличная, часто углубленная в фэншуйские или эзотерические мысли, — наладчиком станков. Обе были активными общественницами, вместе участвовали в спортивных соревнованиях. Но в начале 90-х годов в оборонке начались проблемы — зарплату задерживали, сбыта большей части продукции не было. Они попали под сокращение и как-то потеряли друг друга из виду. В те годы каждый выживал, как мог, всем было трудно. Люда понемногу продавала заводские акции, а потом ее дочь удачно устроилась на работу в иностранную фирму, и потихоньку благосостояние в их маленькой семье пошло вверх.

А Олеся огляделась вокруг, решила, что жизнь дает ей шанс работать не просто за хлеб с маслом, а еще и с икрой, и начала «челночничать». В ней быстро проявилась коммерческая жилка. Когда рынок насытился вещами, переключилась на продукты питания. Сейчас у нее несколько точек по продаже рыбы.

Они встретились случайно в торговом центре. Разговорились. Узнав, что у Люды день рождения, Олеся собрала в пакет карасей, они купили овощи и отправились к имениннице.

— Знаешь, меня всегда удивляет гармония в природе, — готовя на кухне закуску, произнесла Люда, поднимая половинку спелого красного помидора. — Смотри, как расположены семена: ровно по дуге почти на равном расстоянии. Или вот огурец, какая симметрия во всем.

— Да, — оживилась Олеся, повернув к ней свое миловидное лицо с глазами болотного цвета и ямочкой на решительном подбородке. — Я тоже всегда поражаюсь этому. Вот карась целый: аккуратненький, небольшой. А как начнешь его поедать, косточки в такую кучу вырастают, что думаешь: как же все это так рационально было уложено природой в небольшой организм.

— Жаль, нет этой гармонии в человеческой природе, — вздохнула Люда, вытерла руки и с улыбкой добавила: — Ну, все. Можно садиться за стол. Рыба теперь сама в духовке «дойдет».

Стол, покрытый клеенкой оливкового цвета, превратился в настоящий натюрморт, достойный кисти художника. В прозрачном салатнике весело толпились ярко-зеленые огурцы с рубиновыми ломтиками помидоров,

между ними невозмутимо лежали белоснежные луковые кольца, пылинки черного перца озорно нежились на ломтиках овощей, которые, с наслаждением впитывая в себя оливковое масло, лоснились и вызывали неудержимый аппетит. С улицы вдруг прорвался на кухню солнечный луч, и тарелки из модного когда-то немецкого сервиза «Мадонна», столовые приборы, вино в бутылке, фужеры, светло-желтый нарезанный сыр — все это перламутрово заблестело.

— Ну что, за твое рождение! — подняла бокал с красным вином Олеся. Подруги чокнулись и дружно выпили.

Салат перекочевывал в тарелки и быстро убывал.

— А что ты вдруг заговорила о человеческой природе? Там с организмом такая же красивая история, как и у животных, — посмеиваясь, сказала Олеся.

— Я имела в виду человеческие отношения. Грустно, когда любимый человек предает. — Голубые глаза Люды подозрительно повлажнели.

— Ах, ты об этом!

Люда встала, нагнулась к духовке, вытащила противень. Переложила в плоскую тарелку запеченных рыбешек и поставила ее на стол. Включила свет.

— Хорошая у тебя фигура, — похвалила Олеся. — Продолжаешь спортом заниматься?

— Да так, для себя. С девчонками на лыжах ходим, со скандинавскими палками шагаем. В общем, на пенсии не скучаю. А у тебя как?

— Я по утрам бегаю. Потом на работе целыми днями ношусь: у меня несколько точек. Вот недавно арендовала помещение, где мы с тобой встретились. Если хочешь, могу взять тебя продавцом.

— Нет, я не хочу работать. Вообще не хочу.

— Так что у тебя случилось?

— Ты помнишь, наверное, я развелась с мужем давно, дочка маленькая была. Одна ее поднимала. Сейчас она в Бразилии работает, в одной нефтяной компании. Знаешь, я к ней летаю, а ее фирма оплачивает мне билеты. Представляешь? Так вот. Как-то после двадцатилетней разлуки заявляется бывший муж и требует раздела квартиры. Не буду рассказывать, что я пережила. Двухкомнатную квартиру пришлось продать, отдать ему часть денег. Так я оказалась в «однушке». Но я не об этом хотела сказать... Год назад встретила мужчину. Такой интеллигентный, умный. И я подумала: вдруг это мое счастье на старости лет? Одиночество ведь утомляет, угнетает. Стали жить вместе. Он так настрадался в той семье: жена была жадная, не давала денег на обеды, все время дергала — то в театры, то на концерты. А человеку, может, покоя и семей-

ного уюта хочется. Я ничего от него не требовала. Вот лежит он на диване, и мне ничего от него не надо. Лишь бы был здесь, со мной рядом. Просто был со мной. — Люда сглотнула комок в горле, отпила вина и продолжила: — Все вроде было нормально. А месяца два назад он вдруг заговорил о прописке. Я ему сказала, что квартира останется моей единственной дочери. Но он, нет-нет, да заговаривал об этом. А неделю назад собрал вещи, сказал, что его любовница готова прописать у себя. И ушел... Да ты ешь, ешь. Давай еще выпьем.

Под окном коротко взвыла сигнализация. И снова стало тихо. Мерно тикал будильник. Они взялись за карасей, которые оказались очень вкусными.

— Что-то грустный день рождения получается, — вздохнула Люда и, поднявшись из-за стола, начала готовить чай. — А у тебя-то как дела?

— Да почти так же «весело», как у тебя, — усмехнулась Олеся, доставая из ящика стола чайные ложки. — Пять лет назад встретила однокурсника, вспомнили студенческую влюбленность, стали жить вместе. Все было нормально. Но полтора года назад, помнишь, в торговом центре у Дворца спорта возник пожар? Это была настоящая катастрофа — на мне повисли долги за пропавший товар, ипотека. Через две недели после этого муж ушел от меня. Не то, чтобы вот так собрал вещи и отчалил. Просто повел себя так, что я не выдержала и сама выгнала его. Такое предательство трудно простить. Но я выстояла. Все у меня потом нормально пошло: выкарабкалась, долги закрыла, еще магазин открыла. И он вдруг появился на пороге. Ну, думаю, ладно. Я как раз взяла тур по святым местам, и мы поехали вместе. Тур был не легкий: в некоторых местах надо было чуть не ползком подбираться к священной раке с мощами через узкий проход. И в какой-то момент я вдруг посмотрела на наши отношения другими глазами. Шикарная квартира в центре — мной куплена, крутая тачка — моя, все расходы на поездки, продукты, билеты, вещи — все это на мои деньги. Знаешь, будто плита между нами упала. Я поняла, что все эти годы со мной жил потребитель, от которого я не видела ни помощи, ни поддержки. Так зачем я должна прощать ему его предательство?..

Потом стала встречаться с давним поклонником (он большой чиновник, много помогал мне в решении вопросов). Стою я как-то в церкви и вдруг осознаю, что вторгаюсь в чужую семейную жизнь. Я — третья сторона треугольника, не первая, не вторая. Зачем мне это? Разве мне плохо одной?

— Вообще-то надо, чтобы рядом был надежный человек.

— Конечно. Но мне хочется, чтобы меня полюбили такой, какая я есть. Мне не надо помогать в жизни, я со всем справлюсь сама. Но мне нужна теплота, искренность.

— Ну, об этом каждая мечтает. Просто, понимаешь, зачастую мужчина, который приходит к женщине, он приходит от другой. То же самое — мы. У всех есть прошлое, важно, как к этому относиться. Я недавно поняла одну вещь: надо знать, что для тебя главное — быть вдвоем и в горе, и в радости? Но для этого нужно огромное терпение. Или для тебя в семейных отношениях важнее удовлетворение амбиций? Я такая неповторимая! Ах, он меня предал, он меня не достоин!

— Я, скорее, из второй группы, — засмеялась Олеся и уже серьезно добавила: — Наверное, все-таки не случайно судьба подсказывала мне решения в святых местах...

Договорить она не успела — неожиданно раздался мелодичный звонок в дверь.

— Это соседка, наверное. Обещала зайти после работы. Надо добавить овощи в салат, — произнесла Люда и направилась к входной двери, а Олеся взялась за нож и крупный блестящий помидор.

— Зачем ты пришел?! — послышалось вдруг от двери.

— Ну, как, с днем рождения поздравить, — игриво ответил мужской голос.

Движимая смутной догадкой, Олеся двинулась к кухонной двери и, замерев на пороге, в недоумении проговорила: — Это ты? — За полсекунды в ее голове пронеслось: «жадная, денег не давала». И со всей силой негодования она повторила: — Ты?!..

Мясистая половинка помидора, сверкнув дугообразными ровными вкраплениями крохотных семян, с жирным плеском шмякнулась на красно-коричневый ламинированный пол... □

София, любовь моя

1

В двадцать пять лет несчастный Франци получил двойной шок: он узнал, что в старинном охотничьем

замке Майерлинг его кузен, единственный сын императора, наследник австрийского престола, кронпринц Рудольф, пустил пулю в лоб

себе и своей любовнице, и, стало быть (это как раз и был второй шок!), наследником престола теперь будет он, Франц Фердинанд.

Как ни странно, от первой волны шока Франци оправился быстрее. С беднягой Рудольфом он не был особенно близок и всегда осуждал кронпринца за безалаберность, безделье и разгульную жизнь.

Конечно, жаль было несчастного Рудольфа, ведь он ушел из жизни совсем молодым, но теперь... Надевать терновый венец императора Австро-Венгрии Франци был не готов. Да и какое наследство мог оставить ему педантичный дядюшка? Лоскутное одеяло, занимающее центр Европы и только имитирующее целостность — старую добрую Австрию. Сколько различных народов обитало на ее землях! И сколько национальностей, с невероятным самолюбием и амбициями, всегда мечтающих о независимости, — венгры, поляки, украинцы... Дядюшка как будто не видел всех этих противоречий, не хотел видеть, устало принимал поклоны придворных дам и кавалеров и... не любил своего племянника. Франци знал об этом, но ничего не мог поделать. Любовь нельзя купить, а уж любовь императора — и подавно. «Мне страшно оттого, — часто повторял старик, — что скоро мое место займет Франци. Он наверняка приведет империю к катастрофе».

Никто не мог понять, на чем было основано это предположение. Ну, к какой катастрофе мог привести дом

Габсбургов этот мужественный, подтянутый, пусть и немного флегматичный, пусть и не хватающий звезд с неба человек? Все знали, насколько наследник дисциплинирован, как он уважителен со всеми, всегда держит слово, не говорит лишнего. Почему — катастрофа?

Судьба распорядилась с точностью до наоборот — к катастрофе империю привел вовсе не Франц Фердинанд, а его дядя — застывший, как муха в вишневом сиропе, в чопорном и слащавом ритуальном девятнадцатом столетии. Именно этот педантичный восьмидесятичетырехлетний полиартритный старец и развязал в дальнейшем страшную бойню, в которой сгнули десять миллионов солдат и офицеров, не говоря уже о мирных жителях, перестали существовать три монархии, а сама Австро-Венгрия исчезла с лица земли как государство.

Кайзер мечтал, чтобы империю возглавил юный Карл, его внучатый племянник. Именно в Карле он видел продолжение рода Габсбургов. Но для этого Франци должен был публично отказаться от престола. Проявить такую слабость он никак не мог, да и не хотел. Как почти все Габсбурги, Франци был достаточно самолюбив. Нельзя было отказать молодому наследнику и в самостоятельном мышлении. На многие вещи он имел свое мнение, в корне отличное от мнения дяди, и мечтал о существенных переменах в государственном устройстве. Почему именно

Австро-Венгрия? Ведь австрийцы и венгры были только двумя из более чем двадцати народов, населяющих империю. Но Венгрия почему-то всегда выделялась и почиталась Габсбургами. Выполняя воинские обязанности на территории этой страны, Франци столкнулся с амбициозностью и гордостью мадьяр, всегда искавших повод заявить о собственной исключительности и нежелании подчиняться Вене. Наследник мечтал предоставить всем национальностям равные права, а не только австрийцам и венграм. По его мнению, центральное государство континента должно было гарантировать старушке Европе порядок и долголетие. Старая добрая Австрия должна была, как заботливая старшая сестра, словом и делом воспитывать своих младших сестричек — отобрать у Венгрии, страны-подростка, спички, лелеять малюток Хорватию, Боснию и Герцеговину, сглаживать детские дикости Галиции и Трансильвании, хвалить трудолюбивых и добродушных Моравию и Богемию. А позднее, когда настойчивый и целеустремленный Франц Фердинанд осуществил кругосветное путешествие и побывал в Штатах, он загорелся идеей Соединенных штатов Европы, которые мечтал создать на месте лоскутного одеяла Австро-Венгрии.

Конечно, Франци не воспитывали как наследника престола, но его растили как члена императорского дома. Учителя сменяли один другого, и только поздним вечером не-

счастливый мальчик мог насладиться свободным временем. В науках же Франц Фердинанд был не силен, и особенно плохо давались ему иностранные языки — он свободно овладел только французским. По-английски изъяснялся еле-еле, венгерский (который должен был знать как представитель дома Габсбургов!) на дух не переносил, как, впрочем, и все венгерское.

Судьба постоянно смеялась над Франци. Оказавшись наследником не только императорской короны, но и миллионного состояния итальянца по фамилии д'Эсте, он должен был, согласно завещанию, в случае получения наследства, досконально изучить итальянский язык и взять фамилию д'Эсте как красивую добавку к дому Габсбургов. Франци мучился, но зубрил музыкальные итальянские слова, чем-то напоминающие католическую литургию. Ему, человеку практическому, занятие это казалось совершенно бесполезным, безумной тратой времени. Многомиллионное состояние, полученное благодаря согласию на издевательские условия бездетного герцога, оказалось «котом в мешке». С одной стороны, конечно, наследство казалось колоссальным — несколько замков в Австрии, Богемии и Италии, многочисленные коллекции картин и антикварного оружия. Но, согласно хитрому завещанию, Франци не имел права продать из завещанного ни мельчайшего предмета, а расходы на содержание работников и пенсии

для любимых слуг покойного завещателя превышали доход с имущества. В том и заключался парадокс судьбы Франци — этот наследник престола, один из самых богатых людей мира, не принадлежал сам себе. Он не был волен даже в том, чтобы встать с постели позднее хотя бы на восемь или девять минут. Престарелый слуга с седыми кривыми бакенбардами, пахнувший чем-то домашним и чем-то до удивления австрийским, сурово и педантично, безжалостно и отстраненно расталкивал

лошади, и военный мундир был ему к лицу.

В отличие от многих Габсбургов мужского пола, эрцгерцог не был сладострастником. Оргии, в которых постоянно принимал участие его младший брат Отто, прозванный Красавчиком, были ему омерзительны. Франци мечтал о здоровой, многодетной семье, и часто представлял себе свою избранницу. Но образ этот был скорее абстрактным. Так как по натуре он был очень скрытным и не любил делиться с кем-либо своими

Как только Франц Фердинанд стал наследником престола, он сразу же превратился в предмет охоты молодых принцесс императорских домов. Однако дворцовая жизнь его мало интересовала, он совершенно не был способен ни к каким интригам. Франц выбрал себе стезю ратного подвига — прекрасно ездил на лошадях, и военный мундир был ему к лицу

его, и нужно было вставать. Похожий на него слуга поднимал в четыре часа утра и самого императора. Разница была только в том, что Франци будили не в четыре, а в шесть.

Как только Франц Фердинанд стал наследником престола, он сразу же превратился в предмет охоты молодых принцесс императорских домов. Однако дворцовая жизнь мало интересовала его. Грузноватый тугодум совершенно не был способен к интригам. Он выбрал себе стезю ратного подвига — прекрасно ездил на

чувствами, его увлечение чешской графиней Софией Хотек поначалу не было никому заметно. Чем могла привлечь его эта очень высокая, уже не первой молодости, девушка, пусть и коренная аристократка, но все же славянка? Габсбурги славян не особо жаловали. Однако встреча с Софией на балу неожиданно и бесповоротно перевернула жизнь флегматичного Франци, наполнила ее новым содержанием.

София никогда специально не старалась привлечь чье-то внимание и,

*Франц-
Фердинанд*

Справа:
*Император
Франц-Иосиф,
дядя
Фердинанда*

будучи скромной фрейлиной самолюбивой и взбалмошной эрцгерцогини Изабеллы, предпочитала держаться в тени. Скромность Софи была продолжением ее набожности. Воспитанная в пуританской семье, графиня была религиозна до безумия и не пропускала ни одной службы. Когда Франци стал частенько навещать из Вены в далекий Пресбург, эгоцентричная Изабелла ни минуты не сомневалась, что наследник готовится сделать предло-

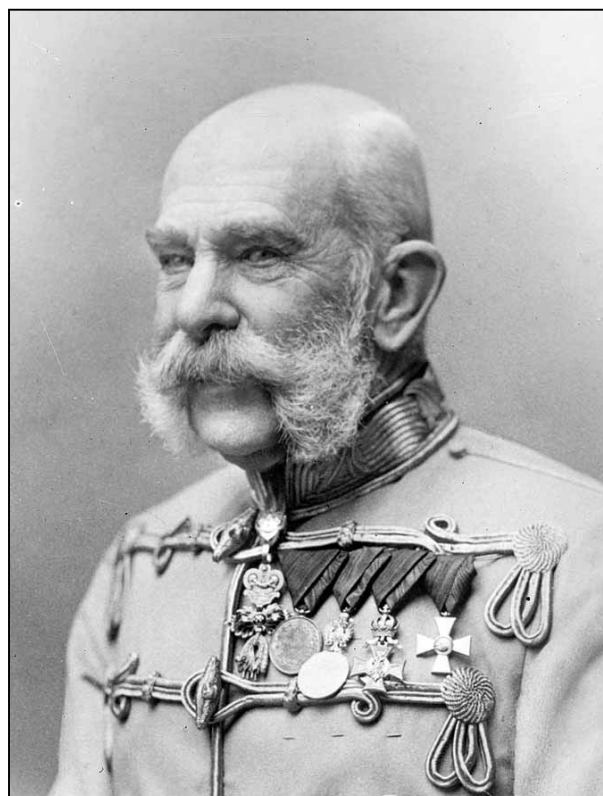
жение ее дочери. Возможность хоть как-то породниться с Габсбургами она считала большой удачей, а выдать дочь за будущего австрийского императора — тем паче.

2

В тот день Франци был особенно взволнован. Чешская графиня нравилась ему с каждой встречей все больше и больше. Он чувствовал, что София давно любит его, но тон ее писем едва выходил за границы официаль-

ности — и это постоянное «Вы», и вечные уверения в неизменности чувства, высказанные довольно холодным языком. Сам Франци тоже не давал выхода своим чувствам. На аккуратной площадке, поросшей зеленой травой, в этот день долго играли в теннис. Софи убежала куда-то, и было непонятно, прочитала ли она его последнее письмо или нет. В одной из отведенных ему комнат наследник быстро стащил с себя белые спортивные брюки и серый шерстяной джемпер крупной домашней вязки, подарок любимой мачехи, отложил в сторону овальную теннисную ракетку с длинной ручкой, переоделся в военный мундир и уехал в Вену. И уже у себя во дворце понял, что в кармане спортивных брюк забыл часы. А между тем пожилой лакей уже отнес забытые часы эрцгерцогине, на внутренней стороне крышки которых самолюбивая дама обнаружила... фотографию одной из своих фрейлин. Изабелла почувствовала сильную боль за грудиной, и в глазах у нее потемнело. Так значит, ради этой противной чешки мотался в Пресбург из далекой Вены наследник австрийского престола! Значит, вовсе не ее дочь привлекла внимание этого тьюфяка, а чешка! Молчаливая и гордая чешка! А она-то решила, что Франци характером вядю, такой же деликатный и нерешительный в личных вопросах, а он...

— Что вы себе позволяете, моя милая?! — как змея, зашипела Иза-

белла на испуганную Софи. — Вы нарушаете все возможные правила придворного этикета! Как вам удалось привлечь к себе внимание эрцгерцога, что вы там себе позволили?

— Я не посмела позволить себе ничего, что могло бы скомпрометировать меня лично и двор вашего высочества вообще, — смущенно ответила графиня. — Я имела высокую честь получать письма наследника и не отвечать на них считала бестактностью...

— Я приказываю вам покинуть мой дом сегодня же! Месячное жалование вам предоставят, а с этого дня ищите себе новое место.

Скандал в Пресбурге быстро докатился до Вены, и Франци понял, что откладывать больше нельзя — нужно срочно ехать к императору.

Ранним утром наследник прибыл в Хофбург. Дядюшка заставил себя долго ждать. Иногда он делал это специально, чтобы некоторые высокопоставленные посетители осознали значимость беседы с императором. С простыми смертными Франц-Иосиф, наоборот, был необычайно пунктуален, вежлив и тактичен.

— Что вам угодно? — спросил он, неожиданно войдя в зал из смежной комнаты. Это неожиданное появление тоже было одним из приемов старика, считающего себя большим психологом.

государь, еще раз внимательно посмотрел на наследника и старческой походкой направился к круглому столу из красного дерева, жестом приглашая Франци сесть.

«Будет просить о чем-то», — мелькнуло в голове у старого кайзера, и лицо его исказилось в гримасе, как будто он разжевывал горькую таблетку.

Франци заговорил быстро, путано, в глубине души ненавидя себя за свои жалкие слова. Он предвидел, как отнесется император к его просьбе, и казался себе тщедушным, бес-

Чешская графиня София Хотек была воспитана в католической среде и отличалась особой скромностью. Когда прелат Маршалл недвусмысленно заявил, что, если она освободит Франци от обещания жениться на ней, то понтифик лично вознаградит ее и назначит настоятельницей одного из самых влиятельных женских католических монастырей мира. Молодая графиня заверила священника, что разорвет отношения с Франци...

Франци покраснел, по-совиному захлопал красными от бессонной ночи глазами, рванулся с дивана и застыл по стойке смирно. Он обратил внимание на то, что один из седых бакенбардов у дядюшки был длиннее другого, и эта неаккуратность не красила стареющего императора. А дядюшка, в свою очередь, заметил, что одна из пуговиц мундира племянника была не застегнута, а сапоги не слишком хорошо вычищены. «Он явно не уважает меня», — подумал

помощным и никуда не годным человеком.

— Такого быть не может! Вы принадлежите к императорской фамилии и можете жениться только на особе императорского дома. Я не даю вам согласия. Честь имею.

Франц-Иосиф притворно кашлянул, встал, повернулся и вышел из зала.

С этого дня началась долгая, изнурительная борьба с императором. Авторитарный и законопослушный

Франци не то чтобы сильно уважал дядюшку, но никак не мог послушаться его. Воля кайзера — высшая воля, противиться которой нельзя. Пойти против государя — высшее преступление!

Но все же его положение не казалось ему полностью безвыходным. Выход был, и заключался он только в одном — убедить императора в своей правоте, воздействовать на него любыми способами, лишь бы он разрешил ему жениться на Софи.

Франци не был наделен ораторским даром, и он знал об этом. Жена покойного Рудольфа Стефания и мачеха Мария Терезия, по-матерински любившая и опекавшая Франци, надумили его (независимо друг от друга!) обратиться к дяде письменно.

«В том до ужаса диком, отчаянном, безутешном и безвыходном положении, в котором я нахожусь уже так давно, — писал бедный Франци императору, — мне остается только уповать на неистощимую теплоту отцовского сердца Вашего Величества с горячей просьбой об исполнении сокровеннейшего желания всей моей жизни. Брак с графиней — единственная для меня возможность стать тем, кем я хочу и кем должен стать — человеком, верным своему призванию. Иной брак никогда не заключу, поскольку не могу соединиться без любви с другой, сделав несчастными и ее и себя».

Император Австрии и король Венгрии, король Чехии, Далмации, Хорватии, Словении и Галиции, великий

герцог Тосканы, Кракова и Трансильвании, герцог Лотарингии, Зальцбурга и Буковины Франц-Иосиф не ответил на письмо племянника.

Шло время, и с каждым прожитым днем решение становилось для него чем-то неизменным. Пожалуй, это был первый случай в жизни Франци, когда он был так настойчив. Он уже решил для себя, что откажется быть наследником престола, если император потребует этого.

Франц-Иосиф был умным человеком. Он сумел показать Франци, что разговор с ним был только незначительным эпизодом на фоне его государственных дел, эпизодом, о котором он давно уже забыл. Но император не только не забыл про безумные планы наследника, но и сподобил своего преданного клеврета Альфреда Монтенуово, хитрого придворного лиса, написать Софии длинное послание. Монтенуово писал о том, что достоинства Франца-Фердинанда настолько неоспоримы, что не влюбиться в него нельзя. Более того, если бы он сам, обергофмейстер принц Альфред Монтенуово, был молодой девушкой, то, несомненно, влюбился бы в наследника. Он понимает также, что значит теперь потерять его для Софии. А еще, как человек проницательный, предвидит, что разрыв отношений будет для Франци, возможно, большим ударом, чем для девушки. Но ведь у каждой медали есть и обратная сторона, а у весов, как известно, две чаши. На одной чаше — искренняя

любовь двух молодых существ, не мыслящих жизнь друг без друга, а на другой — будущее всей империи. Ведь брак с Софией может быть только неравным, морганатическим. Как отнесутся к этому браку обыватели Австро-Венгерской империи? Он, конечно, желает долгой жизни милому Франци, но ничего нет вечного под луною, и вполне естественно, что родители умирают раньше своих детей. После смерти Франци, увы, его дети не смогут унаследовать австрийский престол. Поэтому смотреть на них будут уже не как на Габсбургов. Ради всего святого, графиня, ради императора, ради нашей империи, ради всех многочисленных народов, ее населяющих, в том числе и народа чешского, к которому вы имеете счастье принадлежать... Умоляю вас! Освободите Франци от данного им обета и, как истинная католичка, поступите своим чувством, положив его на алтарь Отечества!

Софи разорвала письмо обергофмейстера и, бросив бумагу в камин, заявила слуге, его доставившему, что ответа не будет.

«Передайте своему господину, — сказала она, — чтобы он впредь не утруждал себя подобными посланиями».

Послания продолжались, но адресатами теперь были ее родители, которым указывалось, что, в случае неповиновения Софии, ее брат вряд ли сделает блестящую карьеру на государственной службе. Франци был взбешен, когда узнал об этих пись-

мах. Однако он так уважал императора, что ни минуты не сомневался в том, что Монтенуово написал это послание по своей доброй воле, узнав, разумеется, суть дела от Франца-Иосифа, но уж никак не по его приказу.

Монтенуово совершенно не испугался гнева наследника — во-первых, он выполнял волю кайзера, а во-вторых, Франци не обладал никакой ощутимой властью и не был страшен сам по себе. Понимая, что терпит поражение, Монтенуово опустился до совершенно базарного поведения — стал кричать на всех перекрестках о том, что Софи — интриганка и карьеристка, увлекающая в эротические сети неопытного Франци с корыстной и амбициозной целью стать австрийской императрицей. Хитрый лис явно переусердствовал, чтобы показать собачью преданность императору, и такое поведение обергофмейстера тому не могло понравиться. Сдержанный в эмоциях, Франц-Иосиф вяло поблагодарил своего придворного за рвание и старательность в исполнении своей интимной просьбы и попросил оставить это дело, поручив его священнику Готфриду Маршаллу, законоучителю Франци.

Австрийский двор представлял собой тончайшее кружево, и на фоне хитросплетений австрийского придворного мира дворы многих европейских держав казались убогими крестьянскими половиками. Маршалл не был силен в дворцовых ин-

Франци и Софи

тригах, но ему приходилось во время исповеди слышать и слушать многое. Пожилой прелат особенно тонко чувствовал и понимал людей, подверженных религиозному экстазу. Воспитанная в католической среде, скромная, но в то же время крайне чувственная Софи принадлежала к той редкой категории молодых женщин, на которых распространялось психологическое влияние Маршалла. Прелат недвусмысленно заявил, что, если София освободит Франци от обещания жениться на ней, то понтифик лично вознаградит ее и назначит настоятельницей одного из самых влиятельных женских католических монастырей мира. Его святейшество

лично следит, по словам Маршалла, за тем, чтобы римское влияние не ослабевало в центральной Европе, и поручил это Габсбургам, с которыми у него всегда были особенные отношения. Неужели, говорил он, графиня не чувствует божественное провидение в том, что Франци стал наследником? Возможно ли так вот взять и нарушить волю Божью? Слова прелата были настолько убедительны, что довели экзальтированную девушку до умопомрачения. В глазах у бедной Софи потемнело, и она чуть не потеряла сознание. Молодая графиня заверила священника, что во имя католической церкви разорвет отношения с Франци.

Узнав о кознях прелата, взбешенный наследник решил ехать в Хофбург. Но, как известно, на ловца и зверь бежит. Ему передали, что император хочет срочно его увидеть. Кайзер любил такие штучки. Он часто отказывал людям, а потом, неожиданно для них, менял свое решение, демонстрируя великодушие. Ловко лавируя между кнутом и пряником, он решил дать согласие на этот брак, но на таких унижительных условиях, которые заставят Франци до конца жизни понять свое ничтожество перед императорской волей.

Увидев перекошенное от гнева лицо племянника, старик подумал: «У этого парня явно есть характер. Похоже, он не такая уж тупая ав-

стрийская тряпка, как я думал раньше. Твердый характер — хорошая черта для императора».

— Осмелюсь заявить Вашему Величеству, — начал Франци, — что меня не может устраивать такое положение вещей, когда...

— Меня тоже, эрцгерцог, — перебил его Франц-Иосиф, — не может устраивать такое положение вещей, что наследник австрийской империи хочет взять в жены девушку, пусть и аристократку, но не принадлежащую к правящему дому. Я долго думал над этим и, оценив вашу непреклонность, решил дать согласие на этот брак. Но знайте — никогда жена ваша не будет носить титул эрцгерцогини и императрицы. Ни при каких условиях ваши дети, Франц, не будут принадлежать к дому Габсбургов!

Император долго говорил еще о каких-то ограничениях, которые он наложит на Софи из-за ее некоролевской родни, даже пролепетал что-то про театральную ложу, в которой она не будет иметь права сидеть. Но мысли Франци были уже далеко, и не до театральных лож ему было.

3

Дождливым и холодным утром Франци вновь приехал в Хофбург. Он не мог сдержать волнения. Присутствующие на приеме братья Карл и Отто не смели даже подать ему руки. Почему близкие люди так боялись императора? Почему этот старик, такой любезный и вежливый

*Франц
и София
с детьми*

в общении с егерями, крестьянами и слугами, был удивительно сух и холоден по отношению к детям и племянникам и месяцами не общался с женой? Дядя плохо выглядел и был напряжен. В душе его все еще не закончилась кропотливая работа. Он винил себя за то,

что пошел навстречу непокорному Франци.

Говорил он медленно, сухо, взвешивая каждое произнесенное слово. Начал с того, что хочет предоставить непутевому племяннику новые доказательства своей любви, и поэтому дает согласие на брак

с графиней Хотек, несмотря на то, что ее семья не может быть равной по положению для заключения брака. Этот брак будет рассматриваться как морганатический союз, и сейчас эрцгерцог должен клятвенно признать, что его дети, родившиеся от этого брака, не будут обладать правами членов дома Габсбургов.

Франци приблизился к алтарю, снял перчатку с правой руки и произнес медленно, с расстановкой:

— Я клянусь, что буду выполнять все пункты этой декларации, о которой заявил Его Величество.

Франц-Иосиф сморщился. Он почему-то думал, что племянник сейчас будет фальшиво благодарить его за милость. Но Франци и этого не сделал, опять отойдя от протокола.

«Что ж, — подумал император. — Тем хуже для него».

С этого дня он перестал говорить с племянником о его жене и вел себя с ним так, будто бы никакой Софии Хотек никогда и не существовало. Франц-Иосиф решил забыть о чешской графине, как о своей слабости.

На свадьбе наследника он не появился. В тот момент, когда счастливый Франци направлялся со своей возлюбленной к замку Рейхштадт, где проходила их свадьба, старый император ехал в любимый горный курорт Бад-Ишль. Именно этому курорту, согласно легенде, Франц-Иосиф был обязан своим рождением и появлением на свет своих братьев. Именно лечебные минераль-

ные воды Бад-Ишля вылечили его мать от бесплодия...

4

Франци совсем не был похож на Золушку. И родился он сразу принцем, и мачеха у него была удивительно добрая. Именно она-то и предоставила любимому пасынку для проведения свадьбы свою летнюю резиденцию — замок Рейхштадт.

Свадьба Франци и Софи была очень теплой. Не беда, что близкие родственники наследника, члены императорского дома, не приехали поздравить молодых. Франц-Фердинанд понимал, что они не были вольны в своем решении. Каждый из них боялся прогневить старого кайзера, власть которого, несмотря на всю его внешнюю рыхлость, была абсолютной.

В этот день Софи выглядела особенно прелестной в белом свадебном платье, украшенном тонкой шелковой вышивкой, сзади которого тянулся длинный парчовый шлейф. Свадебная процессия направилась в часовню святого Франциска и Святого Серафима. Под звуки органа молодые обменялись положенными клятвами, и началась та самая жизнь, о которой они так долго мечтали.

В замке Конопиште, куда переселились молодожены после свадьбы, София была полной хозяйкой. Через год она родила девочку, которую тоже называли София. Затем на свет появились Максимилиан и Эрнст.

Сердце старого кайзера постепенно стало оттаивать. Он даровал Софии все новые и новые титулы, каждый год снимал с нее очередные ограничения. Но Софи редко появлялась в Вене — вся ее жизнь была посвящена заботе о маленьких детях.

Последняя беременность у Софи протекала крайне тяжело. Родился мертвый ребенок. Сорокалетняя женщина сильно переживала из-за этой смерти, и в дальнейшем решила больше не иметь детей.

жизнь считающие гроши и напряженно думающие о том, как вылезти из нищеты. Но не менее гадкими и отвратительными, чем эти больные, изможденные и бедные люди, казались ему люди здоровые, откормленные, богатые. Почему-то именно эти сытые, богатые, самодовольные люди и казались мальчику причиной горя его земляков. Только одно занятие отвлекало Гаврило от жестокостей и несправедливостей деревенской провинциальной жизни. Этим занятием было чтение книг. Си-

В тот момент, когда сербские

националисты окончательно выбрали своей мишенью несчастного

Франци, эрцгерцог случайно укололся серебряной булавкой.

«Что с тобой, Франци? — спросила Софи. — Ты так побледнел!»

«Меня скоро убьют, Софи», — ответил он. «Это неправда! Ты будешь жить долго. Так нужно для Австрии и наших детей, — покачала она головой и, помолчав, добавила: «Ну а если тебя убьют, то и меня тоже.

Мы и в смерти будем вместе»

5

Гаврило Принцип всю жизнь мечтал совершить подвиг, да вот только не получалось у него никак с подвигом, не выпадало такого случая. Так уж вышло, что болезненный мальчик не получал удовольствия от жизни. Она казалась ему пресной и отвратительной, как несоленая ячневая каша. Отвратительными казались ему и его земляки — худые, грязные, малообразованные люди, всю

для за открытой книжкой, мальчик улетал мечтами куда-то очень далеко — в другие миры, в другие страны, где не было ни насилия, ни клеветы, ни голода, ни унижения. В романах Дюма его встречали куртуазные мушкетеры и изысканные, красивые женщины. Мушкетеры уважали себя, берегли, как зеницу ока, дворянскую честь. За одно колкое слово в свой адрес, за один только

Гаврило Принцип

недоброжелательный или косою взгляд могли вызвать на поединок. Говрило понял еще ребенком — оскорбление можно смыть только кровью!

Другим откровением для него стал русский гений Достоевский. Этот нервный и больной человек, казалось, как никто другой, жалел человека бедного, маленького, униженного и оскорбленного. Именно так — «Бедные люди» — называлась книга, которую сербский подросток прочитал за один вечер и на одном дыхании. Русский демон, прошедший все унижения тюрьмы и каторги, заставил болезненного парнишку ненавидеть всех этих чопорных князей, обер-полицейских, ростовщиков, барыг и спекулянтов.

А потом он увлекся политикой. На его столе побывали Чернышевский и Кропоткин. Эти люди убедили

юного читателя, что не существует общей морали, что мораль относительна. У революционера должна быть своя мораль! Если ради революции нужно убить, значит, нужно убить. Террорист не должен останавливаться ни перед чем!

Доктор Шнайдер, заезжий врач, венский длинноносый еврей с седыми неухоженными бакенбардами, был первым, кто поставил Принципу диагноз скоротечной чахотки.

«Не могу вам сказать ничего утешительного, юноша», — произнес он задумчиво. — Болезнь серьезная. Остается только уповать на Господа Бога. Ешьте коровью печень, пейте молоко. Впрочем, и смена климата не помешала бы. Вам показан чистый горный воздух. Держитесь подальше от подвалов и чердаков, и, ради Бога, не спите на холодном полу».

Гаврило понял, что жить ему осталось недолго. Он поблагодарил лекаря, сунул в его влажную ладонь смятые ассигнации. Рука Шнайдера слегка дрогнула — дескать, не надо никаких денег, юноша, ведь я не смогу вам помочь, мне искренне жаль, право, искренне жаль вас. Но потом все-таки привычным, заученным движением он засунул смятые засаленные бумажки в карман длиннополого старомодного пиджака.

Визит доктора лишний раз доказал, что для подвига Гаврило отмерено совсем немного времени, может быть, всего-то два-три года.

Оставалась самая малость — найти идею, за которую можно было бы смело отдать свою жизнь — жизнь, которая и так не обещала быть долгой. Идея нашлась очень быстро. Тем более что зачатки ее витали во взрывоопасном боснийском воздухе. Старая, как бабушкины сказки, идея национальной свободы и независимости, была воспринята юношей и его соратниками, такими же, как он, молодыми и не совсем здоровыми людьми, как нечто очень новое и исключительное.

Гаврило полностью погрузился в безумную идею объединения всех южных славян и решил отдать свою молодую, но искалеченную неизлечимой болезнью жизнь за свободу южных славян от гнета ненавистной Австрии.

Революционная организация сербских националистов, куда вступил безнадежно больной мальчик, выбрала своей мишенью несчастного Франци.

В тот момент, когда впервые в далеком Белграде его имя назвал полковник Драгутин Димитриевич, начальник отдела контрразведки при сербском Генеральном штабе, один из руководителей революционной секты «Черная рука», наследник случайно укололся серебряной булавкой.

— Что с тобой, Франци? — спросила Софи. — Как ты побледнел! — И, увидев кровь на пальце, рассмеялась: — Это сущие пустяки. Я сейчас перевяжу.

Франци быстро шел через анфиладу комнат в свой кабинет. Сердце у него часто билось. Софи шла вслед за ним. Она знала мнительный характер мужа. Франци однажды уже готовился умереть из-за большой родинки, которую принял за раковую опухоль.

— Меня скоро убьют, Софи.

— Это неправда, Франци. Ты будешь жить долго. Так нужно для Австрии и наших детей, — покачала она головой.

А потом, промолчав, добавила:

— Ну а если тебя убьют, то и меня тоже. Мы и в смерти будем вместе.

6

Будь Франци более осторожным человеком, он ни за что бы не поехал в Сараево. И, тем более, не взял бы с собой Софи. Вряд ли можно было назвать Сербию страной, где особенно любили и почитали Габсбургов. С другой стороны, кто в то время питал особо теплые чувства к старичку-кайзеру? Даже венгры, которых особенно любили и ласкали Габсбурги в течение многих десятилетий, австрийцев ненавидели тем больше, чем больше свобод и независимости им даровал император. Что говорить о других нациях, заселивших австрийскую империю!

Оскар Поттиорек, генерал-губернатор Боснии, гасил националистические поползновения темпераментных сербов испытанными полицейскими методами — введением австрийских войск, разгоном

боснийского парламента, закрытием либеральных изданий. Сухой и расчетливый карьерист, он хотел, во что бы то ни стало, обратить на себя внимание наследника. Южная провинция с сухими кривыми сливами и худыми большими козами давно осточертела австрийскому

в случае Франци. И он, и Софи тем более, были далеки от интриг. Карьеристские планы Оскара они не в силах были раскусить. Судьба стареющего австрийского служаки их совершенно не интересовала, и участвовать в ее изменении они не собирались.

Гаврило Принцип был в отчаянии и глубоко презирал своих товарищей, которые не решились бросить бомбу. У него кружилась голова от голода, и он вышел на улицу.

Неожиданно увидел перед собой автомобиль, в котором ехал эрцгерцог, и, поняв, что это его звездный час, недолго думая, вытащил из кармана пистолет и несколько раз выстрелил почти в упор...

офицеру. Он мечтал о доходном месте в императорской Вене. Измерявший все своим аршином, Оскар решил, что неформальный, наполненный теплотой прием наследника в Сараево может помочь в его служебной карьере. Генерал-губернатор был осведомлен, что Софи не особенно жалуют при австрийском дворе, поэтому решил построить прием так, чтобы неравное положение супругов никак не бросалось в глаза обывателям. Он надеялся, что это как-то потрафит Софи, и она обратит внимание высокопоставленного мужа на честного австрийского служаку, погрязшего в нищей сербской провинции.

Но что могло бы сработать для другого человека, не срабатывало

Потиорек не понимал не только психологию кронпринцев. От чаяний простого народа он был далек еще в большей степени. Мудрые люди, в том числе и полицейские начальники, не советовали приглашать наследника 28 июня, в национальный сербский праздник Видовдан, то есть день святого Витта. В этот день в битве на Косовом поле сербы были разгромлены Османской империей. Понятно, что именно в этот праздник национальные чувства сербов были особенно обострены.

Встречали Франци со всеми почестями. Софи была особенно элегантна в этот день. Еще бы — именно в день святого Витта исполнялось четырнадцать лет их совместной жизни.

*За несколько
минут
до убийства*

Все знают, что беда приходит неожиданно, но никто не понимает, откуда она может прийти. Хотя опытные полицейские несколько раз предупреждали Поттиорека о возможной провокации.

В этот день и Франци, и Софи были спокойны, никакие предчувствия не тревожили их. Генерал-губернатор, граф Гаррах, и глава полиции города были необычайно любезны и внимательны. Ожидавший наследника кортеж состоял из шести автомобилей, и это впечатляло. Первую машину заняли люди из службы безопасности эрцгерцога, вторую — представители администрации города. Только в третьем автомобиле, согласно правилам безопасности, удобно распо-

ложились Франци, Софи, Поттиорек и граф Гаррах.

Набережная реки Милячки, вдоль которой ехал кортеж, казалась очень милой и даже поэтичной. Немного недалекие, плохо одетые, наверное, бедные, но в то же время радостные провинциалы с цветами. Как они рады приезду наследника! Почему же так плохо говорят о сербах и, вообще, о славянах?

Им было невдомек, что сербские экзальтированные мальчики повели себя так, как обычно и ведут себя такие мальчики в подобных условиях. Первые два заговорщика, мимо которых проехал несчастный Франци, настолько растерялись при виде нарядного кортежа, что не решились на убийство. И только Неделько Чабри-

нович, стоявший у моста Цумурья, нашел в себе силу метнуть спрятанную в букете цветов бомбу. Но она попала в откинутый брезентовый верх кабриолета и отскочила под колеса автомобиля, едущего сзади. Раздался жуткий взрыв.

Наследник, как ни странно, совсем не испугался взрыва. Но он был очень расстроен и обижен. Люди, которые еще минуту назад казались такими милыми и приветливыми, на самом деле оказались наглыми двурушниками. Он хорошо запомнил этого худого мальчика с букетом цветов. Как нелепо, что именно в букете была спрятана бомба!

Франци повел себя мужественно. Он приказал срочно остановить автомобиль и лично распорядился, чтобы всем раненым оказали помощь. В это время толпы ликующего народа заслонили машину от других заговорщиков.

— Бомба в цветах! — обратился он к сидевшему рядом Потioreку. — Я просто поражен всем этим!

В ратуше, где его приветствовали местные власти, Франци не сдержался:

— Мы приехали к вам в гости, а в нас кидают бомбы! — закричал он в ответ на приветствия градоначальника. — Это возмутительно!

Градоначальник Сараево Фехим Чурчич был весьма смущен, но все же не смог отказать себе в произнесении заготовленной речи. Франци тоже должен был что-то говорить,

он сказал несколько приветственных слов, а под конец даже поблагодарил народ Сараево за участие, которое простые люди проявили к нему после взрыва.

— Что, кстати, стало с этим мальчиком, который бросил бомбу? — спросил наследник.

— Он пытался покончить с собой, — ответил начальник городской полиции, — но... безуспешно. Террорист задержан и сейчас находится в отделении. Его допрашивают.

— Я хотел бы лично поговорить с этим человеком, — сказал Франци. — Мне крайне интересно, какими мотивами он руководствовался.

— Что ты, Франци! — вмешалась Софи. — Вы вряд ли поймете друг друга. Надо возвращаться домой.

— Нет, сейчас мы поедем в госпиталь, чтобы проверить, какую помощь оказывают пострадавшим.

7

Гаврило Принцип уже знал, что дело провалилось. Он был в отчаянии и глубоко презирал своих товарищей, которые не решились бросить бомбу. Презирал и Чабриновича, который промахнулся. Похоже, Принцип был рожден на свет неудачником. Почему же сегодня он так тонко почувствовал, что настал его звездный час?

Мальчика тошнило, и он решил, что это от голода. На углу, в небольшом магазинчике, купил бутерброд и, жуя его, вновь вышел на улицу. Когда

**Гаврило
Принцип
убивает
Франца-
Фердинанда
и его супругу
Софию.**

Рисунок
из Австрийской
газеты 1914 г.

же голова перестала кружиться от голода, он неожиданно увидел перед собой автомобиль, синий, с круглыми золотыми пуговицами, мундир наследника и белое платье его супруги. Почему вдруг эрцгерцог поехал назад из Ратуши совсем не по тому маршруту, о котором знали все обыватели? Так вот он, звездный час.

Недолго думая, мальчик вынул пистолет и несколько раз выстрелил почти в упор.

Последнее, что отчетливо запомнил Франци, — темно-красное оваль-

ное пятно, расплзающееся по белому платью Софии.

«София, любовь моя, — прошептал наследник. — Не умирай... Живи... Живи ради наших детей».

Кто бы мог подумать, что выстрел больного сербского мальчика перевернет мировую историю?

Никто в этот яркий день в Сараево не понимал, что именно сегодня, 28 июня 1914 года, начался настоящий, а не календарный двадцатый век... □

Ренат Ибрагимов

Звездный час

Фото
из архива
Министерства
обороны

Оксаны Бадрутдиновой

Старый знакомый самолет «ТУ-154», на котором почти за пятьдесят лет моей гастрольной жизни я многократно исколесил всю территорию Советского Союза и совершил множество вылетов с концертами за рубеж. Сейчас его уже не встретишь в наших аэропортах, так как ему на смену

пришли зарубежные собратья — боинги и аэробусы.

На этот раз, как и в старые, добрые времена я в составе артистов, технического персонала самолета, двух генералов Министерства обороны и юной стройной девушки Оксаны, являющейся советником по культуре Мини-

стерства обороны, вылетел из аэропорта «Чкаловский» спецрейсом, с посадкой в городе Сочи, в Сирию. Цель нашей поездки заключалась в том, чтобы дать несколько концертов для летчиков и моряков Российской военной группировки, находящейся на территории Сирии для защиты населения страны от нападений ИГИЛ.

Я летел в VIP-салоне в компании с генералами. Нас гостеприимно обслуживала Оксана, выполняя роль бортпроводницы. Она летела в Сирию уже тринадцатый раз. Наблюдая за ее общением с генералами, я понял, что они ее уважают, любят и относятся к ней с большим доверием. В разговоре с Оксаной я поинтересовался, не страшно ли ей так часто летать в страну, где проходят боевые действия? Она с улыбкой сказала, что не испытывает никакого страха, хотя уже не раз побывала под взрывами снарядов и мин. После короткой посадки в городе Сочи мы продолжили наш полет, и в скором времени приземлились в Сирии на территорию российской авиабазы.

Выйдя из самолета, мы почувствовали настоящий теплый прием от встречающих нас военных летчиков и командующего группировкой российских войск генерала-полковника Дворникова Владимира Александровича.

Вдоль взлетной полосы выстроились в два ряда наши бомбардировщики, виднелись аккуратные строения жилых и служебных помещений, кругом был порядок и чистота. Нас с нашим багажом повели в гостиничный корпус. Во всем чувствовалась хозяйская рука: зеленые посадки, аллеи цветов, ровный асфальт. В гостинице было тихо, уютно, прохладно от кондиционеров. И только время от времени разносившийся грозный гул двигателей наших боевых машин напоминал нам, что мы находимся не в Крыму или в Сочи, а на военной авиабазе.

Наши концерты прошли с большим успехом как на самом аэродроме в большой палатке, вмещавшей несколько сот военнослужащих, с сидящим в первом ряду командующим Владимиром Александровичем, так и на открытом морском пирсе с пришвартованными боевыми кораблями и транспортниками. Для нас устраивали посещения боевых судов, а также нахождение в кабине на месте летчика в знаменитых на весь мир бомбардировщиках «ТУ-22».

Ночью в гостинице мы засыпали под грохот авиадвигателей «Тушек», которые беспрерывно взлетали и садились на посадочную полосу авиабазы буквально в двухстах метрах от нашего жилья. Но этот грохот несколько нам

не помешал прекрасно выспаться и чувствовать себя утром бодрыми и полными сил.

Во время ужина, общаясь с командным составом авиабазы, мы услышали рассказы об их боевых результатах, которые позволили правительственным войскам очистить от группировок ИГИЛ достаточно большую территорию Сирии. В результате этих действий жизнь на нашей авиабазе проходила спокойно и безопасно.

Хочу добавить, что знакомство с командующим генералом Дворниковым доставило мне большую радость общения как с человеком, обладающим самыми высокими духовными качествами. Про себя я подумал, что если в нашей российской армии есть такие генералы, то наша армия имеет возможность стать самой сильной и самой уважаемой.

Во время нашего нахождения на авиабазе мы постоянно ощущали заботу со стороны Оксаны. Она хорошо знала весь командный состав, и любой вопрос решала быстро и легко. Было видно, что общение с ней доставляло военным удовольствие. Прощаясь с командующим, с которым за короткое время успел подружиться, я обещал снова прилететь к ним с концертом под Новый год.

После возвращения из Сирии в Москву у меня, в результате заболевания гриппом, начались про-

блемы с голосом. Я прошел все возможные процедуры у моего лечащего врача-фонiatра, применил все известные мне способы народной медицины, прошел полное обследование в медицинском центре, но мои голосовые связки никак не хотели восстанавливаться. Приближался декабрь месяц, и мне позвонила девушка, представившаяся сотрудницей отдела культуры Министерства обороны. Она спросила, смогу ли я принять участие в концертах, запланированных в Сирии для наших военнослужащих и для правительства Сирии. Голос у звонившей был какой-то серый, холодный, я бы даже сказал, безжизненный. Я ответил, что, к большому сожалению, не здоров и вряд ли успею восстановиться к вылету в Сирию. И хотя я обещал Дворникову быть к Новому году с концертом, боюсь, что не смогу петь и подведу моих коллег артистов. Я также спросил ее, почему не позвонила Оксана Бадрутдинова, которая сопровождала нас в прошлый раз. Девушка ответила, что это задание ей поручила Оксана, а сама она занимается другими важными вопросами, связанными с этой поездкой. Позднее я узнал, что Оксана, как обычно, комплектовала состав артистов для Сирии, и неожиданно возникла проблема по составу участников. Один из за-

Фото
из архива
Министерства
обороны

местителей Министерства обороны, курирующий эти вопросы, вычеркнул из списка Оксану Бадрутдинову и ее непосредственного начальника — генерала А.Н. Гу-

банкова. Это было неожиданно и впервые, так как все списки, подаваемые ранее Оксаной, визировались без изменений. Губанков решил сам повторить письмо

с участниками, и снова его фамилию и фамилию Оксаны вычеркнули из списка.

Оксана — девушка настойчивая, поэтому решила список с участниками поездки в Сирию собственноручно занести на подпись к генералу. На этот раз она получила необходимую визу и стала готовиться к поездке. Родители уговаривали ее не лететь, но она была настроена очень твердо. Тем более что в этот раз летели, в основном, ее друзья и добрые знакомые: генерал Халилов — дирижер, художественный руководитель Ансамбля песни и пляски имени Александрова с хором и балетом, состоящим из юных танцовщиц, другие артисты, а также известная всем своей благотворительной деятельностью доктор Лиза.

Родителям она сказала: «Я чувствую, что это мой звездный час, звездный год. Все будет по шестнадцати восемь (восемь — знак бесконечности, год — 2016).

Перед самым вылетом Оксана успела подать на подпись сто пятьдесят благодарственных писем на артистов, улетающих с концертом в Сирию. Вообще, за короткое время службы в отделе культуры Министерства обороны под руководством А.Н. Губанкова она сделала много добрых дел по организации музыкальных фестивалей, концертов в разных го-

родах и областях России: в Крыму, в Севастополе, в Сибири, в Туве, в Хакасии. В Сирию у нее была уже девятнадцатая поездка, при этом она не получала никаких командировочных, а все делала с большой душой и старалась, чтобы многие добрые дела ее оставались неизвестными окружающим. Она говорила: «Главная задача — творить добро!» В день вылета в Сирию, 25 декабря 2016 года, она впервые надела военную форму с погонами майора.

Отец Оксаны — татарин Тагир Мансурович, он служил одно время в Монголии, мать — украинка, а воспитывалась она в детстве у бабушки, и в крещении была названа Ксенией. Окончила в Питере юридический факультет и решала юридические вопросы в Комитете по культуре Правительства Санкт-Петербурга. Затем, досрочно окончив институт культуры и переехав в Москву, стала работать советником у директора Департамента культуры А.Н. Губанкова.

У Оксаны была папка с названием «Молитвы». Двадцать третьего декабря, за два дня до крушения самолета, она записала в папку последнюю молитву о прощении грехов.

Последнее сообщение Оксаны из самолета перед вылетом: *«Какое счастье, что в жизни есть день, когда на тебя спускаются*

миллионы снежинок. Снежинки — это искренние слова близких и родных людей, друзей и случайных знакомых, коллег и просто приятелей. Спасибо вам, любимые, родные, светлые, добрые! Искренние. Настоящие. Мои. Осыпанная снегом счастья, Я!»

Стихотворение Оксаны Бадрутдиновой, написанное 18 ноября 2016 года:

*А ты попробуй просто жить,
 Любуясь утром, ночью лунной.
 Попробуй искренне любить
 Любовью нежной и безумной.
 Пospорь со странною судьбой,
 Что круто шапку заломила.
 Прими с врагом неравный бой,
 Чтоб устоять в расцвете силы.
 А ты почувствуй красоту,
 Что обитает в этом мире,
 На волю выпусти мечту,
 И сердце распахни пошире.
 И ты поймешь, что жизнь
светла,
 Полна цветения, горенья.
 Мир соткан из любви, тепла,
 Тепла души и вдохновенья.*

25 декабря, в канун нового 2017 года, из Москвы в Сирию вылетел самолет «ТУ-154» с группой артистов, общественных деятелей и руководителей Департамента Министерства обороны России и с грузом новогодних подарков для военнослужащих Российской группировки войск.

Я по причине моей болезни не смог принять участие и не оказался среди пассажиров этого самолета.

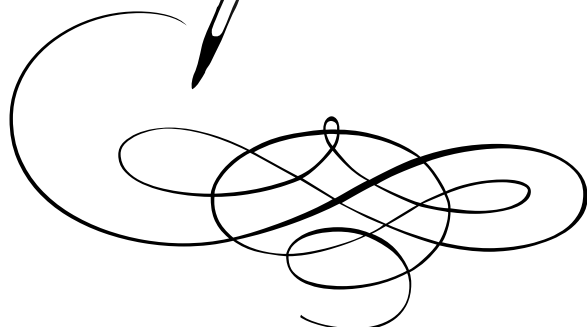
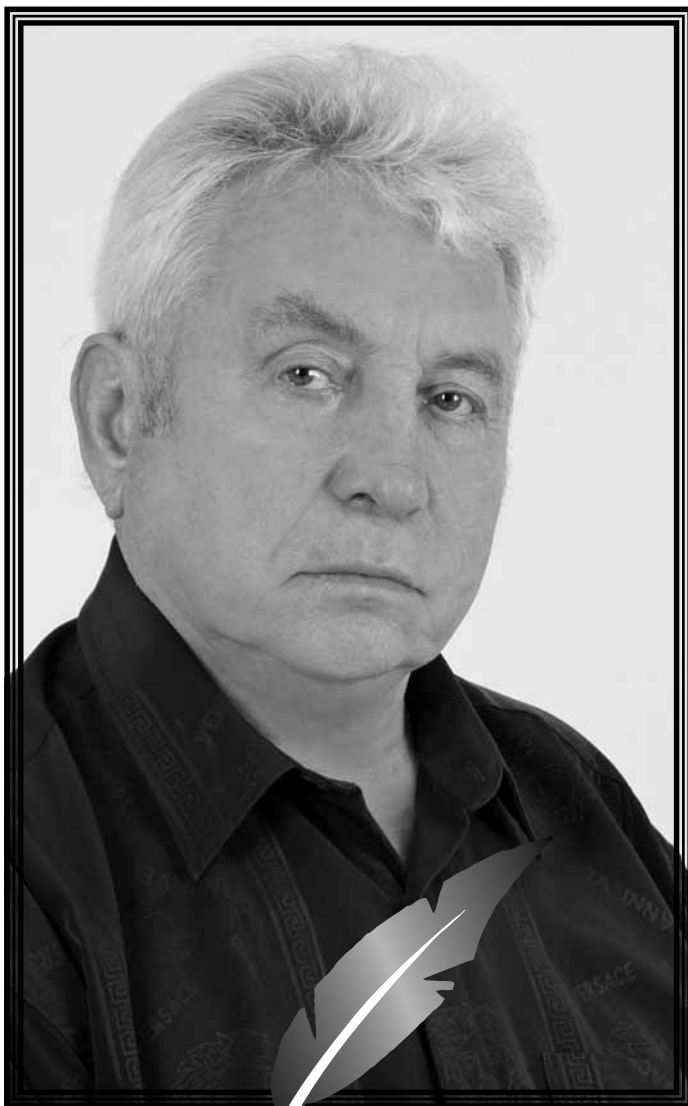
После полчасовой посадки в аэропорту города Сочи самолет пошел на взлет и, неожиданно для всех, на границе земли и морского приобья, изменив траекторию взлета, врезался в Черное море. В течение нескольких дней группы спасателей с большим трудом обнаруживали разбросанные на многокилометровой поверхности дна моря останки членов экипажа и пассажиров. Исследуя в лаборатории мелкие фрагменты жертв авиакатастрофы, удалось подготовить родственникам контейнеры с останками для дальнейшего захоронения.

Родственников погибших пригласили для опознания, и родители Оксаны с болью и душевным страданием готовились к последней встрече с дочерью. Когда перед их взором предстала лежащая в майорской форме Оксана, без единой царапины и изъяна на теле, со спокойным, красивым лицом, они были поражены. Оказалось, что она была единственной погибшей, на теле и одежде которой не было никаких следов от этого крушения. Всевышний сохранил в неприкосновенности ее тело, и, судя, по выражению ее лица, она не испытала при этом ни страха, ни боли.

Это был ее звездный час!.. □

Елена Митрохина

Коктебельская Весна поэта

В самом конце северо-западной окраины знаменитого поселка стоит двухэтажный дом, который знают в Коктебеле все и многие в Крыму, а также в России и за ее пределами. Его построил своими руками Вячеслав Федорович Ложко. Строил так, чтобы с балконов открывался вид на Коктебельскую бухту, был виден Кара-Даг, тропами которого молодой музыкант и боксер в свое время ходил собирать камешки, водил туристов, которым дарил бесхитростные ювелирные поделки и бижутерию на память.

Следом за ним потянулись и другие поселенцы. Так возникла эта улица, которую Вячеслав Федорович назвал именем любимого поэта — Николая Гумилева.

Целый ряд улиц Коктебеля из абрикосово-фруктовых стали носить фамилии литераторов, в свое время оставивших на этой благословенной, как принято называть ее, Волошинской земле свой неизгладимый след.

Об этом свидетельствует и памятная стела, возвышающаяся напротив двора, оплетенного лозами роз и винограда. Там за зелеными воротами и живет дружная семья Ложко.

Хозяин — человек сложный. Чтобы добиться его расположения, а также доверия и дружбы, ничего особенного не требуется — только то, чем обладает он сам, — быть доверительным.

Каков ты есть, он поймет, так как видит человека насквозь, чему долгих семнадцать лет учила его своими испытаниями колючая проволока, за которой он и провел все эти годы. Потому что... Тогдашним «хозяевам жизни» в Коктебельском краю не нравилось его поведение, его кулаки и стремление добиться справедливости, часто, увы, любой ценой.

Об этом подробно рассказано в двух его автобиографических книгах: «Путь с Востока на Запад. Непридуманная жизнь» (том I) и «Жернова и искры в сумраке» (том II), выпущенных недавно известным симферопольским издательством «Форма».

Вот какой вывод по этим произведениям делает друг и коллега Ложко автор знаменитого романа «Ворошиловский стрелок» Виктор Пронин: «...второй том не уступает первому ни по содержанию, ни по мастерству. Сводишь ли ты счеты с подонками, а их в твоей жизни встречалось достаточно, или воздаешь должное людям достойным, которые помогли тебе, выручили в трудную минуту...

Я бы назвал твой второй том Гимном в честь Хорошего человека. Ведь все они, эти люди, тянутся к тебе, как к человеку надежному, который не подведет, не предаст, не бросит.

Второй том — это клятва верности, которую ты даешь читателю каждой своей страницей, каждым своим стихотворением».

Общественный деятель Вячеслав Ложко, поэт, публицист, прозаик, родился в 1940 году в городе Комсомольск-на-Амуре. Детство совпало с тяжелыми годами Великой Отечественной войны. Учиться пришлось в школе рабочей молодежи и ремесленном училище, поскольку рано пошел работать. В юности активно занимался спортом: боксом, самбо, легкой атлетикой.

В 1966 году окончил Ленинградский институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта и через два года переехал в Крым. В поселке Коктебель начнется его литературный и общественный путь, которым он идет, отображая в своем творчестве все, с чем соприкасается его отзывчивая душа.

*Никуда от памяти не деться,
К ней я, как к источнику, приник.*

*Выплывает из тумана детство,
А оно — живительный родник.*

*Пахнет он цветущим травостоем,
Спелым хлебом и родной избой...
Мы всегда того по жизни стоим,
Что несем мы в памяти с собой.*

Вот как сам автор говорит о своем творчестве: «*Все, о чем я пишу, мною пережито, прочувствовано, наполнено живительным соком самой жизни. Я живу в гуще обычных людей, которые отягощены заботами, думами о хлебе насущном, и мне важно, чтобы именно они поняли меня...*»

В 2006 году Вячеслав Федорович основал Международный Гумилевский фестиваль «Коктебельская весна», который посвящен не только жизни и творчеству замечательного поэта Николая Гумилева, но и современной поэзии и литературе в целом. Он является инициатором установки и открытия в Коктебеле памятника Гумилеву. А еще, будучи депутатом поселкового совета, приложил немало усилий к тому, чтобы улицы поселка получили имена Александра Блока, Александра Грина, Марины Цветаевой, Максимилиана Волошина, Анны Ахматовой и Николая Гумилева.

Еще одним из детищ поэта является Музыкально-литературный салон «Богдан», в котором проходили творческие вечера поэтов и писателей из России, Белоруссии и Украины. Также на набережной Коктебе-

ля по инициативе Ложко появился художественный вернисаж...

«...Когда эти трудяги-человеки вдруг останавливаются, привлеченные моим словом, и начинают читать мои стихи, принимая их, как свои, я понимаю, что пишу не напрасно, не напрасно открываю душу навстречу мне идущим...»

Коктебель — сакральное место притяжения творческих людей. Мистический Кара-Даг и его окрестности вдохновляли и продолжают питать энергией сердца и души поэтов, писателей, художников и музыкантов. Неслучайно здесь некогда обосновался Максимилиан Волошин, гостили Михаил Булгаков, Лев Толстой, Петров-Водкин, Кончаловский и Николай Гумилев.

В советские времена Коктебель не утратил роли поэтической Мекки. Генеральные секретари поддерживали деятелей культуры, наиболее преданных бойцов идеологического фронта одаривали наградами и привилегиями, в частности для них было построено немало Домов творчества, в том числе и Коктебельский.

Но в 90-годы на полуострове произошло, можно сказать, обесценивание духовного наследия. Коктебель из колыбели искусства превратился в курортную и весьма дорогостоящую забегаловку. Набережная стала напоминать базар, тесно застроенный кафешками и торговыми точками.

И в эти же годы в поселке нашелся человек, который взялся за возрождение одного из форпостов российской культуры. Вячеслав Федорович Ложко, известный крымский писатель, человек сложной судьбы и незаурядной воли, взял на себя миссию организовать поэтический фестиваль, который бы объединил мыслящих людей, поэтов и писателей не только России, но и ближнего зарубежья.

Об этом мы и решили с ним поговорить.

— Вы пишете удивительно проникновенные, наполненные мудростью стихи. Когда впервые взяли за перо?

— Первые стихи были написаны в 4-м классе. Учительница поручила классу выпустить стенгазету, а мне лично — сочинить стихи на заданную тему.

— Кто из поэтов вас особенно вдохновляет?

— Со стихами Николая Гумилева познакомился рано, еще в школьные годы. Тайком читал его книги. Ведь в те времена Гумилев, Есенин, Северянин и некоторые другие поэты Серебряного века были запрещены.

С тех пор любовь и тяга к поэзии Гумилева сохранилась на всю жизнь.

— Вы настолько любите поэзию Гумилева, что решили установить ему памятник?

— В 1909 году поэт посетил Коктебель. Он посвятил поселку замечательные стихи «Капитаны». Я долго вынашивал эту идею — увековечить память о лучших представителях отечественной культуры. Решил начать с великого поэта Серебряного века, установил ему памятник. А потом возникло логическое продолжение в виде поэтического фестиваля.

— Мероприятие назвали «Коктебельская весна» — почему именно так?

— В середине апреля день рождения Николая Степановича. А сама весна — символ возрождения, расцвета, воскресения матушки-природы.

Поэтическая жизнь и общее состояние культуры в конце прошлого века переживали драматические времена. Люди оказались разобщены в духовном смысле, а объединяющие их ментальные скрепы разрушены.

«Коктебельская весна» — фестиваль, призванный восстановить эти разорванные связи, площадка творческого общения, вдохновения и созидания. Мне хотелось, чтобы Коктебель вновь стал местом притяжения незаурядных личностей, аккумулятором российской культуры в целом.

— С чего и как все начиналось?

— В 1998 году вместе с сыном Богданом мы построили на набережной музыкальный салон. Позже он

стал литературным и был назван «Богдан» в честь трагически погибшего сына. Открытие Литературного салона явилось знаковым событием для поселка. Участниками мероприятия стали известные личности: Василий Аксенов, Евгений Попов, Светлана Васильева, другие представители культуры. Многие годы в «Богдане» встречались поэты, писатели, музыканты и просто неравнодушные к искусству люди. Литературный салон действует и сегодня. Он стал легендарным местом, пропитанным энергией творчества и вдохновения.

Организация поэтического фестиваля имени Гумилева — логическое продолжение деятельности поэтического салона. В какой-то момент эти рамки встреч в кафе стали тесными, и я решил раздвинуть границы мероприятия.

— Сегодня фестиваль Гумилева посещают не только российские поэты и писатели. Из каких стран к вам приезжают гости?

— Мероприятие получило одобрение всей пишущей публики. На фестиваль потянулись поэты, писатели из всех республик. Гостями в разные годы были представители из Германии, Франции, Болгарии. Сегодня фестиваль приобрел статус международного.

— Этой весной вы отмечаете юбилей мероприятия. Сколько писательских съездов уже проведено?

— В апреле этого года пройдет 15-й Международный Гумилевский поэтический фестиваль «Коктебельская весна».

— Реализовав столь резонансный проект, вы не остановились на достигнутом. Расскажите, как создавалась Всероссийская литературная премия им. Н.С. Гумилева?

— На фестиваль приезжает множество талантливых поэтов, прозаиков, литературоведов... Здесь они знакомятся, читают свои произведения, выступают в библиотеках, школах и музеях. Творческим людям, как воздух, необходимо общение и отдача от благодарных слушателей. Таланты необходимо взращивать и поощрять. Идея учредить Всероссийскую литературную премию им. Н.С. Гумилева в основе своей имеет цель поддержать творческое сообщество, которое в современном мире чувствует себя несколько ущемлено. Воплотить идею в реальность помогло мне правление СП России. Я обратился к председателю В.Н. Ганичеву и встретил полное понимание и поддержку.

— Лауреатские знаки выглядят весьма солидно, кто создавал эскизы для них?

— Я сам разработал нагрудные знаки и удостоверения. Изготовителей нашел в Киеве. Во все вкладывал свои средства. Только в последнее время к этому делу подклю-

лось Министерство культуры Республики Крым.

— Сколько поэтов уже награждено?

— Каждый год весной, в дни фестиваля у памятника Гумилеву проходит торжественное награждение. Уже более 60 поэтов России, Белоруссии и Украины стали лауреатами Всероссийской Литературной премии имени Н.С. Гумилева.

— Вы также задумали еще одно культурное преобразование в Коктебеле — переименование улиц поселка. Теперь, благодаря вам, они носят имена известных поэтов. Для чего, по-вашему, это нужно было делать?

— Коктебель исторически считается Меккой поэтов, писателей и художников. Хотелось, чтобы каждый уголок поселка напоминал о легендарных столпах российской культуры. Это останется на память потомкам как дань уважения к лучшим представителям нации.

— Нужно ли поддерживать российскую поэзию, и что для этого необходимо делать? Ведь настоящее искусство, как золото, не пропадает.

— Талантам надо помогать! Для развития русской словесности важна поддержка на правительственном уровне. Верховное, так сказать, кураторство всевозможных фестивалей и, прежде всего, литературных

конкурсов, чтений. А для этого нужны средства. Один из выходов — закладка этих затрат в бюджет Республики Крым.

Вячеслав Федорович Ложко — автор более 20 поэтических сборников. Его перу также принадлежит уникальная книга «Серебряная память Коктебеля», в которой рассказывается о русских классиках, вдохновленных красотой Крымского полуострова, о произведениях, задуманных или созданных ими в Крыму: Валерии Брюсове, Андрее Белом, Михаиле Булгакове, Максиме Горьком и, конечно же, Николае Гумилеве.

Ежегодно его книги, изданные за свой счет, раздаются библиотекам Крыма, а также вручаются детским домам, интернатам и школам.

Лауреат многих почетных званий и титулов, обладатель многочисленных наград, Вячеслав Ложко остается верным себе и своему призванию — служить лире, Отечеству и простым людям.

Дело никогда не подведет —

Жизнь ему отдал свою —

и служишь.

Дело не предаст и не уйдет —

*Ты до самой смерти с ним про-
дружишь.*

А непостоянная любовь

Пролетит по небу, словно птица,

Чтоб тревожить память вновь

и вновь,

Но вовек назад не возвратиться. □

Вячеслав Ложко

Позади и года, и метели,
И суровые наши пути.
Как мы многого в жизни хотели —
Только опыт сумели найти.

Верь, и опыт, скажу, не помеха.
Годы легче с ним вместе нести.
Хоть бывает порой не до смеха,
Опыт шепчет: «Да ты не грусти.

Не бросайся в тоску и печали —
Этим чувством не скрасишь года.
Ведь корабль твой надежно причален,
И наверно, теперь навсегда».

Я судьбой своей доволен —
Мне она — родная мать.
От беды судьбой уволен —
Счастье начал понимать.

Быть нельзя всегда счастливым,
Но веселым можно быть.
Я шагаю по долинам,
И всюду могу любить.

Я улыбки шлю прохожим
И приветствую друзей.
Я на странника похожий:
Жизнь, иди — всюду глазей.

Не давай несчастьям спуску
И беде не дай пройти.
Из несчастий выход узкий,
Где покой тогда найти?

<p> Чтоб не расслабить сердце, душу, Не окунуться вновь в печаль. Я буду песню доли слушать Из тех сверкающих начал. </p>	<p> Слова любви сейчас звучали И разгоняли тихо грусть. Воспоминанья медленно качали... Уходит все. Ну, да и пусть! </p>
--	---

Душа летит туда, где помнят.
 Где свято чтут и чутко ждут,
 И чарку памятью наполняют,
 Где только любят и не пнут.
 Не пнут ни словом, ни коленом,
 Где о хорошем речь всегда.
 Где все о вечном и нетленном,
 И где наградой нам — года.

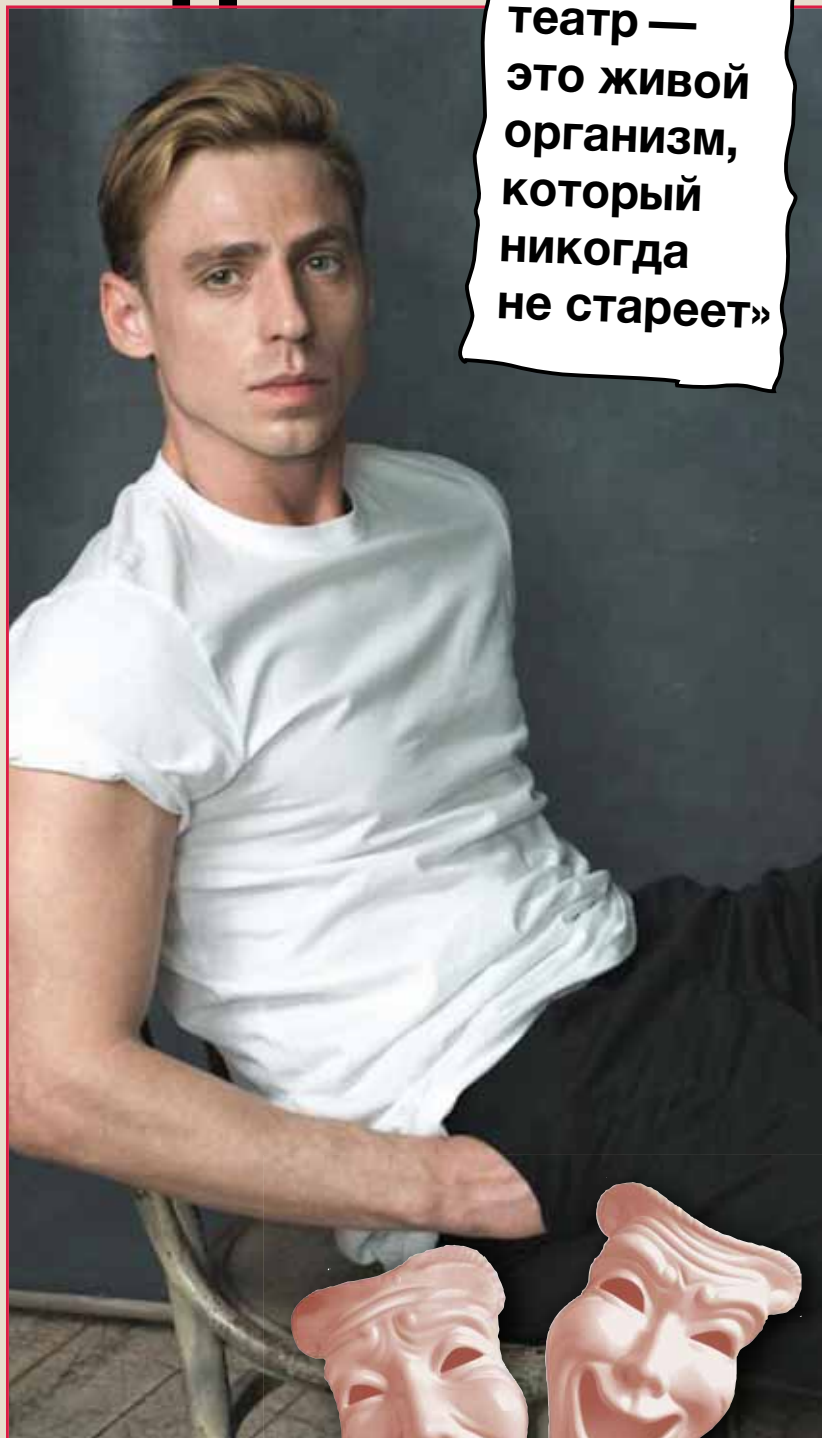
Не собирай проклятья по земле,
 Не выноси сор из избы ты ночью.
 Живи под светом — не во мгле,
 И радость ощутишь воочию.

Ты сотвори кому-нибудь добро,
 И обогрей теплом ты чью-то душу.
 А жизнь ответит серебром —
 Из океана бурь вернет на сушу.

На берег счастья приведет,
 Где будет расцветать удача.
 Осуществление мечты грядет —
 А как же может быть иначе?

АКОНСТАНТИН АВДЕЕВ

«Для меня театр — это живой организм, который никогда не стареет»

Константин Авдеев — очень талантливый, харизматичный и яркий актер Театра Романа Виктюка. Он окончил школу-студию МХТ под руководством Р.Е. Козака и Д.В. Брусникина, и сразу был приглашен в труппу Театра Виктюка. На сцене его можно увидеть в спектаклях: «Саломея», «Федра», «Нездешний сад», «Мастер и Маргарита», «Мелкий бес», «Последняя любовь Дон Жуана» и других. А в кино Константин начал сниматься в 2003-м году, сериал «Линии судьбы» стал его первой работой. Затем последовали сериалы: «Московская сага», «Адъютанты любви», «Закон и порядок», «Я лечу», «Спецкор отдела расследований», «Безмолвный свидетель» и фильмы: «Стиляги», «Дороги», «Подсобное хозяйство», «Кровавая барыня».

— Константин, вы служите в Театре Романа Виктюка. Как вы пришли в этот знаменитый режиссерский театр?

— По окончании Школы-студии МХТ, мы, выпускники, всем курсом пришли к нему на показ, после которого Роман Григорьевич и взял меня в свой театр.

фрагмент или фразу час или два, посвятить актеру огромное количество времени, чтобы правильно сел или упал, поднял руку и так далее. Виктюк очень внимателен ко всем артистам, к каждой детали.

Роман Григорьевич своих артистов зовет «детьми» и, говоря о тех, с кем он работал и работает, сравни-

Несмотря на то, что я начинал играть в спектаклях мастера через вводы в уже идущие постановки, все вводы репетировал со мной сам Роман Григорьевич.

Даже массовые сцены Виктюк прорабатывает с каждым артистом лично и всегда говорит, что массовки в его театре нет. Он может репетировать с актером один крошечный

фрагмент или фразу час или два, посвятить актеру огромное количество времени, чтобы правильно сел или упал, поднял руку и так далее. Виктюк очень внимателен ко всем артистам, к каждой детали. Роман Григорьевич своих артистов зовет «детьми» и, говоря о тех, с кем он работал и работает, сравни-

вает их с бабочками: одни, по его словам, устремляются на свет лампы в надежде быстро заработать и, обжигая крылышки, улетают, другие — легкомысленно порхают и со временем тоже исчезают, а третьи — желают раствориться в свете того, к кому они летят. С такими актерами и любит работать Виктюк. Он берет в свой театр артистов по большой

любви и всегда выделяет молодых, одаривая их своим вниманием. Роман Виктюк — Глыба. Гений. Актер может придти к нему неподготовленным, потому что Роман Григорьевич всегда знает, как тебе выстроить роль, на репетиции он дает очень много. Если ты правильно выполнишь все его указания, услышишь все, что он говорит — даже помимо самой пьесы, то работа пойдет как по маслу. Ты поймешь своего героя, каким он должен быть, как он должен двигаться, как правильно смотреть...

— Вы играете роль Коровьева в спектакле «Мастер и Маргарита», присутствует ли мистика в этом спектакле?

«Мастер и Маргарита»

Фото
Полины Королевой

«Федра»

Фото
Полины
Капицы

— Мистика у нас в каждом спектакле. В «Мастере и Маргарите» есть взаимоотношения поэта, автора и власти, и все, что связано с дьявольскими силами — темами Ленина и Сталина. Не так давно у нас состоялась премьера спектакля «Мелкий бес» по роману Федора Соллогуба, и выпуск был очень трудным. В какой-то момент репетиций появилось стихотворение Соллогуба про «лихо», и это «лихо» нас долго не отпускало, вплоть до самой премьеры. Постоянно что-то происходило в нашей труппе. Ушел трагически из жизни актер нашего театра... То на репетиции кто-то повредит себе ногу...

Сверху:

«Путаны»

Фото
Анны
Французовой

**«Последняя
любовь
Дон Жуана»**

Фото
Сергея
Апанасенко

Мы, не сговариваясь, все сходились во мнении, что это связано с «Мелким бесом», кто знает, что зашифровал в нем Соллогуб...

Когда выпустили этот спектакль, то первый тост на банкете был о том, что наконец-то мы освободились от этого «лиха» и, наконец, можем спокойно играть спектакль о нем.

— Вы много гастролируете, бывали ли курьезные ситуации во время поездок?

— Конечно, как же без этого. Однажды на гастролях не приехали декорации и костюмы, и спектакль «Мастер и Маргарита» мы играли, что называется, из подбора. Ну что делать? Поехали в медсанчасть за каталками, взяли напрокат одежду, белые халаты. И спектакль сыграли отлично! Все эти неприятные неожиданности и «подстегивают» актеров, они уходят от заданных рамок, начинают импровизировать с неким азартом.

Курьезы случаются часто. Бывает, кто-то опаздывает на самолет с предыдущего спектакля, и мы, например, не можем начать спектакль, зная, что Маргарита и Мастер только вылетели следующим

рейсом.

Случается, что гримируемся прямо в машине по дороге из аэропорта и, приехав, тут же выходим на сцену. Спектакль должен состояться в любом случае, и когда есть такая команда, как в нашем театре, то все будет складываться хорошо. У нас площадка, от малой до большой, осваивается сразу, на месте, оперативно. За годы гастролей мы привыкли ко всему.

— Спектакли в Театре Романа Виктюка очень сложны физически, как вы готовитесь к ним?

Фото
Дамира
Жукенова

— В нашем театре несколько раз в неделю проводится обязательный тренинг, и он всегда меняется, в зависимости от спектакля.

Когда мы выпускали спектакль «Нездешний сад. Рудольф Нуриев», то тренинг был хореографическим. У артистов появилось понятие балетной пластики. Надо сказать, что у нас в театре есть актеры с хореографической подготовкой, а наша артистка Анна Нахапетова много лет была артисткой балета Большого театра. Я в детстве занимался танцами, пластикой, и это все очень помогает в работе.

В спектакле «Последняя любовь Дон Жуана» используется батут и на репетиции. К нам приходил специалист по воздушной акробатике и проводил специальный тренинг. Для «Федры» тренинг проводит хореограф Владимир Аносов.

Артист должен понимать, что такое мысль в движении, что есть само движение. Идет большая актерская работа, и не только физическая. Нас учат, как нужно пластику понимать через актерское мастерство. Каждому спектаклю требуется своя подготовка, свой тренинг, например, в «Саломее» — это боевые искусства, совсем иной вид тренинга.

Мы никогда не выходим на сцену без репетиции. Прийти с улицы, загримироваться и выйти на сцену — это, я считаю, в принципе недопустимо. Проходим большие «куски», разминаемся перед каждым

спектаклем — это ритуал нашего театра.

— Константин, вы любите читать?

— Я много читаю. Недавно открыл для себя Бабеля. Это настолько поэтичная проза, настолько захватывает, что читаю взахлеб. Это пища для ума. А для души читаю Людмилу Улицкую. Мне нравится сюжет, слово, мысли, которые заложены автором. Это как с умным человеком выпить чашку чая — так для меня читать Улицкую.

— Какого зрителя вы хотели бы видеть в театре?

— Доброжелательного и не случайного, который точно знает, что он будет смотреть. В нашем театре артисты не развлекают, не поучают, а дарят любовь зрителям. У нас есть постоянная публика, которая ходит много лет и пересматривает спектакли по много раз.

Для меня театр — это живой организм, который никогда не стареет, не стоит на месте, ищет новые формы, периодически возвращаясь к старым. Театр не должен быть мертвым архаизмом, он должен отражать сегодняшний день, быть живым.

А мы, артисты, должны быть рядом со зрителем, чувствовать его и дарить ему радость от соприкосновения к великому искусству, каким является Театр. □

Беседовала **Елена Воробьева**

«Очеловеченная

цифра!»

*Художник
Константин
Васильевич
Худяков*

*«Не пытайтесь понять природу искусства.
Никто не знает, как создается искусство.
Это необъяснимо. Люблю жизнь!»*

Дэвид Хокни — английский художник

Вначале было письмо читателя...

Он задал «каверзный» вопрос: «Почему художник Худяков называет свои «фотоопусы» живописью? Мы способны отличить фотографию от холста, на котором и пишут настоящую живопись!»

Ответить сразу не представлялось возможным. Слишком многообразна тема разговора...

Требовалось просмотреть весь творческий путь (да и жизненный всегда в таких случаях — важная подсказка!) интереснейшего худож-

ника наших дней, чтобы попытаться объяснить его художественные формы.

Задача не из простых...

И вот он наступил — «звездный час» художника! Остались позади напряженные дни и ночи четырех лет работы. И — какой работы!!!

В октябре 2004 года состоялась первая презентация созданного... Вернисаж художественного проекта «Deisis» («Предстояние»), в Государственной Третьяковской галерее на Крымском Валу. В одном из главных национальных музеев страны! Это значило многое...

В зале, где были выставлены большие отпечатки «цифровых» ликов (фотоликов) охватывало жутковато-пронзительное ощущение неосознаваемого беспокойства... Шокировала темень, яркие вспышки световых ударов, выхватывающих фрагменты лиц, слышались причудливые звуки — и все вдруг представлялось галлюцинацией...

А зритель, еще не осознавая предлагаемую экспозиционную ситуацию, — уже «Предстоял!» Потому что был в «пространстве-имитации» храмовой ситуации, где прихожане свершают священный акт моления...

В темном зале, где, казалось, даже воздух застыл в немой глухоте, покрытой тревожной неизвестностью, был выставлен «Deisis»... И — будто бы звучала музыка?! Скорее какофония — резких надсадных звуков...

И — лики, лики, лики! Просто — шок! Сюрреалистически живые, но — отстраненные, далекие-далекие, пристально глядели из неведомого пространства, словно из потустороннего мира... Они проступали сквозь сплошной фон, похожий на черный бархат, и казались призраками фэнтези — видения...

Лик Иисуса! Большого формата, чем другие, и расположен в самом центре жутковатого калейдоскопа... Он призрачно-документален, и, одновременно, как цепкое навязание... Вдруг показалось, будто в черноте тьмы, над ликами, витает что-то колдовское, загадочное, вызывающее вместе со страхом тягостное болезненное страдание. В роковом сумраке властвует одна мысль — невероятная, неведомая, объединяющая пророческие взоры мистических ликов, когда-то бывших реальными людьми...

«Религия — это средство, вынужденное людской немощью, ибо усилия, предписанные Спасителем, должны вернуть нас к исходной точке творения, где Бог и Человек пребывают в единстве. То, что Иисус не писал собственных книг, предложив излагать Учение опосредовано, превращает его образ в вечный сигнификат (закодированное описание угадываемого объекта). И он остается неразгаданным...»

Это из текстовой части проекта. Автор — Роман Багдасаров — историк, религиовед, этнолог и культуролог.

лог, участник творческой группы проекта «Deisis».

Изумление и эмоциональное замешательство были так сильны, что слова отступили в мистическую темноту — только светящийся лик Иисуса...

Лики, лики, лики! Они не «написаны» традиционно — маслом на дереве или холсте, либо темперой на стене, а представлены на подрамниках больших размеров 160x100 см. Цифровыми изображениями в ультрохромной печати — на холстах!

Дыхание перехватило, самая первая эмоция — неожиданный страх... Жгуче окатил сознание, и вдруг, инстинктивно, захотелось отвернуться, шагнуть в сторону, и — убежать прочь из зала от этих взоров («огненных стрел», полных невыразимого отчаяния!), от сосущей тоски одиночества тех ликов.

Шокировал формат образов и — печать! С огромным, как показалось, «беспредельным» разрешением!

Почудилось вдруг, что зритель не Ты, а — ОНИ, эти ЛИКИ! Простреливая вязкую черноту колкими взорами, точно ощупывая щупальцами, разглядывают, исследуют тебя — напрочь растерянного, но уже «примагниченного» зрителя!

Прикрыв веки, я не поддался на «позыв» покинуть зал — пере-стоял!.. И тут вспышкой молнии ворвалось в осознание, что я и все рядом стоящие — уже соучастники этого мистического действия!..

Которое сотворил, воссоздал, визуально материализовал — художник!

Так был явлен уникальный проект московского художника Константина Васильевича Худякова. Работа никем ни до, ни после не творимая... вспомнились слова Иосифа Бродского — «Делай то, что до тебя никто не делал!»

Худяков свершил то, что никто еще не делал!

Это был визуальный факт, дерзкая попытка художника вдохнуть жизнь в цифровую технологию, а точнее — очеловечить образы легендарных исторических и библейских личностей приемами и формами выразительности мощной цифровой фотографии.

Спонтанно вспомнился давний разговор с ученым и популяризатором науки, телеведущим программы «Очевидное — невероятное», Сергеем Петровичем Капицей. Он как-то прокомментировал попытки зарубежных фотохудожников в использовании новейших технологий (дословно, к сожалению, не восстановить!): «Здесь, как и во всяком подлинном искусстве, прорыв совершит тот художник, который сумеет "очеловечить цифру" и вдохнуть в нее жизнь!»

Впечатление от «Deisis» было мощным, эмоционально взрывным. Но! — и двояким...

Оригинально была срежиссированна подача экспозиции, смысло-

вая наполненность композиционного замысла, имитировавшего классический храмовый иконостас. И при этом самое шокирующее — лики святых, великих исторических личностей — мудрецов, героев, полководцев!..

Только после вживания в причудливую атмосферу экспозиции, в ее композиционный строй, при внимательном неспешном созерцании и эмоциональном прочтении образов, экспозиция стала проявлять изначальный замысел и раскрывать приемы ее реализации. Стало ясно — невозможно воспринять за один просмотр, потребуется побывать в этом зале еще, и, возможно не раз...

А мысли невольно обратились к автору — художнику... Хотелось задать сумбурные вопросы, как и

бывает при первом впечатлении и неожиданном эмоциональном замешательстве...

Сам Константин Васильевич Худяков, безусловно, интересный образ — если говорить о нем как о человеке. Поразительно-открытое для общения, доброе русское лицо с незабываемо бойцовскими, «чапаевскими» усами. Сразу вспомнилось, что его отец воевал в составе легендарной дивизии под командованием комдива — Василия Ивановича Чапаева!

Художник сдержан, немногословен, скромнен, чуть вальяжен... Приветлив в общении, интеллигентен, с удивительной способностью и умением слушать собеседника... Поражает в его характере примечательная черта — погруженность в себя. Слов-

*Станция
метро
«Фонвизинская»,
Москва*

но видится ему в глубинах души таинственно-чарующая невидаль, от которой не оторваться... Удивил тот факт, что его внешность никак не ассоциировалась с его грандиозным, изысканно-интеллектуальным проектом и редчайшей художественной формой!

Николай Рерих как-то в разговоре воскликнул: «В искусстве нужен ПОДВИГ, слышишь, необходим!»

Худяков совершил не только художественный подвиг, но и духовный! И эта духовность — главная составляющая всей его жизни. Какой же должна быть «духовная готов-

ность», чтобы достало сил, ума и таланта решиться на реализацию проекта с таким глубинным замыслом? Понятно, что в его творческой жизни эта работа не обычная, порядковая — с естественным вернисажем... Это — поступок! Человека и гражданина, художника-творца! И, естественно, захотелось узнать духовную составляющую, ее роль в восхождении к реализации столь многогранного замысла. Для этого необходимо окинуть пространным и пристальным взглядом пройденный художником жизненный и творческий путь...

Родился Константин Васильевич в селе Царевщина Балтайского района Саратовской области, в семье учителей, в ночь с 1-го на 2-е января 1945 года, и на этот радостный факт кто-то из соседей откликнулся веселой шуткой: «Ну, это к Победе!»

Слова земляка оказались пророческими...

О родном селе с душевным теплом написала сестра Константина Васильевича: «Раньше Царевщина называлась Малиновкой. Деревню купил граф Нессельроде за царскую табакерку — сундук с разными отделениями. Достопримечательность села — роскошный барский дом в два этажа, тенистая роща с вековыми деревьями, посередине большого пруда — беседка. И кругом заросли черемухи, сирени, где весной неистовствуют соловьи.

Село расположено в широкой долине. На крутых склонах растет густой лес. Через село протекает речка Алай — неглубокая, но неумиряющая, а весной — гроза всей округи, заливая всю Заречную улицу.

Мы, будучи учениками, любили ходить в походы по ее берегам — вниз, до реки Терешки, в которую Алай впадает, и вверх, до Больших Озерок, откуда вытекает маленьким ручейком из родничка.

В конце учебного года, когда начинались экзамены, приносили нашим педагогам букеты ландышей.

Директорский дом при школе, в котором наша семья жила с 1940 года, состоял из четырех комнат и выложенного камнем дворика. Впоследствии мы камни выкорчевали и рассадили сад. Наша квартира находилась в школьном здании. За калиткой — огромный сад и еще два школьных корпуса. Вся территория находилась на возвышенности, почти на окраине села.

Под папиным руководством ученики разбили вокруг школы сад с ягодниками и фруктовыми деревьями. А в нашем дворике мама заложила цветник, где росли розы, георгины, золотые шары, гладиолусы. Папа посадил голубые ели, яблони.

К школьной стене был пристроен чуланчик. В нем лежали доски, на которых всей гурьбой ночью спала детвора. Были два просторных чердака. Там у нас был «тимуровский клуб», собирались на совещания, мечтали, играли.

Однажды папа собрал нас всех и предложил проект: пристроить кухню и веранду. Сказано — сделано. Летом на веранде собирались за чаем мы, наши друзья, родные, приезжие гости. Папа сидел во главе стола. И мы спорили, рассуждали, слушали, оперу «Евгений Онегин», пластинки в исполнении Шаляпина...»

Вспомнились слова Андрея Сергеевича Кончаловского: «Восприятие искусства приходит с воспитанием».

В семье Худяковых именно так и было!

...Учился Константин не в Художественном институте, а в Архитек-

турном, и это внесло своеобразие в становление его как художника.

Он говорит, что детство было очень счастливым... несмотря на тяжелейшие послевоенные годы. В большой семье он был не самым младшим. За ним, появилась младшая сестренка...

Отец — Василий Иванович Худяков, в самом деле, был бойцом знаменитой дивизии Василия Ивановича Чапаева! Это — по военной необходимости, а всю жизнь он посвятил педагогике, был заслуженным учителем и директором школы в Царевщине.

Мать, Мария Матвеевна Десятова, тоже учительница, преподавала

русский язык и литературу. Родители Константина были интеллигентные люди, с огромным жизненным и педагогическим опытом, много знающие и прекрасно разбирающиеся в искусстве. Влияние их на юного Костю было огромным, во многом — решающим.

Искусство вошло в его жизнь с отрочества, но настоящая страсть пришла не сразу — началось с увлечения лепкой... Внимательный и любящий отец, подсмотрев, чем занимается сын, купил ему пачку пластилина... А вот рисованием Константин начал заниматься позже...

После окончания школы жизнь кардинально изменилась. Константин Васильевич вспоминает: «Увлёкся архитектурой — решил поступать в Архитектурный, в Москву... Я с натуры до этого вообще не рисовал, но двойки за рисунки все же не получал. Просто не добирал количество баллов. В советское время при поступлении сдавали, кроме профильных, общеобразовательные предметы — русский язык и литературу, математику, историю. «Проходной балл» включал отметки и по этим предметам...

Ну а между попытками поступления в МАРХИ, работал в своей родной деревне. Кем только не подвизался в нашем совхозе — и трактористом, и комбайнером, и на всяких других работах потрудился, коих в сельской жизни неисчислимо много...»

После третьей попытки все-таки добился своего — стал студентом! Учился азартно и плодотворно.

Но тут нежданно «нагрязнула» любовь!..

Супруга, Марина Леонидовна, вспоминает:

«Мы учились в одном институте, в МАРХИ... Только я была на первом курсе, а Костя — уже на втором. Шли как-то с подружкой по коридору, а навстречу — он с другом. Встретились глазами...

А вскорости, на одном из вечеров, этот друг нас и познакомил. Начали встречаться. Через три года поженились. А в 1970 — родилась Сашенька! Мне пришлось взять академический отпуск — девочка наша много болела. Восстановившись после отпуска, я все же закончила два последних курса нашего МАРХИ — пятый и шестой».

В институте был проведен конкурс на проект нового музея Ленина. Студентам предложили «пофантазировать» на эту архиважную тему государственного значения. Константин получил первую премию!

Ну, получил и получил — нужно было делать дипломный проект.

«О, тут история особая! — продолжает рассказывать Марина Леонидовна. — Дали как-то студентам задание — разработать проект нового здания, предназначавшегося для Центрального музея В.И. Ленина. Костина работа была признана лучшей. Это был гигантский струк-

турный куб из титана, выстроенный на месте бассейна «Москва». Рассматривая этот его проект, Кривошеина Ольга Сергеевна, тогдашний директор музея В.И. Ленина, решительно потребовала: «Вы мне этого студента обеспечьте!» Так Костя попал к ней на работу...

Кстати, главным предметом у нас считался именно «Проект». По нему делались курсовые работы, защищался диплом. Костя придумал нечто невероятное! Это был проект промышленного города в Сибири. Все промышленное производство (электроника, легкая промышленность и прочее) в проекте было размещено под землей, в одной из его оконечностей. А культура, торговля, развлечения — в трех уровнях в надземной и подземной частях города. Жилье располагалось выше... Общественный транспорт в виде электромобилей, который можно запросто брать и бросать где угодно в городе. Карликовые вертолеты — роботы...

Под его «Город будущего в Сибири» выделили целую аудиторию — так это было грандиозно. Студенты младших курсов приходили помогать.

Кроме того, было сконструировано специальное приспособление для камеры, с помощью которой макет был заснят как с угла зрения человека, идущего по улицам, так и с высоты «птичьего полета».

В музее В.И. Ленина Костя проработал десять лет. Там, практиче-

ски сразу, затеял реконструкцию, сначала одного этажа, потом другого. Сидеть без дела он совершенно не умеет. Кроме того, для кипучей деятельности имелись все возможности. Музей финансировался самыми высокими инстанциями. Я тоже занималась проектированием музеев и выставочных залов.

А в 1982 году в нашу организацию перевелся и Костя. И сразу же внес идею «больших музеев». В кратчайшие сроки в нескольких городах — Самаре, Фрунзе, Улан-Баторе — были возведены новые здания, в которых разместились филиалы Центрального музея В.И. Ленина».

И вот, казалось, все в жизни сложилось хорошо, интересная работа, любимая жена, дочурка, но в самых глубинах души Константина Васильевича появилось какое-то томление, беспокоившее его... Будто не хватало чего-то самого важного... Наконец стало понятно — это заявляет о себе неутоленная жажда творчества. И параллельно со своей основной, довольно творческой работой, он начал писать «свои работы»...

В эти же годы, точнее в 1975 году, был впервые создан Независимый профсоюз художников-графиков и фотографов.

Произошло это событие как альтернативная творческая площадка Союзу художников СССР. Вопрос решался на уровне Первого секретаря горкома МГК КПСС, товарища

В.В. Гришина! Так случились первые веяния очень робких еще «ветерков свободы» для художников...

Константин Худяков тоже оказался в членах этой, по тем временам, весьма сомнительной полудиссидентской организации. Но вошел даже в состав знаменитой», группы «Двадцати художников», и очень активно выставлялся в полуподвальном выставочном зале на Малой Грузинской улице, где и разместился горком графиков. В этом доме, очень скоро ставшем широко известным, поселился актер и поэт — Владимир Высоцкий!

Сегодня Константин Васильевич, улыбаясь, рассказывает, как на-

стороженно посматривали на него коллеги-художники...

«Шпионом, а то и «засланным казачком» обзывали... Как же — главный художник музея Ленина — и вдруг «втерся» в ряды формалистов!

А в музее, в свою очередь, начальнички, узнав, что я стал членом «неблагонадежной» команды... тоже хмурились... И смех, и грех, как говорится. Но я работал и выставлялся, чувствуя в этом большую душевную потребность. И уже не мог остановиться и прекратить эту творческую работу, только выполняя музейные проекты и иные задания — за зарплату... Именно тогда я начал очень серьезно

искать свой путь, «свою колею»... в искусстве...

А дальше — ответ нашему читателю на его «каверзный» вопрос.

Ответила на него, и очень убедительно, жена Константина Васильевича, архитектор и художник Марина Леонидовна:

«Он всегда любил пользоваться при создании своих работ различными техническими приспособлениями. Помните, как использовал камеру в дипломной работе? Некоторые свои картины он обрабатывал при помощи аэрографа. Если приглядеться к ним внимательно, то это можно разглядеть. Часто приходится слышать такое мнение — раз человек создает что-то на компьютере, то какой же он художник? Но ведь далеко не каждого, кто берет кисть, можно назвать так же. Неважно, чем ты пользуешься в своем творчестве. Важно — КАК ты это делаешь. Поэтому и компьютер — точно такой же инструмент, как кисть или резец скульптора...

Поиски своего пути подвели художника к тому, что он сменил кисть на аэрограф, а в «ассортименте» выразительных средств заняла одно из главных мест фотография.

Появилась у Константина Васильевича необычайно необходимая для каждого художника возможность поехать в другие страны, побывать во всех значимых музеях мира. Это несказанно расшири-

ло горизонты миропонимания художника...

Шло время. Профессиональная деятельность (участие в выставках и работа в музее), да и судьба складывались неплохо, но неутоленная жажда творчества продолжала таиться в душе. Приглашенный «костерок» ... который только и ждал яростного порыва «ураганных ветров устремленности», чтобы вспыхнуть во всю мощь духовных созидательных сил и творческой энергии! Судьба ждала «звездного часа» — и он был явлен, но так буднично, что Константин Васильевич вначале даже не понял...

К художнику обратился известный коллекционер и бизнесмен Виктор Бондаренко — с неожиданным предложением...

Вот как коллекционер вспоминает об этом: «Изобразительное искусство так стремительно эволюционирует, меняя формы и применяя суперсовременные средства выражения, а вот иконопись точно замерла, и почти не меняется. Вот я и решил попытаться сделать современную икону».

Худяков не сразу откликнулся на предложение. Были размышления, разговоры, порой полемические, но было и предчувствие захватывающей работы, уже очень взволновавшей художника. Ведь даже прикосновение к ВЕЧНОМУ, незыблемо прекрасному и мистически-таинственному, будоражило фантазию, звало к поиску и погружению в эту сладостно-глубинную работу дерз-

ких находок неведомых образов — творческого горения!

Словом, СО — ТВОРЕНИЕ началось...

И не предполагал, что продлится гигантский труд на годы... Четыре напряженных, порой — мучительно трудных, года!

Как начинался проект Худякова? С обычного «погружения в тему»... Но и оно оказалось столь обширным и многомерным, что пролетел год! Он был заполнен изучением исторических источников — «магистральной» идеи проекта. Тщательно подбиралась необходимая литература, изучались источники по каждому из героев будущего «иконостаса», определялся состав личностей, их количество. Собиралась и компоновалась структура проекта, шел настоящий диалог между членами творческой группы, часами разбирались вопросы библейской истории и иконной символики...

В результате продуктивной полемики предполагаемая композиция собралась в традиционные для иконостаса ряды... Праотцы, пророки, Праздничный Деисус, были переосмыслены в трехрядье — «Deisis», причем избранные для иконостаса образы сохранились, но появились и нетрадиционные — Гиппократ, Заратустра...

Верхний ряд объединил обычные ряды праотцев — Ноя, Сима, Хама, Иафета, и пророков — Еноха и Моисея.

Правую часть верхнего ряда заняли неожиданные — Царица Сав-

ская, Заратустра, Гиппократ, Александр Македонский. Македонский не совсем безосновательно: рельеф XII века Дмитриевского собора во Владимире изображает полководца, возносимого в небеса птицами...

Центральная часть — по типу Деисуса — образ Христа занимает срединное положение, а вот обычно предстоящие ему Богородица и Иоанн Предтеча смещены в третий ряд.

Христу предстоят Адам, Ева и «Земля» — материя, изображенная географически и телесно: «Святая земля» и обитаемая вселенная «Ойкумена».

Ландшафт уподоблен кожному покрову... Говорят, он похож из космоса на поверхность и фактуру Земли. Вводя неожиданный для иконостаса изобразительный образ, авторы последовательны с точки зрения христианского символизма.

Третий ряд (нижний) включает в центре Богородицу и Иоанна Предтечу, а правое и левое «крылья» — святых, подобранных соответственно традиционным образам Деисуса и «местному» ряду православного иконостаса: св. Константин, св. Николай Мирликийский Чудотворец, апостолы Петр и Павел, св. Мария Магдалина, св. Георгий Победоносец, св. Серафим Саровский и св. император Николай II. Выбор ликов продуман, выверен и — символичен! Обоснование прописано в текстовой части проекта.

Каждый лик воплощает одну из фундаментальных основ христиан-

ского богословия. Как в каноническом иконостасе — здесь не появилось образов случайных...

Иконостас, объединивший несколько рядов, называется «высокий иконостас» — это чисто русская богословско-художественная форма, сложившаяся в России к XV веку. По словам отца Павла Флоренского, отгораживая алтарь от основного пространства церкви, где находились молящиеся, он вовсе не скрывал, а делал зримым то, что свершалось в алтаре — богослужение и его мистических участников: Христа, Богородицу, апостолов, святых. На них и был сфокусирован взгляд художника — автора «Deisis». В этой работе он решал ту же задачу, что и канонический живописец: создать образ индивидуальный, характерный и приподнятый от всего случайного, преходящего...

Можно ли отнести «Deisis» к религиозному искусству? Да! Только он еще соприкасается и со всем современным искусством. В работу над проектом незримо «влился» весь «суммарный» опыт Худякова-художника: архитектора, автора музейных экспозиций, живописца и создателя нескольких дигитальных проектов.

Все его работы последних трех десятилетий отмечены общей спецификой художественного видения: где многослойный пространственно-предметный ансамбль сконцентрирован в поверхность, а выпуклое, острое восприятие реального

материального объекта оборачивается его абсолютной эфемерностью и нематериальностью.

Работа по воссозданию образов проделана колоссальная. Выполнено 60 тысяч фотоснимков — снято 350 человек!

Каждый образ иконостаса — слияние тысяч фотослоев изображений!

«Это не поверхностная игра техническими возможностями, — пишет искусствовед Анна Константиновна Флорковская. — За сложной технологией открывается более значимый смысл: святой — всечеловек, он несет в себе «память плоти» на генном уровне, и духовный опыт — на уровне духа.

Задача воплотить суть этой аксиомы практически невыполнима привычными средствами художественной выразительности. В технологиях цифровой фотографии и специальных программ она получает максимально достоверное воплощение. Путь конструирования образа, по которому пошел художник, был, по-видимому, единственным путем, следуя которым, он мог в результате прийти к достоверности образа — внешней и внутренней.

Образами иконостаса не могли стать ни обычные, ни переработанные, «искаженные» в программах, фотопортреты современников.

Только благодаря найденной методике удалось создать портреты-образы, одновременно реальные и претворенные, достоверные и услов-

ные, живые и мертвые, то есть прибывающие в ином бытии, как и всякий сакральный образ»...

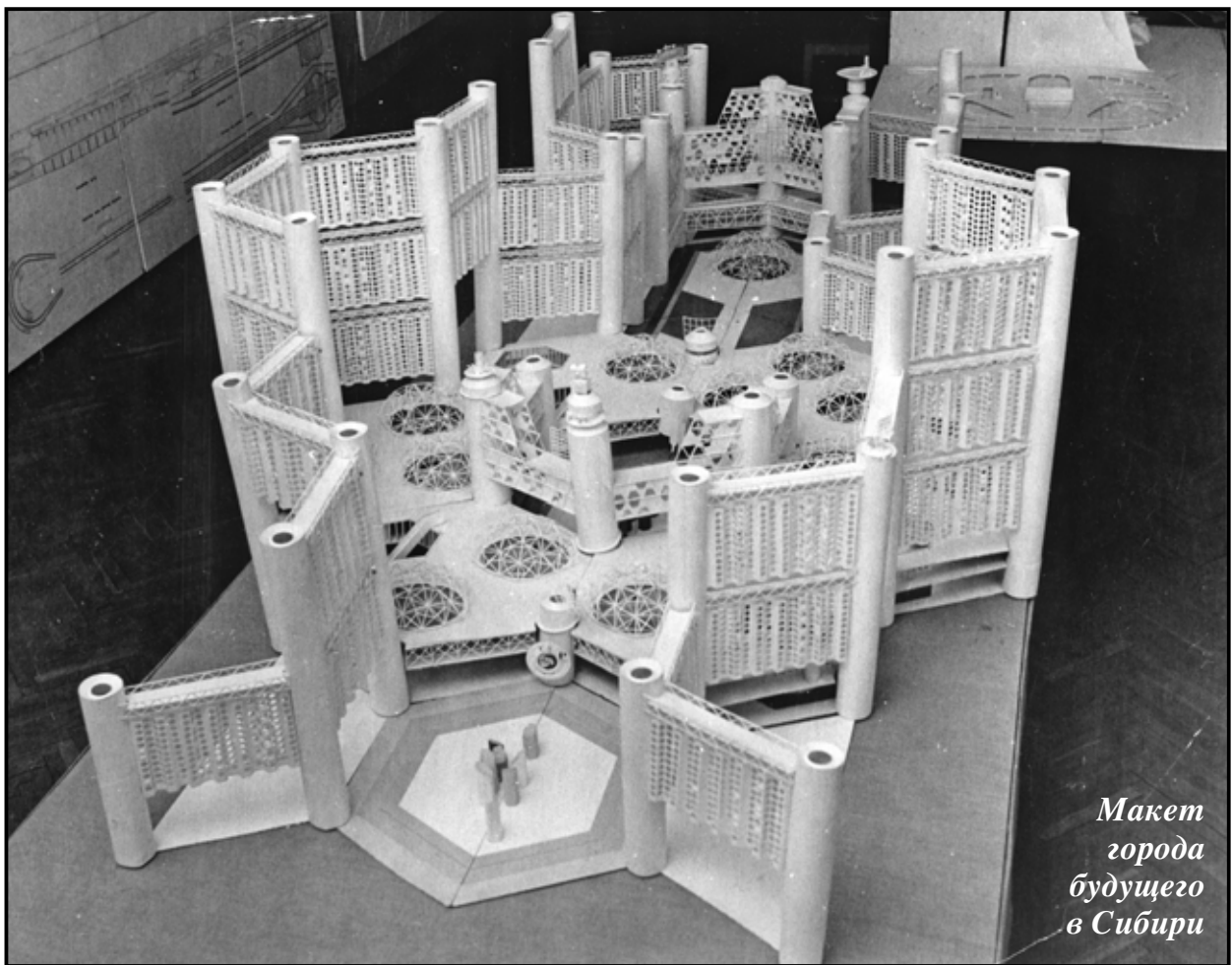
Методика художника к работе сродни живописи. Обращаясь к эстетике цифровой фотографии, он следует приемам, напоминающим живописную технологию. Применяет выразительные средства живописи — наложения красочного слоя. Соблюдает анатомическую достоверность образа.

Движение мастера к результату можно понять по невероятному количеству эскизов, промежуточных моделей. Их частичный показ состоялся в рамках 1-го Московского

биеннале современного искусства в 2005 году.

Отношения между искусством светским и церковным всегда, во все эпохи христианства вели к непрекращающемуся диалогу, и, думается, он будет только расширяться. Этот проект затронул множество болезненных точек. Встал вопрос, что важнее в подходе художника к религиозной теме: багаж личного религиозно-духовного опыта или следование художественной интуиции и мастерству?

Каковы будут последствия этих опытов, определит время.

*Макет
города
будущего
в Сибири*

Дискуссии и споры, вызванные проектом, необходимы сегодняшнему искусству, как предчувствие новых тем и территорий. Важна способность «Deisis» вовлекать зрителя в размышления — от богословских до определяющих границы современного искусства. Мощь проекта заключена в опоре на многотысячелетние культурные коды, их актуализацию, зримое осмысление реалий, которыми живет настоящее. А значение его — рывок, свершенный в будущее!

Художник Василий Кандинский сравнивал жизнь искусства во времени с органическим ростом дерева. «Deisis» похож на «годовое кольцо», которое срослось, а позже глубже войдет в структуру искусства новыми кольцами...

Прошли годы — точнее пятнадцать лет, как был завершен проект Константина Худякова, а продолжения, равного дерзкому поиску художника и его группы, — не последовало... Когда эта работа стала «фактом искусства», показалось, что приоткрыта таинственная дверца, и в нее незамедлительно хлынут бурные творческие потоки новых проектов и направлений, еще более азартных и талантливых.

Увы!.. Тишина... Ничего подобного за прошедшие годы на этом вновь открытом Худяковым «полигоне» творчества не свершилось. Нет, творческие процессы, как всегда, обильны, но нынче много перевер-

тушек и приколов, говоря нынешним жаргоном. Много ретроспекций и откровенных «забав» с наследием великих мастеров. И все чаще из наследия беспардонно вырываются фрагменты работ и обращаются в черный юмор, карикатурный парадокс или откровенное передергивание смыслов — пародирование с невыясненным даже самому автору смыслом.

Проекта, достойного стать в ряд поисков художника Худякова, за прошедшие годы не случилось... Потому что такая работа, на «магистральном классическом общечеловеческом» направлении требует недюжинных сил, ума и, конечно, большого таланта! А еще... для нынешнего времени она не приоритетна, так как потребует много времени для такого воистину творческого созидания, как говорится, буквально по кирпичику... А нынче время скоропалительных дел и таких же результатов. Думается, причина именно в этом. Хотя, если точнее, наверное, не только в этом, но среди иных прочих причин — точно! Ведь даже искусствоведы и кураторы в открытую говорят, что сегодня главное в изобразительном искусстве — мысль! А исполнение... не столь важно... Так что, увы, подобные работы и проекты, как у Худякова и его команды, и впрямь случаются — как звездный час ...

Константин Васильевич Худяков — Президент Союза художников Рос-

сии, один из основателей Центра современного искусства «МАРС» и его председатель правления, а также член Президиума Российской академии художеств.

Уже много лет он ведет активную выставочную деятельность не только в нашей стране, но и за рубежом.

Работы мастера хранятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Государственном Центре современного искусства в Москве, в коллекции Российской академии художеств, Пермском краевом художественном музее, Усольском историко-архитектурном музее-заповеднике, в Фонде Колодзей (США), в коллекции А. Глезера, в музее «МАРС», в частных и корпоративных коллекциях России, Европы, Азии, США, Латинской Америки.

При этом художник сохраняет бесценное качество — никакой пафосности... Проживает жизнь обыкновенного гражданина России.

Это изумляет и одновременно «авансирует» добрую симпатию...

В подтверждение — небольшой фрагмент из книги «Дни Худяковых».

Рассказ землячки художника, из Царевшины:

«Глава Балтайского района дал мне поручение привезти из Москвы для местного краеведческого музея картины К.В. Худякова. Нам выделили автомашину, и мы поехали в столицу, я, Галина Васильевна

(сестра К.В. Худякова) и дочь Лена. Остановивались в Москве в доме у Константина Васильевича. Познакомились с его женой Мариной Леонидовной. Удивительно красивая, гостеприимная, светская, талантливая художница. Надежная подруга и помощница, оберегающая мужа и семью от ненужных мелочей и стрессов. Работы художницы Марины Худяковой есть в современных каталогах. Познакомились и с семьей дочери, Саши Худяковой. Молодая женщина — художник по куклам...

Очень интересно было в самой мастерской Константина Васильевича. Готовился к выставке новый виртуальный проект «Hotel "Russia"». Работал художник в тот период, как и сейчас, много. Удивляет, что при такой загруженности он находит время для друзей, знакомых всех чинов и рангов, для родственников. Оказывает всемерную поддержку молодым художникам, коллегам по цеху. Титанический труд, уникально-божественный творческий дар и глубокое видение направленности современного искусства увидела я в их с Мариной доме.

В Российской академии художеств проходила обширная выставка работ К.В. Худякова «Искусство Высокого Разрешения». Мы с дочерью Леной тоже были на открытии этой выставки.

Много отзывов в гостевой книге. И все сходятся во мнении: Беспрецедентно! Уникально! Современно! Гениально! Пришло время Констан-

тину Худякову принимать почести и лавровые венки!

На мой взгляд, этот проект — удачная попытка привнести православную культуру в массы. Авторы смогли показать — она не ограничивается только иконами или картинами на религиозные темы.

С учетом того, какой популярностью пользуется этот проект, можно предположить, что общество нуждается в светской живописи религиозного содержания. Русской православной церкви стоит задуматься о возрождении такого искусства!»

Очень верные (хотя и без искусствоведческих изысков) мысли и по-

желания неискушенного поклонника знаменитого земляка...

При размышлении над работами Константина Худякова всплывают давно известные истины, и утверждают они действительно — искусство вечно!

Процесс поисков неотвратим — это сама ЖИЗНЬ!

А ЖИЗНЬ — ИГРА ! Мы даже умираем не случайно, а в закодированной неизбежности жизненного цикла. Жизнь не линейна, а подобна многослойному цветку. И он, вновь и вновь, зацветает в одном из миров беспредельной Вселенной!.. □

Личное несчастье

ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Личную жизнь великого российского реформатора Петра Первого трудно назвать простой и спокойной. Едва ли не первым из русских царей и великих князей он начал открыто изменять венчанной супруге, предпочитая ей простых девушек, желательно иноземного происхождения. А потом и вовсе избавился от надоевшей жены, сослав ее в монастырь. Хорошо, хоть не последовал примеру Ивана Грозного и не убил. Хотя непонятно, почему.

Удивительнее же всего то, что Петр вовсе не искал равную ему по уму и силе характера женщину. Да такой просто не существовало в тогдашней России. Не манили его и иноземные принцессы, хотя он вполне мог жениться на одной из них, цивилизованно введя Россию в круг европейских держав. Сына, правда, женил на австрийской эрцгерцогине, но сам предпочитал кого-нибудь попроще.

Тем не менее, личная жизнь первого русского императора оказала колоссальное влияние на подвластную ему страну. И законная царица, и ее незаконные преемницы становились своего рода символами перехода от патриархальной, домостроевской Руси к «просвещенной Европе». Хотя, надо сказать, Петр производил этот переход достаточно своеобразно.

А ведь, как говорится, «ничто не предвещало». Ну, почти ничто.

Увлечение Петра Западом возникло не на пустом месте, а стало своего рода продолжением того, что отличало его отца, царя Алексея Михайловича, и старшего единокровного брата, царя Федора Михайловича. Оба с удовольствием принимали на службу иноземцев, перенимали у них полезные для России знания. Царь Федор даже начал, было, крупную реформу армии по западному образцу, да не успел — умер совсем молодым от последствий полученной в юности тяжелой травмы. Зато успел приохотить своего младшего сводного брата к военным потехам, правда, только в рамках дворцовых покоев.

Да и матушка Петра, царица Наталья Кирилловна, была до смерти своего супруга «западницей», так как воспитывалась во вполне европеизированном доме боярина Матвея Артамонова и его жены Евдокии Гамильтон. Выходила к гостям, в том

числе, и иностранным, сидела с ними за одним столом.

Там, в доме своего давнего друга и сподвижника, ее и встретил овдовевший царь Алексей Михайлович. Встретил, восхитился, влюбился с первого взгляда и очень быстро сделал своей супругой и царицей. К великому недовольству куда более родовитых, нежели Нарышкина, бояр, у которых были дочери на выданье. Правда, желающих открыто перечить государю как-то не нашлось.

Но Алексей Михайлович скончался, оставив совсем еще маленьким сына и молодую жену. Какое-то время та жила относительно спокойно, пользуясь уважительным отношением к ней пасынка, нового царя. Но и того не стало в одночасье. И наступили тревожные времена.

Теоретически престол должен был унаследовать сын Алексея Михайло-

вича от первой жены — Милославской. Но Иван был слаб не только здоровьем, но и умом. К власти рвалась его сестра Софья, заручившаяся поддержкой князя Василия Голицына. Но женщина на российском престоле... Неслыханно!

Умело спровоцированный ею стрелецкий бунт не только определил ситуацию в стране на годы вперед, но и наградил малолетнего Петра душевным расстройством от пережитого ужаса кровавой резни: Нарышкиных убивали без жалости и без разбора. Погиб и Артамон Матвеев, главная опора вдовствующей царицы. Хаос, неразбериха, бесконечные интриги...

В результате в России стало два царя — Иван и Петр, а выше них правительница — царевна Софья. Большой путаницы в престольных делах невозможно было себе представить. Но Софья при поддержке Голицына твердой рукой наводила порядок. И, помимо всего прочего, женила своего родного брата — царя Ивана, чтобы род продолжался от знатных Милославских, а не от худородных Нарышкиных.

Наталья Кирилловна совсем потеряла голову, забилась в старый дворец в отдаленном Преображенском и сидела там тишайше, ежеминутно опасаясь покушения на жизнь своего сына. Точнее, молилась и плакала. Воспитание Петра было заброшено, основное время он проводил с дворовыми мальчишками. А потом — не только с дворовыми, а и с юными простолюдинами.

Тогда-то и возник в его жизни Алексашка Меншиков, умевший, как никто, развлечь мальчика-царя. Именно он затащил его в Немецкую слободу — Кукуй, благо от Преображенского до него было рукой подать. Именно он познакомил его с Лефортом, прожженным авантюристом и интриганом. Противопоставить иноземному влиянию вдовствующая царица могла только одно: брак.

На мысль, что сыну пора жениться (в шестнадцать лет!), ее натолкнула новость о том, что супруга царя Ивана, Прасковья Салтыкова, ждет ребенка (через 2 месяца после венчания Петра с Лопухиной была рождена царевна Мария Ивановна). Но выбор невесты для юного Петра оказался далеко не самым удачным.

В жены Петру была избрана девица из многочисленного, но захудалого рода Лопухиных. В основном, потому, что они были популярны в стрелецких полках, и царица надеялась на их защиту. Ну и, конечно, на то, что, женившись, ее сын обретет статус взрослого мужа, в одночасье перестав быть ребенком в глазах бояр.

Венчание Петра I и Лопухиной состоялось 6 февраля 1689 года в церкви Преображенского дворца под Москвой. Событие действительно стало знаковым для тех, кто ждал, когда Петр сменит правительницу Софью, так как, по русским понятиям, женатый человек считался совершеннолетним, и Петр в глазах своего народа получил полное нравственное право избавить себя от опеки сестры.

*Евдокия
Лопухина,
первая жена
Петра I*

Евдокия Лопухина стала первой супругой Петра. И последней русской царицей не иноземного происхождения. Любопытно, что на самом деле она не была Евдокией Федоровной, а носила имя Прасковья Илларионовна. Когда Наталья Кирилловна выбрала сыну невесту из рода Лопухиных, она решила девушку переименовать — для благозвучия. К тому же жена царя Ивана звалась Прасковьей, вторая царица с таким именем была ни к чему.

На сестре Евдокии Ксении был женат Борис Иванович Куракин. Он оставил описание Евдокии в «Истории о царе Петре Алексеевиче»:

«И была принцесса лицом изрядная, токмо ума посредного и нравом

не сходная к своему супругу, отчего все счастье свое потеряла и весь род свой сгубила... Правда, сначала любовь между ими, царем Петром и супругою его, была изрядная, но продолжалась разве токмо год. Но потом пресеклась; к тому же царица Наталья Кирилловна невестку свою возненавидела и желала больше видеть с мужем ее в несогласии, нежели в любви. И так дошло до конца такого, что от сего супружества последовали в государстве Российском великие дела, которы были уже явны на весь свет...»

«Посредного ума»? Кого это заботило! Петр никогда не тяготел к умным женщинам, а уж о сходстве характеров лучше помолчать: не было

на Руси женщины, хотя бы отдаленно схожей нравом с Петром. Разве что его младшая сестра Наталья, но и той было куда как далеко до братца.

Впрочем, Петр особо не жаловался. Жена была красива, приятна на ложе, исправно рожала сыновей (правда, из троих выжил только один, двое скончались в младенчестве). Мужа любила так, как было положено воспитанной в домостроевских понятиях русской женщине, в государственные дела не вмешивалась.

Поначалу брак был довольно счастливым, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма супругов друг другу, оба подписывались полуименами: Петр называл себя Петрушкой, а Евдокия — Дунькой. Так, Евдокия, ожидая возвращения Петра из очередного путешествия, писала ему:

«Здравствуй, свет мой, на множество лет! Просим милости, пожалуй, государь, буди к нам, не замешкав. А я, при милости матушкиной, жива. Женушка твоя Дунька челом бьет...»

Первые три года, по свидетельствам современников, молодые жили хорошо. То же подтверждают сохранившиеся письма. Она скучала, пока любимый супруг колесил по Европе, создавал флот и набирался знаний для полной перестройки огромной России.

Лопухина же хотела простого женского счастья: чтобы муж был рядом, чтобы дети росли. Ну, и получать все почести, положенные царице испокон века. Супруга Петра почти не покидала своего терема.

Но Петра она, чем дальше, тем меньше интересовала. Гораздо весе-

лее было проводить время в Немецкой слободе или с солдатами. Молодые все больше отдалялись друг от друга, к недоумению и отчаянию царицы-матери, во всем виновницей, разумеется, нелюбимую невестку. А уж когда молодой царь сумел одолеть правительницу Софью и стать практически единоличным государем на Руси, жена окончательно перестала понимать своего супруга, предоставив ему полную свободу в личной жизни.

Попробовала бы она не предоставить!

Но пока была жива его мать, царь открыто не демонстрировал растущей антипатии к жене. После же смерти Натальи Кирилловны в 1694 году, когда Петр уехал в Архангельск, он просто и резко перестал поддерживать переписку с Евдокией.

Хотя Евдокию еще называли царицей, и она жила с сыном во дворце в Кремле, ее родственники Лопухины, занимавшие видные государственные посты, попали в опалу. Молодая царица — не от большого ума! — стала поддерживать общение с лицами, недовольными политикой Петра. И это переполнило чашу терпения ее импульсивного супруга.

Он предложил ей добровольно принять монашеский постриг. Евдокия отказалась наотрез, ссылаясь на малолетство сына-наследника Алексея. Того тут же отобрали у матери и передали под попечительство тетки — царевны Натальи Алексеевны. А саму Евдокию отправили в Суздальско-Покровский монастырь.

Пока без пострига. Просто изолировали от внешнего мира. Во-первых, у Петра было много других дел поважнее, а во-вторых, архимандрит обители не согласился постричь ее, за что был взят под стражу. Против пострижения Евдокии высказывался и патриарх Адриан, вызвав этим ярость царя.

Петр вознамерился, было, без затей казнить опостылевшую супругу, но мудрый Лефорт с трудом уговорил его оставить эту не самую удачную мысль. В итоге постриг все-таки со-

по европейским канонам, которые так пленяли Петра всю его жизнь.

А началось все с... чашечки кофе, которую ему поднесла дочь кукуйского трактирщика Анна Монс.

Анну Монс и Петра познакомил его друг и советник Франц Лефорт, который благоразумно умолчал о том, что девица пару лет была его собственной любовницей. В постель к Францу Лефорту девушка попала благодаря собственной матери, Матильде, которая на тот момент была вдовой с четырьмя детьми на руках.

Хотя Евдокию еще называли царицей, и она жила с сыном во дворце, ее родственники Лопухины, занимавшие видные государственные посты, попали в опалу. Молодая царица стала поддерживать отношения с лицами, недовольными политикой Петра, и это переполнило чашу терпения супруга. Он предложил ей добровольно принять монашеский постриг

стоялся: царица Евдокия исчезла, появилась инокиня Елена.

Но ненадолго.

Евдокия не смирилась со своей участью. Более того, на свою сторону она привлекла монастырское духовенство и некоторых мирян, так что во время церковных служб о ней молились не как об инокине Елене, а как о царице.

Хотя фактически царицей давно уже была другая. Невенчанная, нерусская, ни разу не ступившая в кремлевские палаты. Но — любимая. Красавица? Да, безусловно. Только

Неудивительно, что красивую дочь Матильда старалась «пристроить» получше. Но о царе она, естественно, даже и не мечтала: Лефорт, щедрый и внимательный к нуждам вдовы, ее вполне устраивал. Только судьба распорядилась иначе.

Как-то в ненастье Франц Лефорт привел к Монсам долговязого нескладного юношу. Анна знала, что это русский царь Петр. Он часто приходил к ее отцу закупать провиант для потешных войск.

Анна склонилась перед государем в глубоком реверансе и предложила

чашку кофе. Никто еще не готовил Петру подобного напитка, не говоря уже о реверансах, обнажающих грудь. (Русские барышни прятали свои прелести, как того и требовали строгие древнерусские законы.)

Совершенно ошеломленный, Петр решил переждать непогоду в доме Анны. Задержался он там не на один день — русские дороги во время дождя надолго становились непроходимыми... И эти несколько дней стали определяющими для судьбы не только самого царя, но и всей России.

Хотя на самом деле Анна Монс немногим отличалась от законной супруги государя. В плане интеллекта — уж точно. Но если Евдокия мечтала о чинной и пышной жизни во дворце, то Анна грезила просто о собственном уютном доме, желательно с садом, огородом, коровником и птичником. Стопроцентная мещанка с типичными мечтами немецкой бюргерши. И свои мечты она с помощью нового любовника успешно реализовала.

На казенные деньги для Анны был построен двухэтажный каменный дом-палаццо на восемь окон, с мажордомом и слугами в ливреях. К тому же фаворитка получила ежегодное пособие в 708 рублей, портрет государя, усыпанный драгоценными камнями (оценивался в тысячу рублей) и Дудинскую волость в Козельском уезде (в настоящее время регион Калужской области).

Дом Анны тут же прозвали «дворцом кукуйской царицы», а некоторые даже полагали, что Петр, влюбив-

шийся не на шутку, в ближайшее время сделает любовницу законной женой. Парадоксально, но сама Анна к этому браку не слишком стремилась: царя она не любила, только терпела, детей от него не желала, а его образ жизни, весьма далекий от немецкого «орднунга», порой просто приводил ее в ужас.

Анну не тяготило положение любовницы императора, она с удовольствием использовала его в своих интересах, и не только. В мемуарах воспитателя царевича Алексея, юриста и дипломата Генриха фон Гюссена говорится, что «в присутственных местах существовало правило оказывать содействие в делах и тяжбах родным и друзьям семейства Монс. За посредничество фаворитка получала деньги и подношения».

Роман императора с Анной длился более 10 лет. При этом Петр оставался верен себе: у него были любовные отношения с подругой Анны, Еленой Фадермрехт, и многочисленные случайные связи.

И все-таки Франц Вильбуа, приближенный к Петру I, утверждал, что император женился бы на Монс, если бы был уверен в ее искренности.

«...Петр непременно женился бы на Анне Монс, если бы эта иностранка искренне ответила на ту сильную любовь, которую питал к ней царь. Но она, хотя и оказывала ему свою благосклонность, не проявляла нежности к этому государю. Более того, есть тайные сведения, что она питала к нему отвращение, которое не в силах была скрыть. Государь несколько

раз это замечал и поэтому ее оставил, хотя и с очень большим сожалением. Но его любовница, вследствие особенностей своего характера, казалось, очень легко утешилась».

Во время дипломатической миссии с марта 1697 года по август 1698 года фаворитка Петра часто и открыто принимала у себя саксонского посланника Кенигсека, галантного кавалера и дамского угодника. По непроверенным данным, она родила от него ребенка.

Неверность Анны обнаружилась неожиданным образом. Спустя пять лет после начала отношений с фавориткой российского императора, Кенигсек утонул при осмотре переправы в Шлиссельбурге. В вещах покойного были найдены любовные письма от Анны и медальон с ее миниатюрным портретом и прядкой волос.

Петр посадил сестер Монс (старшую Матрену, как пособницу измены) под домашний арест, который продолжался до 1706 года. Виновные находились под надзором князя Ромодановского, им запрещалось даже посещать лютеранскую церковь. Увы, постричь изменницу в монахини не представлялось возможным из-за различия в вере.

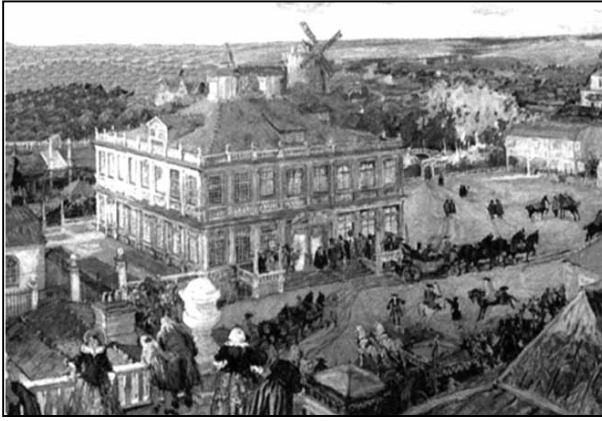
В Преображенском приказе по делу проходило около 30 человек. Анну и ее близких обвиняли в мздоимстве, злоупотреблении доверием государя, ворожбе. Через четыре года, после долгих разбирательств, у нее забрали дом (тот самый, двухэтажный каменный) и другое недвижимое имущество. Дра-

Анна Монс

гоценности и прочие подарки Петр забирать не стал.

Нет, царю определенно не везло с женщинами. Даже воспитанная в строгих домостроевских правилах Евдокия Лопухина, попав в монастырь, показала, что характер у нее непростой, а силе воли мог бы позавидовать иной мужчина. Монаше-

*А. Бенуа. Дом Анны Монс
в Немецкой слободе*

ская жизнь была явно не по ней. Схи-
му она самовольно отринула через
полгода после ее принятия в Суз-
дальско-Покровском монастыре.

Содержания ей назначено от каз-
ны не было — ее кормили родствен-
ники. Она им писала:

*«Здесь ведь ничего нет: все гни-
лое. Хоть я вам и прискушна, да что
же делать. Покамест жива, пожалуй-
ста, поите, да кормите, да одевайте,
нищую».*

Евдокия повела вполне мирской
образ жизни и даже влюбилась. Сте-
ны монастыря ей не мешали — тай-
ных сторонников у нее, как потом вы-
яснилось, было предостаточно. Вза-
имностью ответил майор (позже ге-
нерал) Степан Глебов. Любовь их бы-
ла горячей и искренней. Но оборва-
лась трагически: во время следствия
по делу стрелецкого бунта 1698 года
Петру открыли незаконную связь Ев-
докии и Глебова, после чего он дал
такое повеление:

*«Указ бомбардирской роты капи-
тан-поручику Писареву. Ехать тебе
в Суздаль и там в кельях бывшей же-*

*ны моей и ея фаворитов осмотреть
письма, и ежели найдутся подозри-
тельные, по тем письмам, у кого их
вынул, взять за арест и привести
с собою купно с письмами, оставя ка-
раул у ворот».*

Скорняков-Писарев застал быв-
шую царицу в мирском платье, а в
церкви монастыря обнаружил запи-
ску, где ее поминали не инокиней,
а «Благочестивейшей великой госу-
дарыней нашей, царицей и Великой
княгиней Евдокией Федоровной», и
желали ей и царевичу Алексею «бла-
годенственное пребывание и мирное
житие, здравие же и спасение и во
все благое поспешение ныне и впредь
будущие многие и несчетные лета, во
благополучном пребывания многая
лета здравствовать».

Уличив бывшую супругу в участии
в заговоре и помыслах о возвраще-
нии на престол, Петр арестовал ее
вместе со 150 (!) причастными. Сте-
пана Глебова пытали нечеловечески-
ми пытками.

Австриец Плейер писал на родину:
*«Майор Степан Глебов, пытаный
в Москве страшно кнутом, раскален-
ным железом, горящими угольями,
трое суток привязанный к столбу
на доске с деревянными гвоздями,
ни в чем не сознался».*

Казнь его была мучительна: его
посадили на кол, и 14 часов он уми-
рал на глазах Евдокии, которую при-
нудили на все это смотреть.

Саму «заговорщицу» били кнутом,
после чего возвратили в монастыр-
скую келью. В 1718 году она была пе-
реведена из Суздаля сначала в Алек-

сандровский Успенский монастырь, а затем в Ладожский Успенский монастырь, где семь лет жила под строгим надзором до самой кончины бывшего мужа.

В Манифесте, позже изданном в связи с «делом царевича Алексея», Петр I сформулировал обвинения против бывшей царицы — «...за некоторые ее противности и подозрения». Стоит отметить, что в том же 1698 году Петр постриг двух своих единокровных сестер, Марфу и Феодосию, за сочувствие свергнутой царице Софье.

В 1725-м ее отправили в Шлиссельбург, где Екатерина I держала Евдокию в строго секретном заключении как государственную преступницу под именованием «известной особы». Она представляла бóльшую угрозу для новой императрицы, чьи права были сомнительны, чем для своего мужа, настоящего Романа.

Сколько в свидетельствах было правды, а сколько оговоров и самооговоров по причине допросов с очень большим пристрастием, вряд ли уже узнать. Но казнил Петр всех без особого разбора: родственников Лопухиной, ее любовника, даже сына своего не пощадил — отправил в крепость, где тот при загадочных обстоятельствах умер.

Из признательного письма Евдокии к Петру:

«Всемиловнейший государь! В прошлых годах, а в котором не упомяну, по обещанию своему пострижена я была в суздальском Покровском

монастыре в старицы, и наречено мне было имя Елена. И по пострижению в иноческом платье ходила с полгода; и не восхотя быть инокою, оставя монашество и скинув платье, жила в том монастыре скрытно, под видом иночества, мирянкою...»

Она пережила своего супруга, его жену Екатерину I, которая еще больше ужесточила условия пленницы, а при внуке Петре II была реабилитирована и восстановлена в правах.

Петр II вызволил бабушку из заточения, дал ей приличное содержание, разрешил проживать где угодно. Евдокия жила сначала в Вознесенском монастыре в Кремле, затем в Новодевичьем монастыре — в Лопухинских палатах.

Верховный тайный совет издал Указ о восстановлении чести и достоинства царицы с изъятием всех порочащих ее документов. Ей было дано большое содержание и особый двор. На ее содержание было определено 4500 рублей в год, по приезде Петра II в Москву сумма была увеличена до 60 тысяч рублей ежегодно. Но никакой роли при дворе Петра II Лопухина не играла.

После смерти внука ее кандидатуру рассматривали на престол, но Лопухина отказалась в пользу Анны Иоанновны.

Позже Степан Васильевич Лопухин (двоюродный брат Евдокии) вспоминал:

«Когда государь император Петр II скончался, тогда меня, призвав, фельдмаршал князь Голицын, князь

Димитрий Голицын да фельдмаршал князь Долгорукий спрашивали, не подписывал ли Его Величество какой духовной. И я сказал: «не видал», и притом они имели рассуждение, кого выбирать на престол. И сперва говорили о царице Евдокии Федоровне, что она уже стара; потом о царевнах Екатерине и Прасковье, что их нельзя, сказав некоторые слова непристойные. Потом о Ее Величестве (говорено в царствование Елизаветы Петровны) молвил из них помянутый фельдмаршал

с облегчением. Не подозревая, что вскоре место «худородной иноземки» прочно займет другая иноземка, вообще безродная.

Однако натура Петра требовала от женщины, находившейся рядом с ним, не ума и даже не красоты (не говоря уже о происхождении), а совсем иных качеств: она должна была быть смелой, отчаянной, легко воспринимавшей перемены и готовой следовать за возлюбленным куда угодно, хоть в гущу сражения.

И такая, в конце концов, нашлась.

Д

ве первые женщины великого реформатора при всей своей несхожести были однотипны в своей ограниченности. Обе были неверны Петру, причем открыто и достаточно нагло, совершенно не боясь его. Обе остались в народной памяти и истории, хотя совершенно по-разному. Евдокия — законной, несправедливо пострадавшей царицей, а Анна — любовницей, чужеземкой, слишком мягко наказанной за свои прегрешения

князь Долгоруков, что Ее Величество в такое время (до брака) родилась и за тем и за другим, сказав еще некоторые непристойные слова, выбрать нельзя. И потом положили намерение к выбору на императрицу Анну Иоанновну».

А что же Анна Монс? Связь с ней была настоящей пощечиной церковным канонам, оберегавшим чистоту российских монархов. Когда этот роман закончился, так и не увенчавшись браком, почти все вздохнули

А бывшая «кукуйская царица» замуж все же вышла. Во время домашнего ареста за ней начал ухаживать прусский посланник фон Кайзерлинг. Он ходатайствовал перед государем о разрешении на брак. Но встреча с Петром I и Меншиковым закончилась ссорой — посла спустили с лестницы. Назревал международный скандал.

Дипломатический конфуз был улажен при содействии прусского короля. В 1711 году Анна и Калинг поже-

нились. Но спустя несколько месяцев после свадьбы посол умер. Его супруга в течение 3 лет судилась со старшим братом мужа за имение в Курляндии. Она выиграла дело незадолго до своей смерти.

В конце жизни холодная и расчетливая Анна влюбилась. Избранником стал некий шведский капитан, который буквально купался в дорогих подарках. Анна Монс даже заве-

Петр никак не отреагировал на известие о смерти бывшей повелительницы его сердца.

Примечательно, что скандал и тяжбы не отразились на судьбе и карьере родных Анны. Старшая сестра Матрена стала супругой генерала-поручика Николая фон Балка, статс-дамой второй супруги Петра I Екатерины. Она же пристроила своего брата Виллима камер-юнкером при дворе.

*Марта
Скавронская
(Екатерина I),
вторая жена
Петра I*

щала все свое состояние возлюбленному. Но планам ее не суждено было сбыться: родственники смогли отсудить почти все у избранника.

Историки утверждают, что Анна родила двух дочерей. Их биография и имена отцов доподлинно неизвестны. В завещании женщина детей не упомянула. Анна скоропостижно скончалась в Москве 15 августа 1714 года от чахотки.

Обходительный и молодой Монс сумел понравиться жене государя, стать ее фаворитом.

А Евдокия пережила не только своего бывшего супруга и его новую жену, но и юного внука. Умерла она в 62 года, в 1731 году. Незадолго до смерти бывшей супруги Петра ее видела представительница иностранной делегации, отметившая необыкновенно живой взгляд черных глаз Евдо-

кии. Перенеся столько страданий, она не утратила душевные силы и волю.

Перед кончиной последние слова ее были:

«Бог дал мне познать истинную цену величия и счастья земного».

Конец земной жизни последней русской царицы оказался тихим и мирным. Похоронена она была в Новодевичьем монастыре с большими почестями, в присутствии самой новой императрицы Анны Иоановны, относившейся к ней с большим уважением.

Существует легенда о том, что перед пострижением в монастырь Евдокия прокляла любимое детище своего супруга — Петербург.

— Месту сему быть пусту! — якобы возвестила она во всеуслышание.

Она не была одинока в своей ненависти. Первые предсказания гибели Петербурга были зафиксированы еще при Петре Великом в форме заклятий, и в их число входит и это. Пока еще не сбылось ни одно, но стихийные бедствия, регулярно постигающие северную столицу, заставляют, по крайней мере, задуматься.

Но это — легенды. Истина же заключается в том, что две первые женщины великого реформатора при всей их несхожести были однотипны в своей ограниченности. Обе были неверны Петру, причем открыто и достаточно нагло, то есть совершенно его не боялись. Обе, несмотря на все усилия государя, строили свою личную жизнь по собственному усмотрению и ни в грош не ставили грандиозные планы царя.

Обе остались в народной памяти и в истории, хотя совершенно по-разному. Евдокия — законной, несправедливо пострадавшей царицей. Анна — любовницей, чужеземкой, слишком мягко наказанной.

Удивительно, что мало кто обращает внимание на зависимость Петра от общественного мнения в том, что касается его личной жизни. «Кукуйскую царицу» народ категорически не принял, хотя впоследствии достаточно легко смирился с возвышением простой лифляндской прачки. Или уже слишком сильно боялся государева гнева, чтобы открыто высказывать свое мнение?

Вереница фавориток и любовниц не прервалась с появлением в жизни Петра Марты-Екатерины. Но все они почти ничего не значили для царя. Лишь на излете жизни он встретил действительно достойную его женщину — княжну Марию Кантемир, которая могла бы стать идеальной российской императрицей нового времени. Но — не сложилось.

Давайте признаем очевидное: неистовый реформатор, «за волосы приволокший» Россию в семью европейских государств, не смог упорядочить отношения в собственной семье. Ни с одной из своих «главных» женщин. Даже Екатерина изменила ему, уже ставши императрицей.

Да и много ли можно найти в истории великих людей, обретших простое личное счастье? По-видимому, все-таки нельзя иметь все сразу... □

В начале было слово...

Как известно, «слово — серебро, молчание — золото», но, тем не менее, писатели выбирают слово.

Понес начинающий писатель показывать издателю свой первый рассказ. Видит — погода меняется. Небо тучами стало заволакивать, холодным ветерком потянуло. Почувствовал он что-то неладное. Но издатель встретил его с доброй улыбкой и предложил прочитать свой текст. И автор начал:

— В страстном поцелуе Иван с Глафирией упали в копну сена, и их молодые упругие тела...

— Нет-нет, эротика в нашем альманахе не пойдет, у нас авторы — одни пенсионеры, они не потерпят такое соседство рядом со своими произведениями.

Пришлось уйти ни с чем.

Во второй раз пошел начинающий писатель к издателю. Холодный морозящий дождик и северный ветер пробирали его насквозь. Но приятная улыбка издателя сняла все сомнения, и он стал вдохновенно читать:

— Ваня, это я, твоя Глаша. Звоню тебе из похоронного бюро. Здесь так резко взлетели цены. Тех денег, которые мы откладывали в течение нескольких лет на похороны, хватит только на одного из нас. Администратор сказал, что удешевления не ожидается, а будет скоро подорожание. Надо спешить. Семидесятилетие твое недавно отметили, а у меня юбилей только через полгода, так что, пока цены не подняли, будем хоронить тебя...

— Как вы можете так писать! В нашем альманахе половина авторов такого возраста, если они это прочтут, что с ними станет?

Опять пришлось уйти не солоно хлебавши.

В третий раз понес начинающий писатель свой рассказ к издателю. Ноги были ватными, еле передвигались. Холодный ветер дул в лицо, словно не пускал его. Издатель встретил настороженно и с тревогой в голосе попросил прочесть повествование.

— Дрожащими руками, то ли от старости, то ли от болезни Паркинсона, завалил Иван свою Глафиру на постель и в страстном поцелуе стал ее...

— Это нежизненно! — прервал возмущенный издатель.

— Зато какая надежда у вашей половины авторов появится, — грустно заметил несостоявшийся писатель.

Третий возраст

— Здорово, Петрович!

— И тебе не хворать, Кузьмич!

— Петрович, пока не забыл, хочу задать тебе вопрос. Ты же человек продвинутый, с внуками живешь, чему-то они тебя научили. Мои-то, как ты знаешь, в другом городе, и навестить деда не очень торопятся.

— Чем ты опять недоволен: Пенсионным фондом, правительством? Давай, задавай свой вопрос, а то забудешь, что хотел узнать.

— Да-да, правильно говоришь. Понимаешь, я купил путевку, и молодая девушка, руководитель группы, сказала, что хочет вступить со мной в связь. А для этого я должен уметь войти в ватсап. Ты будешь смеяться надо мной, скажешь, что «мой поезд давно ушел». Соглашусь с тобой, я на свою бабушку уж забыл когда и смотрел. Но тут молодая женщина, красивая. А вдруг во мне проснется добрый молодец, и я еще смогу... не только поговорить с ней. Вот и хочу спросить тебя по этому поводу: я не знаю, что такое ватсап, но не против это попробовать, а если вдруг...это не опасно для здоровья, излечимо?

— Да не парься, Кузьмич, все будет нормально, но мне больше нравится вайбер.

— Ты и в молодости был большим проказником. Сейчас, в твоём возрасте, пора бы успокоиться.

— Кузьмич, у тебя андроид?

— Нет, никаких современных диванов я не покупаю, сплю со своей женой на никелированной кровати, доставшейся ей от родителей.

— При чем здесь кровать?

— Я, Петрович, не меняю своих принципов и к старым вещам отношусь с трепетным вниманием.

— Кузьмич, а ты в «Одноклассниках» сидишь?

— Да моя бабка на три года моложе моих одноклассниц. Зачем мне такие старушечки нужны? И вообще, в нашем возрасте счастье надо видеть в другом.

— Самое счастливейшее время для меня, Кузьмич, когда я сижу в фейсбуке. Часы, проведенные там, кажутся секундами.

— Ты неисправим, Петрович. Годы тебя не меняют. Каким был пошляком, таким и остался. Но, тем не менее, а вдруг, а если... Ну... в общем, на всякий случай запиши для меня адрес фейсбука и номер домофона, он же у этого заведения наверняка есть. И, напиши на каком трамвае можно туда доехать.

— Кузьмич, а ты «ВКонтакте» частоходишь?

— Со своей супругой — уж и забыл, когда это было, а с другими женщинами опасуюсь. Вдруг после длительного воздержания осечка выйдет? Засмеют ведь.

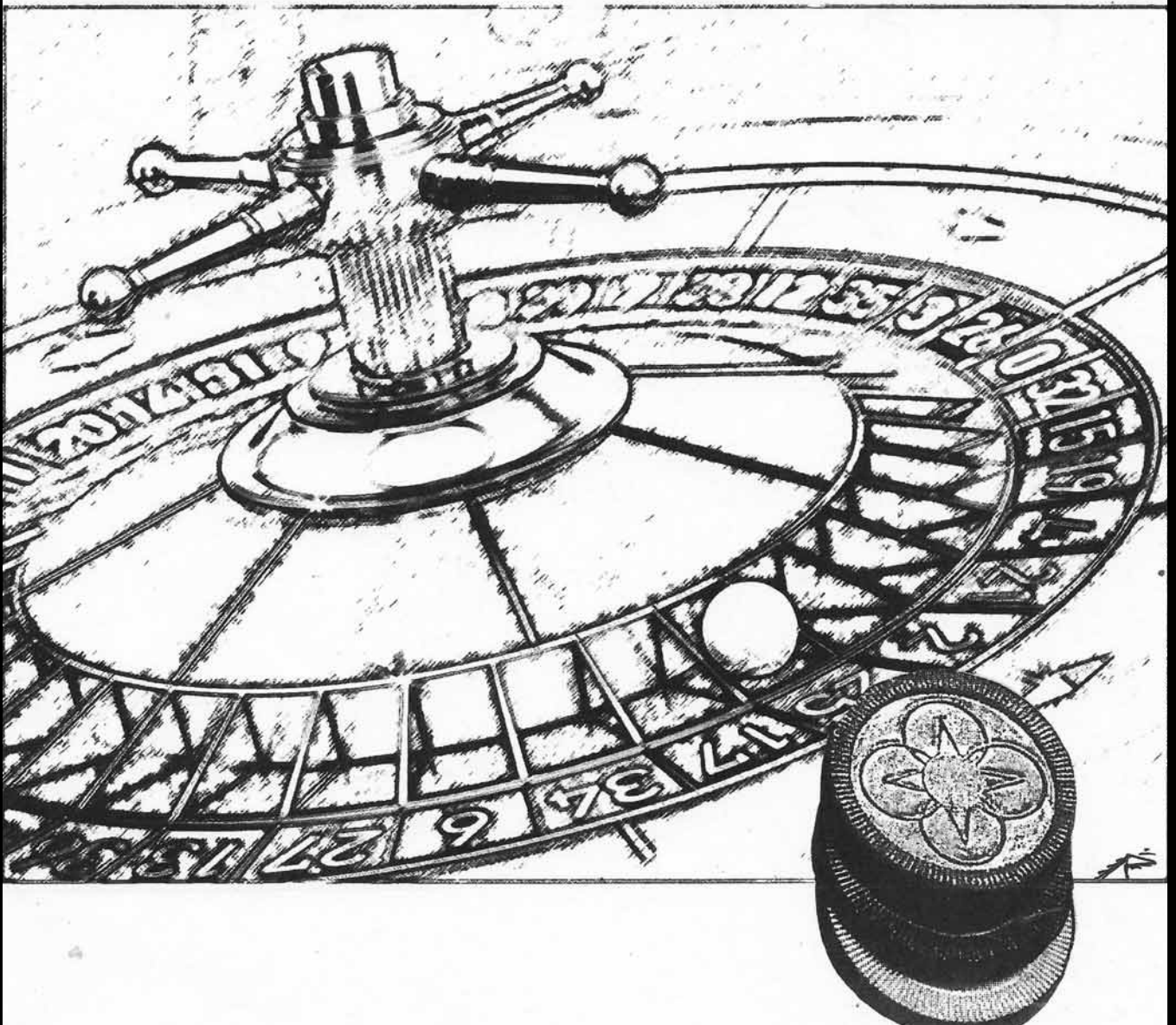
— «ВКонтакте» можно быть не только с женщинами, но и с мужчинами. С ними даже интереснее. Они такие прикольные.

— Нет уж, Петрович. Как говорится, «не жили богато, так не стоит и начинать». С мужиками в моей жизни ничего не было, и пробовать, хоть это и прикольно, уже поздно. Вот послушай, вышел тут со мной недавно конфуз. Зашел я в детский магазин (как мне тогда показалось) под названием «Розовый кролик», для младшего внука ко дню рождения игрушку купить. Смотрю, и от волнения аж очки запотели. Там та-а-ки-е игрушки! Продавщица предложила куклу с человеческий рост. Я ей говорю: «У меня мальчик». Она, видимо, не поняла и отвечает: «У нас мальчиков нет. Если для вас эта кукла дорогая, у нас есть бюджетный вариант».

— Да, бывают в жизни шутки. Кузьмич, какой ты древний! Если я правильно понял, у тебя и компьютера-то нет? Как же ты узнаешь о том, что в мире делается?

— Я новости смотрю по телевизору. Мне интересно, чем занимается Государственная дума и правительство. Знаешь, Петрович, ты мне столько нового открыл, что я теперь в замешательстве. Каким же способом мне попытаться вступить в связь с нашей руководительницей группы, что выбрать: вайбер, ватсап, фейсбук или еще что-нибудь?

— Попробуй все способы, какой больше понравится, на том и останись. □

Последняя ставка

1

Больше всего на свете Анри любил свою жену Анну и рулетку. Причем, оба чувства были равно необоримыми. Признаваясь в этом самому себе, Анри неизменно испытывал чувство стыда. Даже Мишель, его самый близкий друг, вряд ли оценил бы признание, в котором ставились на одну доску столь несравнимые ценности. Но истина заключалась в том, что Анри мог существовать, лишь деля жизнь между двумя страстями. И потому стоило ли удивляться, что сегодня ему пришла в голову мысль: а имеет ли смысл его дальнейшее существование?

В первый месяц их семейной жизни после очередного вечера, проведенного в одиночестве, Анна в сердцах бросила извечную фразу всех женщин: «Выбирай: или я, или она». На компромисс, как водится в нормальных семьях, пришлось пойти обоим. Анри отныне отправлялся в казино только раз в неделю, строго по пятницам. Анна же, со своей стороны, никогда более не ставила ему подобных ультиматумов.

Это было давно, почти двадцать лет назад. С тех пор и до прошлого понедельника в их жизни ничего не менялось.

Кто бы мог подумать, что складывавшееся годами жизнеустройство будет разрушено в один миг безвестным итальянцем, вылетевшим на перекресток по красному сигналу светофора?

Первые дни после смерти Анны Анри помнил плохо. Необходимость совершать какие-то действия, несмотря на то, что Мишель взял на себя все

самое обременительное, помогала заполнить пустоту. Но сегодня, после похорон, осталась только пустота, и ничего больше.

Находиться в квартире, где каждая вещь напоминала об Анне, было выше его сил. Анри вышел из дома, однако это не принесло облегчения. Бесцельно бродя по улицам Женевы, он то и дело натыкался на места, бередившие душу. В этом магазине на бульваре Швейцарии Анна могла часами перебирать дешевые блузки, чтобы, наконец, выдернуть из череды всевозможных тряпок нечто такое, что делало ее еще больше неотразимой и желанной. Здесь, в ресторане на набережной Густав-Адор, они месяц назад праздновали день ее рождения.

Анри перешел по мосту Монблан на западный берег Роны. Ноги сами принесли его в казино.

Профессиональная выучка персонала позволяла всем, кто его приветствовал, сохранять на лицах невозмутимость. Иное дело — посетители. Анри ловил на себе удивленные взгляды. Сообщение о сегодняшних похоронах было во всех женевских газетах, и многие явно не ожидали увидеть его в этот день в таком месте.

Однако недоуменные взгляды и тихое перешептывание за спиной не очень его тревожили. Сейчас ему, во что бы то ни стало, требовалось забыть. Пить он не любил и не умел, рулетка же могла дать то, в чем он так нуждался. К тому же, продолжая ощущать всепожирающую пустоту, Анри инстинктивно стремился заполнить ее чем-то привычным.

В этот вечер он впервые в жизни проиграл весьма крупную сумму. Вопреки желанию, сосредоточиться на игре не удавалось. Рулетка же, несмотря на расхожее мнение о ней как игре слепого случая, требовала холодного рассудка.

Анри не вел счета проигранным деньгам, методично покупая новые фишки, но все же в какой-то момент понял, что проиграл очень много, и нашел в себе силы остановиться.

Как ни странным это может показаться, помогло отсутствие опыта настоящих поражений. Проигранная сумма посеяла в нем не столько страх финансового ущерба, сколько некий непривычный дискомфорт, окончательно отбивший желание продолжать игру.

Выйдя из казино, Анри впервые посмотрел на проблему своего нового состояния с практической стороны. Что дальше? Прошлого не вернуть. А будущее — в чем оно? И какой в нем смысл? Строить новую жизнь в пятьдесят пять или жить по-старому, находя забвение в воспоминаниях? Он представил себя дряхлым стариком, сидящим целыми днями перед экраном телевизора, — и содрогнулся.

Кажется, в эту минуту Анри и принял решение. Оставалось лишь продумать детали. Но по пути домой он успел и это.

Впрочем, дома его ожидал сюрприз. Стоило зажечь люстру в гостиной, как он увидел сидящего в кресле человека, прикрывшего рукой глаза от внезапно хлынувшего света.

— Господи, Мишель, что ты здесь делаешь?!

— Еще минуту назад мне казалось, что сплю, — ответил друг детства, продолжая щуриться.

— Но почему здесь? Надеюсь, Софи не выгнала тебя?

— Именно так, — кивнул головой Мишель.

— То есть? — не понял Анри.

— Она сказала, что тебе я сегодня нужнее, и буквально вытолкала меня из дома. Впрочем, нельзя сказать, что я очень сопротивлялся. Твое лицо на похоронах мне очень не понравилось. — Мишель пристально посмотрел на друга и добавил: — А сейчас оно нравится мне еще меньше.

— Вот как? — постарался скрыть прорывавшиеся нотки раздражения Анри. Старина Мишель всегда был очень заботлив, но сейчас его забота так некстати. — И какое же лицо ты надеялся увидеть у человека, только что похоронившего жену?

— Лицо человека, похоронившего жену, — покачал головой Мишель. — Но не лицо человека, собирающегося на собственные похороны.

Анри пристально посмотрел на него: как, черт подери, он догадался?

— Значит, это правда? — продолжал буравить его глазами Мишель.

— О чем ты?

— Ты мог иногда обмануть Анну, но скрыть хоть что-нибудь от меня тебе никогда не удавалось... И что же ты выбрал? Оружия, насколько я знаю, у тебя нет. Тогда что? Петля? Или бритва? Во всяком случае, прыгать с ратушной башни ты не собираешься, иначе зачем было возвращаться домой?

— Какого черта ты разговариваешь со мной в таком тоне? — вспыхнул Анри.

— Возможно, пытаюсь привести тебя в чувство.

— Я в этом не нуждаюсь. И вообще, хоть раз тебе удавалось в чем-то меня переубедить?

— А кто сказал, что я пытаюсь тебя переубедить?

— Разве...

— Ни в коем случае! — перебил Мишель. — Это твоя жизнь, и ты вправе распорядиться ею по своему усмотрению. Я вовсе не собираюсь хватать тебя за ноги и умолять передумать. Но я, по крайней мере, имею право высказаться, если вижу, что мой лучший друг намерен совершить большую глупость. Кстати, действительно, как ты намерен все устроить? Уже выбрал способ?

Деловитость избранного Мишелем тона сбила Анри с толку. Если бы он услышал в его голосе хоть ноту насмешки... Но речь Мишеля звучала совершенно обыденно, словно они обсуждали не тему его самоубийства, а какую-нибудь из очередных финансовых операций. Чтобы скрыть замешательство, он повернулся к бару, плеснул в стакан виски и, немного подумав, проделал аналогичную операцию со вторым стаканом. Мишель с видимым удовольствием отхлебнул золотистый напиток. Анри тоже пригубил из своего стакана. Боже, какая гадость! А, впрочем, оно и к лучшему — вкус снотворного в этом пойле будет незаметен.

— Снотворное. Я угадал?

— Почему ты не работаешь в криминальной полиции? — скривился Анри. — С такими способностями ты давно бы стал комиссаром.

— Меня вполне устраивает пост начальника службы безопасности твоего банка, — ухмыльнулся Мишель и продолжил: — Итак, Анри Ренье находят мертвым в собственной постели наутро после похорон безвременно ушедшей жены. Что ж, вполне достойно. Если из полиции не просочится информация, у журналистов будет повод сочинить красивую историю о двоих, которые умерли в один день.

— Но не здесь, — покачал головой Анри.

— Не здесь?

— В Монтре.

— Где? — на этот раз Мишель, кажется, был по-настоящему удивлен. Но тут же в его глазах мелькнуло понимание: — Ах, да. Конечно, в Монтре...

Именно в Монтре Анри впервые увидел Анну. Они с Мишелем приехали на этот фешенебельный курорт на берегу Женевского озера развеяться после удачной сделки. Даже сейчас, через столько времени, Анри помнил тот день до мелочей. Помнил лицо портье, который принимал у него ключ. Помнил его предупредительный взгляд, обращенный куда-то в сторону. Помнил, как инстинктивно обернулся и увидел Анну, которая спрашивала: «У вас есть свободные номера?» Помнил, как бесцеремонно уставился на нее, не в силах отвести глаз. Помнил все, что было дальше. Весь этот день, и все эти двадцать лет счастья, следовавшие за ним.

— Значит, в Монтре, — задумчиво проговорил Мишель. — И, конечно, «Палас-отель»... Прости, но это отдает дешевой мелодрамой.

— Пусть, — упрямо кивнул Мишель. — Все должно закончиться там же, где и началось.

— И когда?

— Завтра. К чему откладывать?

— Действительно, к чему? Разве только к тому, чтобы через некоторое время посмотреть на все более трезвым взглядом.

— Это ничего не изменит. И потом, ты, кажется, не собирался меня ни в чем разубеждать?

— Я — нет. Но моя совесть не могла не сделать попытки спасти твою жизнь.

— Спасти мою жизнь? Спасти мою жизнь невозможно. Я мертв уже пять дней. Все, на что ты мог рассчитывать — лишь продлить мое существование.

— Многие с радостью согласились бы и на это.

— Охотно верю. Хотя бы потому, что многим вообще не приходилось жить. Может быть, поэтому они и не видят разницы.

— Должен сказать, для человека, принявшего столь серьезное решение, ты удивительно спокоен, — поставив пустой стакан на столик, заметил Мишель.

— А знаешь — почему? Сегодня я понял, что мне очень повезло.

Мишель бросил на Анри осторожный взгляд, и тот, заметив его, слегка улыбнулся:

— Не беспокойся. Я не сошел с ума. Просто я понял одну вещь. И понял ее на кладбище, в ту минуту, когда пожимал бесконечные руки и в очередной раз слушал, как несправедливо все случившееся со мной. Никакой несправедливости нет. Как я могу обижаться на судьбу? Ведь она подарила мне столько лет счастья. Столько лет невозможного, неземного счастья. Миллионы людей за всю свою жизнь не имеют и сотой доли этого дара. Так вправе ли я жаловаться на то, что мое время истекло? И вправе ли жить дальше, если сама судьба остановила часы?

На этот раз уже Мишель не выдержал его взгляда. Он встал с дивана, прошел к бару и налил себе еще одну порцию.

— Ты всегда был фаталистом, Анри.

— Разве это плохо — слышать голос судьбы и поступать так, как она тебе велит?

— И тебе кажется, сейчас она велит тебе идти вслед за Анной? А ты уверен, что не выдаешь за голос судьбы свое собственное решение, принятое в минуту слабости?

— Давай прекратим бессмысленный спор. Ты говоришь так, будто судьба — это справочное бюро с круглосуточным телефоном. Может, подскажешь номер?

— Номер? — переспросил Мишель. — А что, возможно, это не самая плохая мысль.

— О чем ты?

— Если тебе нужно услышать голос судьбы, задай ей вопрос на том языке, к которому вы оба привыкли.

— Что ты имеешь в виду?

— Раз уж ты собрался в Монтре, зайди к Дитеру... — Дитер Хаманн был хозяином казино, в котором они когда-то неплохо проводили время. — Ну а там... — неопределенно махнул рукой Мишель. — Хотя... не мне тебя учить. Возьми с собой, скажем, тысячу франков. Сумма, вполне достаточная для игры. Проиграешь — вот тебе и ответ. Возвращайся в гостиницу и пей свои таблетки. Если же судьба позволит тебе ее удвоить — значит, у вас с ней разные планы насчет твоего будущего. Как тебе такое предложение? И не подумай, что я пытаюсь тебя отговорить. В конце концов, доверить жизнь колесу рулетки — то же самоубийство.

Анри ничего не ответил, но по выражению его лица Мишель сразу понял: предложение будет принято.

Примерно через полчаса Мишель вышел на улицу, аккуратно прикрыв за собой дверь. Заведя машину, он некоторое время посидел, задумчиво глядя на черные окна в доме Анри. Он был уверен, что этой ночью ничего не случится. А потом? Что будет потом? И все же ему удалось многое. Да что там многое — невозможное. Он дал ангелу-хранителю Анри целых пятьдесят шансов из ста. Ну, может, чуть меньше. Ведь на зеленом поле рулетки есть зеро. Проклятое зеро, благодаря которому ни одно казино в мире никогда не разорится. И еще он дал ему время. Время, которое многое меняет в нашей жизни.

2

Швейцар в дверях «Палас-отеля» склонился перед Анри в почтительном полупоклоне. Новичок мог бы счесть это знаком личного уважения, но Анри хорошо знал — в самом известном и дорогом отеле Монтре с почтением относились к каждому клиенту: богатому и не очень. Впрочем, последних под крышей «Палас-отеля» было немного. Разве что какой-нибудь бургер, целый год откладываявший по сотне франков из своего жалования, чтобы теперь истратить их в один миг ради такого вот поклона и последующих воспоминаний о нем.

Шофер стоявшего рядом с отелем такси бросил на Анри вопросительный взгляд, но тот отрицательно помахал рукой. Сегодня он намеревался дойти до казино пешком. В конце концов, это, возможно, его последняя прогулка...

Наверху, в оставленном номере, все уже было готово. Мягко горел ночник на прикроватной тумбочке, отбрасывая желтые блики на массивный стакан, до половины наполненный дорогим виски. Ненавистным виски, которое один раз в жизни окажет ему услугу, отбив омерзительный вкус уже растворенных в нем таблеток. После возвращения нужно будет только раздеться, лечь в постель, выпить все до дна и спокойно закрыть глаза, забывшись в приятных воспоминаниях. Анри не знал, через какое время таблетки

начнут действовать. В конце концов, какая разница? Зато прекрасно знал, что послушается голоса судьбы без колебаний. И если ему действительно суждено будет уйти, надо сделать это достойно: спокойно и без суеты.

В вестибюле, отдавая ключ портье, он спохватился, поспешно опустил руку в карман и, достав из него пятидесятифранковую фишку — талисман, приносивший ему удачу, облегченно вздохнул. Невероятно, но именно сегодня он чуть не забыл его. Хотя... Какой именно исход сегодня можно считать удачей?..

Пройдя несколько кварталов, Анри оказался перед небольшой аллеей, увитой виноградной лозой. Над входом короной светилась вывеска: Казино «Мажестик». Глядя на нее, он невольно остановился, вдруг по-настоящему осознав, каким может оказаться для него обратный путь. А, осознав, решительно шагнул к входным дверям.

Дитер встретил его в вестибюле, как будто специально ждал прихода старого знакомого. Лицо его отражало сложную гамму чувств: от радости встречи до понимания и скорби.

«Мишель. Он, конечно, позвонил», — сообразил Анри.

— Господин Ренье, — с несвойственной немцу горячностью, пожал его руку Хаманн, — примите мои соболезнования. Мне очень жаль. Поверьте, мне действительно очень жаль. Мадам Анна всегда восхищала меня своим неповторимым очарованием, и потому...

— Благодарю вас, Дитер, — мягко прервал его Анри. Слова хозяина казино, без сомнения, были искренними, но упоминание имени Анны приносило почти физическую боль.

— Прошу, — сделал приглашающий жест рукой Хаманн.

Они вошли в зал. За двумя рулеточными столами сидело лишь пятеро игроков. «Блэк Джек» и покер пользовались здесь большей популярностью.

— Нам сюда. — Дитер взял Анри под локоть и доверительно шепнул ему на ухо: — Ваш друг предупредил меня обо всем.

От неожиданности Анри остановился.

— Обо всем?

— Ну да. — В голосе хозяина казино послышалось легкое недоумение. Впрочем, он тут же спохватился: — Вам не о чем беспокоиться. Я вполне вас понимаю. В вашем состоянии видеть людей, слышать их голоса, праздные вопросы и неудачные шутки — это должно быть совершенно невыносимо. Вы можете не беспокоиться, — повторил он, — ваш друг обо всем предупредил меня: только игра, и никаких людей вокруг. Эту просьбу несложно удовлетворить. Для вас приготовлен отдельный стол. Американский, как вы любите. Крупье будет в вашем распоряжении ровно столько времени, сколько вы захотите.

— Вы очень любезны, Дитер.

— О чем вы говорите, господин Ренье! Всегда рад быть к вашим услугам. И еще раз прошу принять мои соболезнования.

Стол отделили от основного зала массивным бархатным шнуром, висевшим на начищенных до блеска медных столбиках.

При их приближении молчаливый человек бесшумно снял шнур с крюка и посторонился, освобождая проход.

— Желаю удачи! — Не заходя внутрь, Дитер еще раз пожал Анри руку.

— Благодарю, — ответил тот, делая шаг к столу.

— Доброй ночи, мсье Ренье, — поприветствовал его крупье. — Меня зовут Поль, и я к вашим услугам.

Сев на высокий табурет напротив крупье, Анри протянул ему две пяти-сотфранковые купюры и попросил:

— Пожалуйста, по сто.

— Как вам будет угодно, мсье.

Крупье натренированным движением опустил деньги в прорезь на столе, одновременно поставив перед ним стопку синих фишек.

Придвинув фишки, Анри погладил рукой великолепное зеленое сукно, настраиваясь на игру. Он с неудовольствием отметил, что привычное ощущение нарастающего азарта пока так и не пришло к нему. Может быть, не тянуть? Поставить всю стопку на цвет, чет-нечет или больше-меньше ?

«Значит, ты все-таки хочешь выиграть?» — всплывшая из подсознания мысль смутила его. «Нет, я просто хочу сыграть. В последний раз», — ответил он сам себе, но тут же почувствовал, что ответ не очень убедителен, и разозлился: «Какого черта? Приехал играть, так играй, а не философствуй!»

Крупье, который все это время терпеливо ждал, пока клиент свыкнется с обстановкой, расценив взгляд гостя как готовность к игре, взял в руку шарик и произнес фразу, слыша которую, Анри каждый раз чувствовал, что сердце его начинает биться чаще.

— Faites vos jeux.

Что ж, пора. Взяв в руку стофранковую фишку, Анри задумчиво посмотрел на поле рулетки.

Обычно он начинал игру со ставки на «черное» и, в случае проигрыша, методично повторял ее, каждый раз удваивая сумму. Это обеспечивало небольшой, но стабильный выигрыш. Ведь один и тот же цвет не мог выпадать бесконечно, и, удваивая ставку, он рано или поздно не только отыгрывался, но и выигрывал ровно столько, сколько поставил в первый раз. Однако условие, которое сам Анри поставил сегодня перед собой — вернее, условие, сформулированное Мишелем и принятое им, — существен-

но уменьшало шансы на победу при сохранении обычной тактики. Имея всего тысячу франков, он в случае неудачи мог удвоить первоначальную ставку лишь дважды. Несмотря на это, Анри не стал изменять своим привычкам и поменял лишь цвет. Выбирать «черное», играя на жизнь, показалось ему неуместным.

Заметив, что игрок положил фишку на поле с красным ромбом, крупье начал игру.

Через несколько секунд Анри услышал характерный щелчок слоновой кости о металл, затем все успокоилось, и невозмутимый голос крупье произнес:

— Двадцать четыре, «черное».

Когда Анри поднял глаза, лопаточка крупье уже смела со стола проигранную фишку.

Что ж, это только начало.

Не задумываясь, он отделил от осиротевшего столбика еще два синих кружка и поставил на покинутое их неудачливой подружкой поле.

Крупье помедлил, ожидая, не последуют ли новые ставки, и запустил шарик. Подвернувшееся ребро наподдало снизу, заставив его взлететь вверх и приземлиться в одной из лунок.

Голос крупье лишь подтвердил: то, что было известно им обоим:

— Двадцать девять, «черное».

— Вашу руку, Поль, не назовешь легкой, — покачал головой Анри.

— Желаете сменить крупье, мсье? — Тот принял реплику гостя всерьез.

— О, нет, зачем же, — успокоил его Анри.

И все же рука крупье действительно не приносила пока удачи. Стоило черному цвету выпасть еще один раз, и у Анри не останется иного выхода, кроме как, оставив в стороне все тактические соображения, делать ставки просто наугад.

Он отсчитал от оставшихся семи фишек четыре и установил их точно в центр красного ромба. Если он проиграет, у него останется всего триста франков от первоначальной тысячи.

— Вперед, Поль!

Крупье запустил шарик, какое-то время внимательно смотрел на колесо, затем перевел взгляд на Анри и все так же невозмутимо произнес:

— Четырнадцать, «красное». — Отсчитывая выигрыш, он улыбнулся: — Как видите, удача все же не оставляет вас, мсье.

— Не спугните, Поль, я суеверен.

— Прошу прощения, мсье.

— Не извиняйтесь, Поль. Я предпочитаю иметь дело с живым человеком, а не с устройством для раскручивания колеса. Так что можете отпущать на мой счет любые реплики, кроме ругательств.

— Что вы, мсье, ругательства обычно достаются нам.

Неслышно возникшая за спиной официантка поставила перед Анри бокал пива. Сделав глоток, он посмотрел на синюю горку. Теперь его капитал составлял тысячу сто франков, и предстояло решить, как играть дальше. Обычно в этом случае он менял цвет и продолжал ту же тактику. Не было причин для того, чтобы не поступить так и на этот раз.

Он бросил крупье одну фишку:

— Разменяйте по десять франков.

Получив взамен десять зеленых кружков, Анри задумался. Предстояло выбрать число. У него имелся «джентльменский набор» любимых чисел, но сегодня... сегодня число должно было быть особенным. Ну, конечно. Двадцать первое января — день, когда он впервые увидел Анну. Двадцать один. Сегодня он будет ставить на «двадцать один».

Поставив фишку на выбранное число, Анри взял синюю сотню и положил ее на черный ромб.

— Ставки сделаны? — спросил крупье.

Да, конечно. Ставки сделаны. Или нет? Подчиняясь безотчетному порыву, Анри поспешно перебросил синюю фишку на поле с красным ромбом.

Что это было? Подсказка ангела-хранителя, или это дьявол толкнул его под руку?

— Двадцать шесть, «черное».

Значит, все-таки дьявол.

— Если мне будет позволено заметить, мсье... — нерешительно произнес крупье, придвигая к себе проигранные фишки.

— Да, конечно, Поль. Смелее!

— Ставки, измененные в последний момент, редко приносят удачу.

— Я знаю, — кивнул Анри. — Сам не пойму, почему так поступил. Обычно никогда не делаю ничего подобного. В любом случае, спасибо за совет. Кстати, вы не боитесь, что, следуя вашим советам, клиенты нанесут казино убыток?

— Надеюсь, этого не произойдет, — улыбнулся Поль. — И потом, обычно я тоже не делаю ничего подобного.

— Даже так? В таком случае, благодарю вдвойне.

Анри поймал себя на том, что слишком увлекся разговорами. Может быть, это и есть высший класс опытного крупье: сбить фарт клиента внешне благожелательной беседой?

На чем мы остановились? Проиграна сотня на красном. Что ж, поставим двести на тот же цвет.

Анри сделал ставку, не забыв тут же накрыть «двадцать один» новой десятифранковой фишкой.

— Девятнадцать, «красное», — произнес крупье, когда шарик угомонился.

Отлично. Проиграв десятку, поставленную на «двадцать один», он выиграл двести на красном. Итого, теперь он располагал суммой в одну тысячу сто восемьдесят франков.

Что дальше? Теперь-то уж точно нужно сменить цвет. Или начать ставить на дюжины? А что, если... В том, что именно красное дважды за сегодняшний день принесло ему удачу, явно есть что-то особенное. И хотя в этом не было ровным счетом никакой логики, Анри вновь положил стофранковую фишку на красный ромб. Более того, когда шарик уже катился по желобу, добавил к этой фишке еще одну такую же. А как же совет Поля? Но ведь он не менял ставку, он просто увеличил ее. Теперь на рулеточном поле стояло двести десять франков — он не забыл про число «двадцать один».

— Тридцать четыре, «красное», — провозгласил крупье.

Анри внутренне возликовал. Кажется, ему удалось поймать тот неслышный голос, который всегда нашептывает правильные ходы удачливым игрокам. Надо лишь уметь его услышать. Теперь его охватил настоящий игровой азарт. На минуту ему даже удалось невероятное — забыть о том, зачем и почему он оказался за столом. В эти мгновения только азарт руководил всеми его мыслями и движениями.

Вновь отбросив в сторону логику, он снова поставил две синие фишки на «красное». Для того чтобы они сыграли, «красное» должно было выпасть в третий раз подряд, но, тем не менее, он ни на секунду не усомнился в правильности выбора. Что еще? Конечно, одна десятифранковая фишка на заветное число.

Крупье запустил шарик.

Случайно в поле зрения Анри попало небольшое табло, на котором отражались результаты предыдущих розыгрышей: 24, 29, 14, 26, 19, 34. Что-то в этом наборе его заинтересовало. Конечно! Ни разу за все розыгрыши не выпадало число из первой дюжины. Он поспешно схватил один синий кружок и поставил его на зеленый прямоугольник с надписью «1st 12». Впрочем, возможно, уже поздно? Анри бросил взгляд на крупье, но тот не делал протестующих жестов. Напротив, прошло еще несколько секунд, прежде чем в очередной раз прозвучало:

— Ставки сделаны.

Значит, он успел. Теперь в случае, если выпадет любое число в интервале от одного до двенадцати, к сотне, поставленной Анри, добавится еще двести франков выигрыша — ставки «на дюжину» оплачиваются один к двум.

Оставалось дожидаться результата. И он не заставил себя ждать.

— Семь, «красное».

Великолепно! Но что же это значит? Неужели... он должен жить? Значит, он ошибался, думая иначе?..

Лопаточка крупье пододвинула выигрыш. Анри собрал в кучку все свои фишки и пересчитал. Семнадцать синих и шесть зеленых. Всего тысяча семьсот шестьдесят франков.

От назначенного для окончания игры выигрыша его теперь отделяло двести сорок франков. Внезапно он осознал, как желает такого исхода, и тут же устыдился этой мысли — ведь она оскорбляет память Анны. Или нет? А что, если это Анна сейчас подсказывает ему нужные ходы? Что, если именно она велит ему жить дальше?

— Желаете закончить игру, мсье? — невольно вторгся в его мысли крупье.

В первые секунды Анри даже не понял, о чем идет речь.

— Что? — переспросил он.

— Желаете закончить игру? — повторил Поль.

— Закончить? Нет-нет, продолжим. Но я должен немного подумать.

— Как вам будет угодно, мсье.

Действительно. Теперь, когда от возможной развязки его отделяло всего несколько удачных ходов, не стоило торопиться. Впрочем, почему несколько? Если рискнуть и поставить, скажем, двести пятьдесят франков на любое поле с выплатой один к одному, то в случае удачи, а она сегодня явно не оставляет его, все закончится за один спин. Если же он проиграет... Что ж, у него останется чуть более полутора тысяч. Стоит рискнуть.

На что ставить? На счастливое «красное»? Весь ход игры свидетельствовал в пользу этого. Но только что выпало три «красных» подряд. Конечно, предыдущие исходы никак не влияли на очередной выбор шарика, но психологически свыкнуться с тем, что «красное» выпадет в четвертый раз, было трудно. Анри оттягивал время окончательного выбора. «Красное» или «черное»?

«Красное», — подсказывал внутренний голос.

— Две по пятьдесят, — протянул он крупье синюю фишку.

Получив два желтых кружка, он присоединил один из них к двум синим и встряхнул всю стопку на ладони, а потом решительно поставил маленький желто-синий столбик на черный ромб.

— Ставки сделаны? — спросил крупье, запуская шарик.

Да, конечно. Разве что вновь поставить десятку на «двадцать один»? Но теперь в этом не было никакого смысла. Если выпадет любое из восемнадцати «черных» чисел — игра будет окончена. Восемнадцать вариантов из тридцати шести — и все. Вернее, из тридцати семи. Не следует забывать про «зеро». И все-таки шанс на выигрыш очень велик. Если только

логика восторжествует. «Красное» выпадало трижды подряд. Сейчас очередь «черного».

Шарик остановился. Ожидая исхода, Анри с удивлением заметил, что с силой сжимает в руке одну из фишек.

— Двадцать один, «красное». — Голос крупье звучал совершенно бесстрастно. Настолько бесстрастно, что в первое мгновение Анри даже не осознал, что произошло. Но только в первое мгновение.

— Черт! — непроизвольно вырвалось у него.

«Двадцать один»! То самое число, на которое он ставил четырежды подряд. И стоило ему снять свою ставку, как оно тут же выпадает!

— Черт! — повторил Анри.

На фоне происшедшего он даже не очень расстроился тому, что «красное» сыграло четвертый раз подряд. В конце концов, теперь вероятность выпадения «черного» становится просто огромной, а у него вполне достаточно денег, чтобы еще дважды удваивать ставку. И каждый раз — с шансом закончить все одним махом.

Анри испытывал только раздражение. И еще желание как можно быстрее возобновить игру.

— Запускайте колесо, Поль, — сказал он, ставя пять стофранковых фишек на когда-то любимое им «черное», которое только что так подвело его.

Шарик в очередной раз начал свой путь по желобу и, наконец, остановился. По выражению глаз Поля Анри попытался угадать результат, но ничего не получилось, так как тот смотрел на колесо. Наконец крупье произнес:

— Двенадцать, «красное».

В пятый раз подряд!

Анри разом проиграл пятьсот франков. Теперь у него оставалось немногим больше тысячи. И как раз тысячу ему следовало поставить на «черное» в следующем спине.

Конечно, можно было поменять тактику и вновь начать с маленьких ставок. Но разве он простит себе такое малодушие, если в следующий раз выпадет «черное»? А оно должно, просто обязано выпасть! Шесть красных номеров подряд — это невероятно!

Не давая себе времени на раздумья, он решительно сгреб все оставшиеся перед ним на столе разноцветные фишки, оставив лишь один зеленый кружок, и двинул эту кучу на поле с черным ромбом.

— Ваша ставка? — переспросил крупье.

Фишки лежали неровно, налезая на края поля, и он обязан был уточнить, действительно ли Анри решил поставить тысячу франков на черный цвет.

— «Черное», — подтвердил Анри. — Тысяча франков на «черное».

— Ставки сделаны, — проговорил Поль.

Против правил рулетки, он произнес традиционную фразу еще до того, как бросил шарик на желоб колеса, но Анри не обратил на это внимания. Разве что буквальный смысл этих слов неприятно подействовал на него. Действительно, ставок больше нет.

Шарик резко ударился о ребро ячейки, несколько раз прыгнул и затих. Наступила тишина.

И в этой тишине раздался голос Поля. Фраза, которую он произнес, была необычно короткой. Собственно говоря, это была не фраза. Всего лишь одно слово. Короткое слово из четырех букв:

— Zero.

«Зеро». Единственная цифра, не имеющая цвета. Цифра, при выпадении которой проигрывают все ставки, кроме одной. Той, что сделана на «зеро».

В то время как лопатка Поля сгребала с зеленого сукна солидную кучку разноцветных фишек, Анри ошеломленно смотрел на одинокий кружок, оставшийся перед ним.

Он проиграл. Это конец. У него осталось только десять франков. Десять франков, которые даже нельзя поставить на «цвет» — только на число. Слишком мала сумма. Договориться с Дитером? Анри представил себе, как тот вытаращится на него, когда президент преуспевающего Женевского банка попросит разрешения понизить минимальную ставку на равные шансы до десяти франков. Невозможно! Все что угодно, но не позор! Да и зачем? Пытаться выиграть тысячу франков, ставя десятку «на равные шансы»? Смешно!

Итак, ему остается только одно. Накрыть последней фишкой одно из тридцати семи чисел рулеточного поля. Если повезет, он получит триста пятьдесят франков. Если повезет. Вероятность такого события — менее трех процентов. Так есть ли смысл продолжать? Не будет ли более достойным оставить эту последнюю фишку крупье в знак благодарности за услуги и спокойно вернуться в отель. А там... Там уже все готово. Нужно только лечь в постель, взять в руку стакан и...

Анри положил руку на край стола, готовясь встать со стула, и — остался сидеть. Он почувствовал, как на лбу у него выступила испарина.

«Кажется, тебе уже не хочется умирать? Но разве менее суток тому назад ты не считал свое дальнейшее существование бессмысленным? И разве ты пришел сюда не для того, чтобы спросить судьбу, правильно ли твое решение? Ответ получен. Так признай это».

Крупье решил побеспокоить его легким покашливанием.

— Простите, мсье, вы будете продолжать игру или...

— Минуту.

Да. Сейчас он уйдет. Надо лишь привести себя в порядок. Доставая платок, Анри почувствовал, как что-то выпало у него из кармана. Он посмотрел себе под ноги. На полу у ножки стула лежала желтая фишка. Его счастливая фишка. Талисман, взятый когда-то давным-давно на счастье в этом самом казино после крупного выигрыша.

Внезапно ему в голову пришла мысль: а что, если сыграть на нее? Впрочем, прошло столько лет. Наверняка эти фишки давно вышли из оборота.

Он наклонился, поднял фишку и протянул ее крупье:

— Я могу на это сыграть?

Крупье взял фишку, повертел ее в руках и вернул Анри:

— Конечно, мсье. Это пятьдесят франков.

Пятьдесят франков. Значит, теперь он снова может играть на «цвет». Появляется шанс постепенно выкарабкаться. Но Анри уже знал, что не станет так поступать. Провести за столом еще час или больше — на это у него просто не хватит сил.

«Спасти в нынешней ситуации может только чудо. Так поставим на чудо. В конце концов, зря, что ли, я столько лет таскал в кармане счастливую фишку?»

Почти не глядя на поле, он решительным движением, словно боясь передумать, бросил свой талисман на выбранное число и тут же отвел от него взгляд. Число было «двадцать один». Двадцать первое января. Самый счастливый день в его жизни.

Немного подумав, Анри щелчком указательного пальца направил в сторону крупье оставшуюся зеленую десятку.

— Туда же.

— Осмелюсь напомнить вам, мсье... Возможно, вы забыли... — кашлянул Поль, — «двадцать один» сыграло два спина тому назад.

— Спасибо, Поль. Я помню. Начинайте игру.

Счастливая фишка — на счастливое число. Разве может быть лучший выбор?

— Как вам будет угодно, мсье.

Почти сразу Анри услышал хорошо знакомый сверлящий звук, с которым шарик отправился в путь по желобу. Он с удивлением отметил, что сердце его бьется ровно. Гораздо ровнее, чем несколько минут назад. Не было ни азарта, ни нетерпеливого ожидания исхода. И это можно было понять. Будучи опытным игроком, Анри понимал, насколько малы, просто-таки ничтожны его шансы. А раз так — какой смысл волноваться? Мысленно он уже готовил себя к тому, что последует за этим закономерным исходом.

Судя по звуку, шарик уже метался между ячейками колеса, раздумывая, какую выбрать. Наконец он угомонился.

— Что там, Поль? — не выдержал Анри.

— Восемнадцать, «черное», мсье.

Ну, вот и все.

«Не все, — шепнул тихий голос. — Ведь ты не хочешь этого делать. Ты передумал. Кто заставит тебя поступить иначе? Что за глупости? Это была только игра. Просто игра».

Игра? Подобная мысль оскорбила Анри.

«Разве у меня не было чувства, что это Анна подсказывает мне необходимые ходы? И раз все вышло именно так, значит, она зовет меня к себе. Значит, ей одиноко в том, лучшем мире. Значит, я был прав».

— Анна, милая Анна, — прошептал он и внезапно понял, что крупье что-то говорит ему.

— Вы хорошо себя чувствуете, мсье? — Поль с беспокойством смотрел на него.

— Что? А, да. Все в порядке.

— В таком случае, поздравляю вас, мсье. Это была замечательная игра. Вашей интуиции можно поражаться.

Ничего не ответив, Анри поднялся со стула и направился к выходу.

— Мсье! — окликнул его Поль.

«Какого черта ему от меня надо?» — подумал он и обернулся:

— В чем дело, Поль?

Крупье показал рукой на три стопки фишек, стоящие на только что оставленном им месте.

— Ваш выигрыш, мсье.

— Что вы имеете в виду? — не понял Анри.

— Ваш выигрыш, — повторил крупье, показывая на фишки.

— О чем вы? Я ведь ставил на «двадцать один».

— На «двадцать один»? Но ваша ставка стояла вот так. — Поль взял две фишки и вернул их на игровое поле.

Все еще недоумевая, Анри вернулся к столу. Синие кружки лежали в квадрате с числом «двадцать один». Вернее, бóльшая их часть лежала в этом квадрате, а меньшая — пересекала линию, отделяющую его от соседнего, с цифрами «один» и «восемь». Восемнадцать. То самое число, на которое только что выпал шарик.

Ошеломленный Анри не мог поверить своим глазам. Неужели... Да! Когда он бросил фишку на стол, то, видимо, не заметил, что дальним краем она пересекла границу соседнего квадрата. Значит он, сам того не осознавая, сделал ставку на «два номера», и один из них только что выиграл!

Счастливая фишка совершила чудо!

— Я выиграл? — все еще с ноткой недоумения переспросил он крупье.

— Конечно, мсье.

Анри перевел взгляд на столбики фишек, стоявшие перед ним:

— Сколько здесь?

— Одна тысяча двадцать франков. Один к семнадцати.

Одна тысяча двадцать франков!

Анри в изнеможении опустил на стул. Одна тысяча двадцать франков. И еще его шестьдесят.

Он отделил от общей кучи счастливую фишку.

— Благодарю вас за игру, мсье, — отвесил ему легкий поклон Поль.

— Нет, — покачал головой Анри.

— Мсье? — не понял крупье.

— Еще один спин. Последний.

— Вы уверены, мсье? Мне казалось...

Анри молча передвинул все свои фишки на «красное» и выжидательно посмотрел на Поля. Тот почему-то занервничал:

— Вы позволите мне на минуту отлучиться?

— Через минуту. Ровно через минуту вы будете свободны.

По-прежнему пребывая в замешательстве, крупье произнес:

— Ставки сделаны.

Потом, сообразив, что в данном случае это приглашение не имеет смысла, раскрутил колесо и как-то неловко запустил шарик.

Именно в этот момент Анри сделал то, что собирался — накрыл всю кучу фишек сверху своим талисманом.

Теперь он не отводил взгляда от вращающегося колеса и совершенно не волновался. Да и зачем? У него не было ни малейших сомнений в том, что в итоге выпадет «красное».

Крупье тоже не отрывал взгляда от колеса. На этот раз он даже забыл произнести все необходимые фразы, за исключением последней. Но в ней уже не было необходимости, Анри знал результат до того, как она прозвучала. И все же он выслушал эти слова:

— Один, «красное».

Анри удовлетворенно кивнул, встал из-за стола и направился к выходу.

На этот раз крупье окрикнул его не сразу:

— Мсье!

Он обернулся. Поль широко улыбался:

— Вы снова забыли свой выигрыш.

— Нет, Поль. Я оставляю его вам, — покачал головой Анри.

Выражение лица крупье еще долго стояло у него перед глазами.

Он вернулся в отель глубокой ночью. Закрыв за собой дверь, сразу прошел в спальню. Мягко горел оставленный им ночник. Неподалеку на прикроватной тумбочке стоял стакан.

Анри подошел, взял его в руку, поднес к лицу и осторожно понюхал. Запах был самый обычный. Он прошел в ванную, вылил содержимое стакана в раковину, сполоснул его и поставил обратно в бар.

Подойдя к кровати, плюхнулся на нее, не раздеваясь, и некоторое время молча лежал, глядя в потолок. Затем сел, открыл тумбочку и достал из нее початую бутылку виски. Решительно поднес ее ко рту, сделал несколько больших глотков и, снова откинувшись на подушки, с удивлением подумал: «Неужели я терпеть не мог этот напиток?»

Поставив бутылку на тумбочку, он почувствовал, как же ему хочется спать. Сбросил ботинки, снял пиджак, сдернул галстук и, поняв, что это большее, на что он способен, прямо в брюках и рубашке лег на постель и закрыл глаза. Но что-то мешало ему заснуть. Что-то такое, что он должен был сделать и не сделал.

Внезапно Анри открыл глаза, протянул руку к брошенному на стул пиджаку, достал бумажник и вытащил оттуда небольшую фотографию. Положил ее на соседнюю подушку и повернулся на бок — так, чтобы она оказалась у него перед глазами.

— Анна... Милая Анна... — прошептал он, засыпая.

3

Мишель Рошамбо толкнул массивную дубовую дверь и вошел в комнату.

Увидев его, человек, сидящий за столом в конце кабинета, поднялся со своего места и вышел навстречу, протягивая руку:

— Здравствуйте, господин Рошамбо.

— Здравствуй, Дитер.

— Вот сюда, пожалуйста, здесь вам будет удобнее.

Мишель опустился в мягкое кресло.

— Что-нибудь выпьете? — предложил Хаманн.

— Ты же знаешь мои вкусы.

Хозяин казино засмеялся, подошел к бару и вернулся назад с двумя стаканами виски.

Они чокнулись.

Сделав глоток, Мишель поставил стакан, достал из кармана пухлый конверт и положил его на стол, подвинув к хозяину кабинета:

— Я в неоплатном долгу перед тобой, Дитер. Это только самое малое, чем я могу тебя отблагодарить.

Хаманн покачал головой и, прикоснувшись к конверту, легким движением толкнул его обратно.

— Я не могу этого принять, господин Рошамбо.

— Почему? — удивился Мишель. — Ты хоть понимаешь, что спас человеку жизнь? Или... Нет, в это я никогда не поверю. Ты хочешь сказать, все получилось само собой?

— Этого я не говорил, — усмехнулся Дитер. — И все же... Вы можете не поверить, господин Рошамбо. В конце концов, я существую тем, что делаю деньги на деньгах других людей. Однако есть ситуации, когда деньги в отношениях между людьми только оскорбляют. Мне кажется, это как раз тот случай. И потом, я уже в выигрыше. Ваш друг подарил казино две тысячи франков.

— Вот как? Может быть, расскажете подробности?

— Если хотите. Но, наверное, будет лучше услышать все из первых уст...

Хаманн нажал кнопку на столе, и через минуту в дверь вошел человек, в котором Анри Ренье, находясь он в этом кабинете, узнал бы крупье по имени Поль.

— Поль, это господин Рошамбо. Он хочет знать подробности той игры. Вы понимаете, о чем я говорю?

Крупье с замешательством посмотрел на него.

— Будьте совершенно откровенны, — успокоил его хозяин. — Этому человеку можно говорить все.

— Что я могу сказать, мсье, — на этот раз крупье обращался к Мишелю. — Господин Хаманн предупредил меня, что этому клиенту следует... — Он снова замялся. — Следует по возможности... помочь... выиграть тысячу франков и уж ни в коем случае не дать проиграть все. Это совершенно исключительный случай, мсье, — поспешно добавил он.

— Не оправдывайся, Поль, — нетерпеливо махнул рукой Дитер. — Мсье Рошамбо прекрасно знает, что мы пошли ему навстречу именно в связи с исключительностью его просьбы.

— Было трудно, Поль? — поинтересовался Мишель.

— Не сказал бы... — покачал головой крупье. — Поначалу вашему другу везло. Он играл на удвоение и довольно быстро выиграл что-то около семисот франков. Но потом... Потом он стал делать... скажем так, несколько нелогичные ставки и довольно быстро проиграл почти все. У него осталось только десять франков, и тут я, признаться, немного занервничал.

— Десять франков! — присвистнул Мишель.

— Да, мсье. Впрочем, у него в кармане неожиданно нашлась пятидесятифранковая фишка. Старая фишка. Такие были у нас в ходу примерно пять лет назад.

— Ты позволил ему поставить старую фишку? — с веселой строгостью спросил Хаманн.

— Да, мсье, — смущенно ответил Поль.

— Слава богу, что за этим столом он был один, — вздохнув, проговорил Дитер.

— В противном случае я ни за что не пошел бы на это, мсье, — стал оправдываться Поль. — Честно говоря, я полагал, теперь ваш гость снова станет ставить на «цвет». Но он... Он поставил все на число.

— На число? — удивился Мишель. — Последнюю ставку?

— Именно так. Я пытался, насколько мог, отговорить его. Даже напомнил, что это число... двадцать один... выпало всего два спина тому назад.

— Он сошел с ума!

— Не думаю, мсье. Мне кажется, с этим числом у него что-то связано.

— Двадцать один? — Мишель задумался. — Не знаю. Хотя... Ну, конечно! Двадцать первое!

— Что вы имеете в виду, мсье?

— Не обращайтесь внимания. Вы правы, Поль. Это особое число для моего друга.

— Я был уверен в этом, — кивнул Поль. — Но вы, наверное, понимаете... При такой ставке трудно было предотвратить неприятный исход.

— Еще бы. Что же вы сделали? Переставили шарик?

— Нет, мсье. Вероятно, это можно было проделать, ваш друг обычно не смотрел на колесо, а во время этого спина и вовсе не поднимал голову от стола. Но крупье объявляет результат еще до того, как колесо останавливается. Если бы я затянул с этим до остановки колеса, он мог не вытерпеть и поднять глаза. И тогда я уже ничего не смог бы изменить.

— Что же ты сделал? — на этот раз вопрос задал Хаманн. Чувствовалось, он тоже заинтригован.

— Я немного подвинул его ставку.

— Подвинул? — не понял Хаманн.

— Да. Видите ли, он поставил на «двадцать один», а выпало «восемнадцать».

— Ну и что? — удивленно спросил Мишель.

Однако Хаманну уже все было ясно.

— «Двадцать один» и «восемнадцать» — соседние клетки на рулеточном поле, — пояснил он. — Поль подвинул фишку так, чтобы она пересекла разделяющую их линию. Получилось, что мсье Ренье поставил сразу на два числа.

— И он поверил?

— Да, мсье, — кивнул крупье. — Он бросил фишку на поле довольно резко. Это действительно могло случиться. Хотя, получив выигрыш, ваш друг был несколько... ошеломлен.

— Я думаю, — хмыкнул Мишель. — Ты просто гений, Поль!

— Вы преувеличиваете, мсье. Тем более что по-настоящему туго мне пришлось минутой позже.

— Как? Это еще не конец?

— Нет, мсье. Хотя я тоже был уверен, что он больше не будет играть. Поэтому, когда ваш друг поставил все свои фишки на «красное», я несколько растерялся.

— Все? — переспросил Мишель.

— Все, — подтвердил Поль. — Хотя... одну фишку — ту самую, старую, он добавил к ставке уже после того, как я запустил шарик. Мне кажется, она значила для него что-то особенное.

— Все-таки он был не в себе, — ошеломленно покачал головой Мишель. — И что же вы сделали на этот раз, Поль?

— Ничего, мсье, — ответил крупье после небольшой паузы.

— Ничего? — переспросил Хаманн.

— Ничего, — повторил тот. — Честно говоря, я был совершенно растерян, а ваш друг... он потребовал, чтобы я продолжил игру немедленно.

— То есть на этот раз все решил случай? — спросил Мишель. — И значит, если бы выпало «черное»...

— Нет, мсье, — покачал головой Поль.

— Нет? Что вы имеете в виду?

— Пожалуй, я не смогу этого объяснить... Но, знаете, я посмотрел на колесо... и внезапно понял, что будет «красное». И ваш друг, он был так спокоен. Мне кажется, он тоже был уверен в этом.

Мишель недоверчиво посмотрел на Хаманна.

— Такое бывает, господин Рошамбо, — подтвердил тот. — Очень редко, но бывает.

— Не знаю, — усомнился Мишель. — Впрочем, вам виднее. Так или иначе, я очень благодарен вам, Поль. И вам, Дитер. Вряд ли что-нибудь разубедит меня в том, что именно вы спасли жизнь Анри. Так что, если он снова решит испытывать судьбу подобным образом, я знаю, к кому обратиться.

— Если позволите, мсье... — тихо проговорил крупье.

— Да, Поль?

— Мне кажется, ваш друг никогда больше не будет играть.

— Не будет играть? — удивился Мишель. — Что за ерунда! Он играет всю свою жизнь. Иногда мне кажется, он даже живет только для того, чтобы играть. Нет, этого не может быть!

— Почему ты так решил, Поль? — спросил Хаманн. Было заметно, что он отнесся к словам крупье более серьезно.

— Он оставил одну вещь. И, по-моему, сделал это сознательно.

Поль опустил руку в карман, подошел к столу и положил на него пятидесятифранковую желтую фишку.

Пятидесятифранковую желтую фишку старого образца. □

Юрий Осипов

Давид Бурлюк

алхимик слова и цвета

Живописец, график, поэт, издатель, теоретик и пропагандист нового искусства, мастер эпатажа и скандальных презентаций, человек исключительной одаренности и неумной энергии

Давид Бурлюк стоит у истоков русского авангарда и по праву считается «отцом отечественного футуризма», учителем и наставником Маяковского, который оставил о нем следующие слова:

«Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Давид сделал меня поэтом. Читал мне французских и немецких поэтов. Всовывал книги. Выдавал мне ежедневно 50 копеек, чтоб писать не голодая».

На любой сегодняшней арт-тусовке он произвел бы фурор как своей внешностью, так и манерой поведения. «Большой бурный Бурлюк врывается в жизнь. Он широк и жаден. Ему все надо узнать, все захватить, все слопать», — писал А. Крученых.

Маяковский называет Бурлюка в стихах «жирным человеком с разодранным глазом». Воспоминания Маяковского о Бурлюке тоже похожи на стихи: «В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит, напевая...» На самом же деле Маяковский, как и все в их окружении, Бурлюком восхищался.

Возмутителем спокойствия ему было суждено стать еще в детстве. Однажды подрался с братом и по нелепой случайности лишился левого глаза. Повзрослев, искусно обыгрывал свою физическую ущербность, запомнившись современникам лаковым цилиндром и крахмальной манишкой, в диком сочетании с вытатуированной на щеке лошадкой, стеклянным глазом под щегольской лорнеткой и вышитой бисером серьгой в ухе.

При этом эпатажно-богемный внешний вид Бурлюка служил своеобразным камуфляжем его богатого внутреннего мира, наполненного неумемной творческой энергией, которую он щедро изливал на окружающих. Даже среди них, людей исключительно пассионарных, он выделялся бурным общественным темпераментом и обостренным чувством современности, был неистовым агитатором, спорщиком и выдумщиком, составителем громких манифестов и скандальных заявлений. Все это ставило его в самый центр российской художественной жизни начала прошлого века.

Проведенная в степной полосе юность в какой-то мере сформировала характер Бурлюка. Во всяком случае, у мэтра А. Ажбе, в мюнхенской школе которого Давид занимался живописью, имелись, очевидно, веские основания называть его «удивительным диким степным конем».

Будущий «возмутитель спокойствия» в мире литературы и искусства родился на степном хуторе Харьковской губернии в июле 1882 года. Его отец, Давид Федорович Бурлюк,

происходивший из старинного казачьего рода, был агрономом-самоучкой. Мать, Людмила Иосифовна (в девичестве Михневич), занималась живописью. Первые художе-

ственные навыки Давид получил в казенных гимназиях украинского города Сумы и в Тамбове. Потом уже целенаправленно учился живописи в российских и заграничных профессиональных училищах.

Об этих годах его жизни мало что известно. Зато хорошо известно, как в 1910 году он вместе с братьями Николаем и Владимиром организовал под Херсоном творческое объединение «Гилея», позаимствовав греческое название древней Скифии. Это объединение и составило затем костяк футуристического движения в России.

Футуризм оказался движением вполне глобальным и интернациональным. В Россию он пришел из Франции и за короткий срок привлек много сторонников в среде ищущих новые формы поэтов и художников.

В апреле 1910 года в петербургском издательстве «Журавль» тиражом 300 экземпляров на обойной бумаге вышел в свет альманах «Садок судей», фактически определивший создание группы будетлян «Гилея». «Будетляне — это люди, которые будут», — заявлял один из ее учредителей Владимир Маяковский. Так родилось первое российское объединение футуристов.

В альманахе приняли участие братья Давид и Николай Бурлюки, Велимир Хлебников, Василий Каменский и другие «отвязные» литераторы. Иллюстрации «Садка» выполнил третий брат — Владимир Бурлюк. Альманах эпатировал, ниспровергал, бросал

вызов буржуазной морали, напрашивался на скандал и, в итоге, добился его.

Двумя годами позже появился знаменитый манифест отечественных футуристов «Пощечина общественному вкусу». Его авторами выступили Д. Бурлюк, Хлебников, Маяковский, Каменский и А. Крученых. В «Пощечине...» они утверждали: «Прошлое тесно. Академия и Пушкин — непонятнее иероглифов». Далее следовал радикальный призыв: «Сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода «современности».

Столичная «Гилея» на недолгий срок объединила в своих рядах невероятно ярких, но и очень разных мастеров слова и кисти, благодаря которым и признается наиболее влиятельной группой русских футуристов начала прошлого века, называвших себя кубофутуристами. А ведь рядом громко заявляли о себе петербургские эгофутуристы во главе с И. Северянином, поэты группы «Центрифуга» в Москве, включая Б. Пастернака и Н. Асеева, синтезировавшие в своем творчестве футуризм и символизм. Несколько футуристических ячеек возникли на Украине, чему в немалой степени способствовал сам Бурлюк — неутомимый организатор и неперемный участник шумных выступлений ведущих футуристов и общественных диспутов о новом искусстве.

В Москве Бурлюк вместе с выдающимися художниками П. Конча-

ловским, И. Машковым и А. Лентуловым организовал памятную выставку культового объединения «Бубновый валет», которая, по воспоминаниям поэта-футуриста Б. Лифшица, проходила в атмосфере «площадной брани, издевательств, передержек и клеветы». Немудрено, ведь искусство модерна поначалу воспринималось обывательской публикой в штыки. Бурлюк же, «неуклюжий, длинный, в непомерно широком сюртуке, смахивавшем на по-

Известности, даже славы «отцу русского футуризма» Давиду Бурлюку (этот почетный титул он носил после выхода книги К. Чуковского «Футуристы»), и впрямь, было не занимать. Его поистине неистовой энергии отдал должное Хлебников в стихотворении 21-го года «Бурлюк»:

*С широкой кистью в руке ты
бегал рысью,
и кумачевой рубахой
улицы Мюнхена долго смущал,
краснощеким пугая лицом.*

Э*патажно-богемный вид Бурлюка служил своеобразным камуфляжем его богатого внутреннего мира, наполненного неумемной творческой энергией, которую он щедро изливал на окружающих. К тому же он был неистовым агитатором, спорщиком и выдумщиком, составителем громких манифестов и скандальных заявлений. Все это ставило его в самый центр российской культурной жизни начала прошлого века*

повский подрясник, косолапо перетапывался, всматриваясь в недоверчивые лица тех, кого мы считали культурными дикарями...»

Современники называли Давида Давидовича «фельдмаршалом мирового футуризма». Его разнообразная и прихотливая художественная манера, его парадоксальный творческий стиль нередко ставили в тупик исследователей своим «абсолютным самоутверждением», присущим, согласно Шеллингу, всякому крупному таланту и уж тем более гению.

Тот же Асеев в поэме «Маяковский начинается» отмечал саркастический склад ума и удивительную находчивость Бурлюка, эффектно обыгрывавшего даже собственное увечье. «Искусственный глаз \ прикрывался лорнеткой; \ в сарказме изогнутый рот \ напевал \ казалось, учтливое что-то; но едкой \ на смешкой \ умел убивать наповал».

«Серебряный век» буквально излучал поэзию, кругом царил слегка экзальтированная атмосфера стихотворных экспромтов и художе-

Бурлюк и Маяковский

ственных озарений. Так, в феврале 1915-го видный театральный режиссер и драматург Н. Евреинов пригласил Бурлюка к себе на дачу в Куоккалу на побережье Финского залива под Петроградом писать свой портрет. Художник отправился туда с неразлучным Каменским и воспользовался случаем, чтобы навестить Репина, который жил по соседству в большом доме с мастерской.

Тогда футуристы были в моде, и где бы они ни появлялись, их обязательно просили «прочитать» что-нибудь свое. Понятно, что за столом у Репина надо было читать не случайно, поэтому оба гостя решили подготовиться к встрече с классиком и сочинить приличествующие стихи автору «Бурлаков на Волге» и

«Запорожцев, пишущих письмо турецкому султану».

Дача Репина находилась в двух верстах от той, которую снимал Евреинов. Февральское утро выдалось морозным, пронизывающий ветер с залива выжимал слезы из глаз. Пока дошли до репинской усадьбы, которая называлась «Пенаты», продрогли до костей и мечтали о горячем обеде, надеясь только, что он будет без «сена», поскольку Илья Ефимович к старости стал увлекаться сыроедением. Вот как вспоминал об этом эпизоде сам Бурлюк:

«Было три часа дня, когда Каменский и я прошли большой двор, в глубине которого стоял дом Репина... В круглом вестибюле, полном широколиственных растений, над-

пись: «Ударяйте в гонг, входите и раздевайтесь в передней». Мы ударили в гонг, отворили дверь и увидели другой плакат: «Идите прямо».

Чуждачества Ильи Ефимовича были хорошо известны, но он являлся классиком, академистом, воплощением критического реализма. И вот перед старым мэтром предстали дерзкие молодые модернисты, ниспровергатели. Сошлись две противоположные «школы», два, казалось бы, взаимоисключающих направления. И — примирились за обеденным столом. Похоже, гости и хозяин даже друг другу понравились.

Прислуги, по этикету «Пенатов», в столовой не было. Круглый стол, за который уселись двенадцать «особо» приглашенных из числа тех, кто терпеливо дождался в гостиной выхода великого художника из мастерской, где он писал портрет известной переводчицы Т. Щепкиной-Куперник, оставался неподвижен. Зато сервировочный столик, уставленный вегетарианскими яствами, вращался, как карусель, и каждый из обедавших мог повернуть его к себе за ручку и выбрать понравившееся кушанье.

«Так как народу было много, не обходилось без курьезов: захочет Чуковский соленых рыжиков, вцепится в «карусель», тянет рыжики к себе, а в это время футуристы мрачно стараются приблизить к себе целую кадушечку кислой капусты... Между мной и Репиным сидел Вася Каменский... Репин выразил

удовольствие, что футуристы посетили его, что они пришли как «равные к равному». «Я боюсь визитов, имеющих целью корысть, создание или увеличение популярности, — доверительно шепнул он им за столом, — вы же не нуждаетесь в этом».

«В апреле 1918 года, — писал поэт и художник, — я покинул Москву для поездки на Урал; этот год и последующие я, моя сестра, писатель В. Хлебников зарабатывали деньги чтением лекций о футуризме в городах Сибири...» В Сибирь и на Дальний Восток, захваченный бурным шквалом «эстетического ренессанса», Бурлюка с женой и двумя детьми погнало голод и разруха революционной Москвы. Там навсегда разошлись пути двух близких друзей, двух единомышленников, двух товарищей по искусству, можно даже сказать, ученика и учителя — Маяковского и Давида Бурлюка. Октябрьскую революцию он принял поначалу индифферентно, после сторонился ее и при первой возможности, особенно после расстрела брата, постарался ускользнуть за рубеж. Маяковский, напротив, бросился в революцию со всем пылом своей безбрежной природы и принес на ее алтарь весь свой грандиозный дар...

Что же было дальше? Можно ли говорить о состоявшейся творческой жизни Д. Бурлюка после революции, после футуризма и после России?

Давид Давидович воспринимал жизнь как роскошный подарок, по-

детски радовался ей и до преклонных лет одержимо занимался, помимо издательской, редакторской и общественной деятельности, литературным и художественным творчеством, не обращая внимания на старость, памятуя, вероятно, слова Сенеки, что «если рост прекратится, близок конец».

Во Владивостоке и Харбине, где они с Н. Асеевым, которого Бурлюк принял в число самых близких друзей, читали лекции, этот «рост» еще продолжался.

Николай Асеев не переставал удивляться тому, как «отец русского футуризма» шумел, громил мещан и пассаистов, издавал книги, а, «наскребши немного денег, закупал

краски, холст, бумагу, чай, сахар, пшено, муку и материю на рубашки детям, всего этого месяцев на пять, и засаживался за холсты. Он писал маслом и акварелью, сепией и тушью, а жена его, Мария Никифорова, сидела рядом, записывая диктуемые им рассказы и воспоминания. Был он похож на дрессированного рабочего слона. Двери его квартиры никогда не запирались...»

В просоветской газете «Голос Родины» Бурлюк печатал регулярные «Листки футуристической хрестоматии», в которых анализировал творчество столь близких ему по духу Маяковского, Хлебникова, В. Каменского и совершенно чуждого И. Северянина, публиковал их и свои

Слева:
*«Крестьянка
и лошадь»,
живописная
работа
Бурлюка*

«Футуристическая женщина»

стихи. Оригинальные статьи и рисунки Бурлюка появлялись в революционно-футуристическом журнале «Творчество», который начал выходить с весны 20-го года и превратился в ведущий орган левого искусства на Дальнем Востоке.

Творчество самого Бурлюка, как и его публичные выступления, воспринимались местной публикой этого «гнилого», по утверждению газетчиков, угла российской территории неоднозначно. Однако большинство признавало, что оно «динамично,

подвижно, в нем есть хорошее озорство; талант играет, иногда оступается, делает промахи, но не знает застоя, губительного для живого искусства».

Платные выступления и продажа картин приносили в разгар гражданской войны очень незначительный доход, но Давид Бурлюк не унывал и умудрялся сохранять в облике присутствующий ему богемный шик. Николай Асеев писал: «...на улице я увидел широченную спину, по-дельфиньи согнутую в дугу... Так и есть — это

Справа:
«Пахарь»

Бурлюк. Широченные жесткого сукна штаны, одноглазка в недостающем глазу и — фигура фавна... врастает в землю от неожиданной встречи...» Увы, на двух братьев, купцов Меркуловых, осенью 20-го захвативших после белогвардейского переворота во Владивостоке власть, колоритная фигура знаменитого футуриста произвела крайне негативное впечатление, и он, спасаясь от них, на японском военном судне эмигрировал с семьей в Японию.

Сопровождал Бурлюка редактор журнала «Творчество» Н. Чужак, который помог ему устроиться в чу-

жой стране. Опять пошли художественные выставки в Токио, Осаке, Иокагаме и чтение лекций о современном искусстве. Японцы во всем этом мало что понимали, но принимали заезжего экзотического русского весьма радушно. В отличие от полиции, которая, как сообщала газета «Дальневосточный телеграф», «была поставлена на ноги, ввиду подозрения, что на картинах имеется тенденция к распространению большевистских идей».

Подобные подозрения совершенно не соответствовали действительности, если не считать искреннего почтения Бурлюком «великого про-

летарского писателя» М. Горького. Ему он посвятил книгу «Оshima», куда в ноябре 20-го ездил на этюды. Горького в этом посвящении автор назвал «великим писателем и философом», следил за его творчеством и старался следовать горьковским заветам искать правду жизни.

Представляя книгу читателям, Бурлюк сообщал: «Мои записки и заметки о Японии должны быть интересны русскому читателю, так как, проведя в «стране хризантем» два года, я сравнительно близко изучил особенности этой нашей сибирской соседки». И добавлял годы спустя: «Работал, не покладая рук.

150 картин из написанных продал, чтобы купить три билета в Америку... через Ванкувер».

Известный эмигрантский литератор А. Ветлугин, автор книг «Авантюристы Гражданской войны» и «Третья Россия», хорошо запомнил встречи с Давидом Давидовичем в Новом Свете. «Бурлюк в Америке. Неслыханно! Это не человек, а олицетворенная сенсация... Вечер в доме миллионерши и покровительницы искусств миссис Гарриман-Ромзей. Толпы людей во фраках и бальных туалетах. Появляется Бурлюк. В черном сюртуке, в золотом жилете не-

человеческой красоты. Начинается давка. Щупают жилет, осматривают серьгу. Расступаются, чтобы пропустить какую-то почти задавленную старуху... А Бурлюк контрабандой под прикрытием жилета проповедовал новое искусство».

В Нью-Йорке он освоился достаточно быстро. В 1931 году получил американское гражданство. Много путешествовал по Штатам, поселившись с начала 40-х годов на Лонг-Айленде. А после войны совершал неоднократные поездки в Европу, Австралию, Северную Африку, дважды (в 1956 и 1965) посетил Советский Союз, где его радушно, с почестями принимали, но печатать и выставлять отказывались.

Неистощимая энергия этого многогранного человека, его всеобъемлющая любовь ко всему живому открывали ему и за океаном любые двери. В Нью-Йорке он развил активную деятельность в прогрессивных организациях и написал поэму к 10-летию Октябрьской революции. Был постоянным автором коммунистически настроенных газет «Русский голос» и «Новый мир». Вдвоем с женой выпускал свои сборники и брошюры, которые распространял в США и в СССР. А с 1930-го десятилетиями издавал на русском и английском журнал «Цвет и рифма» («Color and Rhyme») со своими живописными работами. Его собственные картины неоднократно участвовали в выставках конца 20-х — начала 30-х годов группы советских художников «13».

Творчество Бурлюка американского периода неоднородно. В живописи он старался позиционировать себя художником авангарда, но к концу жизни все больше сбивался на коммерческий лад, греша кричащими красками. Тем не менее, сохранял высокие эстетические критерии и неизменно следовал им.

Он полагал, что «истинное художественное произведение можно сравнить с аккумулятором, от которого исходит энергия электрических внушений». Причем «многие произведения вмещают в себя запасы эстет-энергии на долгие сроки, как озера горные, из коих неустанно вытекают великие реки воздействий, а истоки не иссякают».

Как не вяжутся эти строки с ранними эпатажными стихами Бурлюка, например, такими: «Душа — кабак, а небо — рвань. \ Поэзия — истрепанная девка, \ А красота — кощунственная дрянь...» За долгие годы жизни на чужбине в душе поэта произошли глубокие изменения, он во многом переосмыслил пройденный путь и по-другому уже выражал в стихах сокровенные думы и чаяния, по-другому вглядывался в таинственный лик покинутой Родины, которая не отпускала его.

*Россия за окном, как темная
старушка,
О, угольки загробных деревень...*

*Пред этой гордою забавой,
Пред изможденностью земной*

Маяковский и Бурлюк

*Предстанут громкою оравой,
Храм обратя во двор свиной.
Пред бесконечностью случайной,
Пред зарожденьем новых слов —
Цветут зарей необычайной
Хулители твоих основ.*

(«Россия»)

*...Я же нищий — у входа
отрепьями,
Чуть прикрыв обнаженную грудь,
Овеваемый мрачными ветрами,
Я пойду в свой неведомый путь.*

Стойкость характера Давида Давидовича явственно ощутима в его поэтических произведениях, отстроенных по их неизменной доминанте.

Причудливый художественный мир авангарда, который обволакивает стихи Бурлюка, не затеняет бьющуюся в них острую и точную мысль. Поэт отказывается смягчать порой шокирующую правду, маскировать ее пестрыми оборками и иносказаниями.

Таким же он предстает и в своей обширной переписке.

«Живем месяц — за месяцем. Масштаб здешней жизни настолько велик, что даже приблизительно к ней отношения пока не имеем, говоря об американской... Здесь хорошо зарабатывают ремесленники разного рода, но я за ремесло никакое не брался... вращаюсь я более в русском обществе, как в прибыльном...

Американцы здесь на первые роли никого не пустят. Все, что я говорю о художниках, касается, конечно, только модернистов и не имеющих мирового имени... в Америке имя не делают, его надо привезти из Парижа. Живший здесь два года Н. Рерих имел дела весьма средние, а он приехал с пятью тысячами долларов, с протекцией и абсолютным знанием английского языка. Он в мае едет в Индию... но я предполагаю, что его тянет в Россию, надоело быть на вторых ролях... Бывшие здесь русские художники почти все разъезжаются в разные стороны. Прочно обосновался здесь только Ремизов... Я ни с

стально вглядывался в лица рыбаков, крестьян, революционных солдат. Серия кубинских картин и портретов дышит энергией жизни, которая до последних лет не покидала и самого художника.

Он успел создать в эмиграции огромное количество полотен, разбросанных по частным коллекциям и музеям разных стран, прославился на весь мир и при этом изнывал от тоски по родине, где официозные критики и искусствоведы обзывали его «обозной сволочью» и «отщепенцем», всячески стараясь предать имя «отца русского футуризма» забвению.

Д

авид Давидович воспринимал жизнь как роскошный подарок, по-детски радовался ей и до преклонных лет одержимо занимался, помимо издательской, редакторской и общественной деятельности, литературным и художественным творчеством, памятуя, вероятно, слова Сенеки, что «если рост прекратится, близок конец»

кем теперь не встречаюсь — публика очень все не симпатичная. Из моего направления никого здесь нет».

Зимой он часто отправлялся с выставками в Гавану, ему нравилось там, его привлекала кубинская экзотика, обычаи, нравы и совершенно не отпугивал, как и Хемингуэя, коммунистический режим Фиделя Кастро. Бурлюк писал эскизы на городских улицах и набережных, при-

Примечательный факт. В 2013 году картина Д. Бурлюка «Посадка риса» из его японского цикла 1920 года, хранившаяся при жизни в личной коллекции Маяковского, стала основным лотом на «русских торгах» аукциона Sothebys и была продана почти за полмиллиона долларов.

Экспериментировать в живописи, как, собственно, и в поэзии Давид

Бурлюк не переставал никогда. Одним из первых он начал использовать в своих работах коллажную технику, столь популярную сегодня не только в изобразительном искусстве, но и в кино: клеивал на картины кусочки фанеры, металлические пластины, шестеренки, щепки, обрывки газет...

«Тиранящий слова для наслаждений», как сам поэт выразился в одном стихотворении, Давид Давидович испытывал бурную радость от встреч даже с совершенно незнакомыми людьми. Ему было уже за 80, когда он в последний раз приехал в Москву. И, едва выйдя из лифта отеля «Националь», сразу же обратился к дежурной по этажу со словами, что приехал именно к НЕЙ, да еще подарил ей коллекционную открытку со своим изображением и словами Маяковского: «Я думаю о Бурлюке с любовью. Это мой учитель. Благодаря ему я стал поэтом».

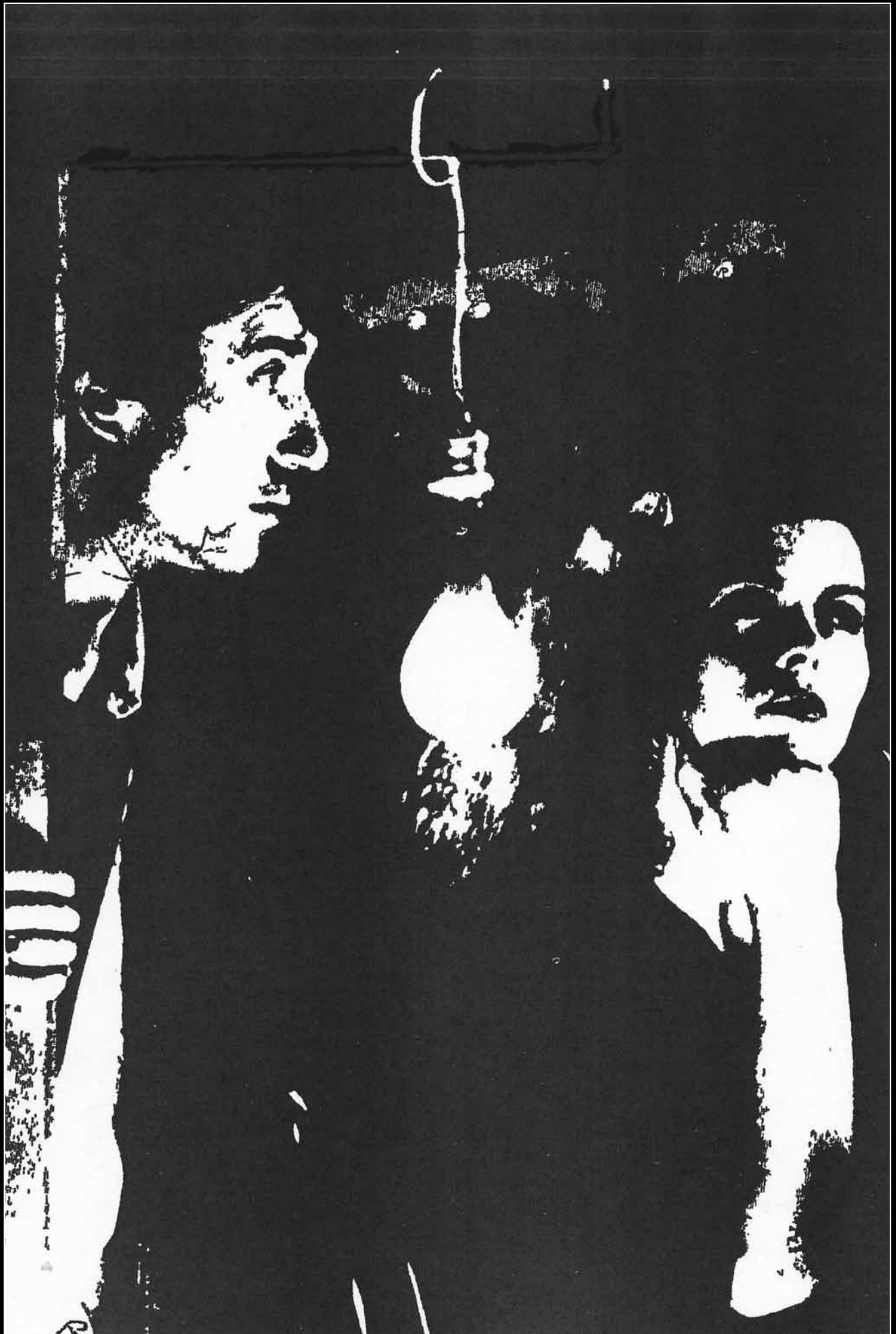
Он умер 15 января 1967 года в маленьком городке Хэмптон-Бейз, штат Нью-Йорк. Согласно завещанию, тело было кремировано, а прах развеян родственниками с борта парома над водами Атлантики.

Прошло уже чуть больше века с тех пор, как Давид Бурлюк покинул Россию, однако его парадоксальная художественная личность, его кипучий ум и энергия, его творчество продолжают будоражить молодые таланты призывом к дерзости и открытиям. Вечно

переменчивый, огнедышащий, подобно вулкану, этот человек говорил о себе:

*Мой ум — аэроплан,
ему неведом страх...
Проснувшись, не хожу без
дела —
До вечера меняю труд на труд,
Энергия моя грызет удила,
Выпячивая кругло грудь. □*

Не будите спящую собаку

1

— Она не могла этого сделать!

Дама, сидевшая напротив меня... впрочем, какая дама? Почти старуха, наверняка не первый год на пенсии. Из тех, у кого всех забот — дача да внуки, а на себя давным-давно рукой махнула — вся в чем-то невнятно-сереньком, влажные волосы кое-как заколоты, о косметике и вспоминать неприлично. И имя такое же обыденное и неброское — Валентина Николаевна.

Хотя если приглядеться...

Не такая уж она и серенькая. Косметики ноль — но лицо ухоженное. И эти руки последний раз встречались с маникюрными щипчиками не больше пары дней назад. А если прислушаться к тому, что она говорит — «юбилей скоро, то есть не то чтобы юбилей, но вроде того» — ей, похоже, и пятидесяти еще нет.

Фраза про то, что какая-то «она» чего-то «не могла» — а посетительница произносила ее уже в пятый или шестой раз — звучала робко, но взгляд при этом напоминал два упрямых гвоздика, острых и негибаемых.

Дама явилась в редакцию без звонка, и, по логике вещей, не должна была меня застать: я собиралась отправиться домой еще за час до ее прихода. Но, отправив дежурные материалы на верстку и объяснив дизайнеру,

что вот тут лучше так, а вот тут — эдак, я решила подождать, чтобы взглянуть на готовую полосу. Вот и подождала.

Лужа, натекшая с ее большого, типично мужского зонта, начала подсыхать.

— Она и виделась-то с ним, может, раза три всего...

Я вежливо кивала, почти не слушая. Безобразие, конечно. Стыдно. Однако после суток работы над срочным материалом и жалких двух часов сна трудновато воспринимать что-то сложнее прогноза погоды.

Да и вообще, основная часть наших посетителей — это те, кто пришел «не по адресу». Великий вольнодумец Жан-Жак Руссо, якобы придумавший выражение «четвертая власть», и представить не мог, к каким странным переменам в общественном сознании это приведет. «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести». Ну да, ну да.

Кого только не заносит в редакцию — от изобретателей вечного двигателя до «контактеров» всех мастей и прочих уфологов. А уж если течет кран или бывший муж не платит алиментов — тут, конечно, прямая дорога в ближайшую редакцию, куда ж еще? Почему-то принято считать, что журналист «работает для народа», и значит, обязан решать любые проблемы каждого из представителей этого самого народа. К счастью, основная масса народонаселения все-таки довольно ленива, поэтому пользуется телефоном или пишет письма — с такими проще, хотя тоже всякое бывает, иногда даже возникает желание открыть на месте редакции филиалы справочной, аптекоуправления, пожарной инспекции, почты — не знаю, чего еще.

В общем, из сотни обратившихся, дай бог, один — по делу. Среди посетителей эта доля еще меньше. Сразу посылать — невежливо, да и непрофессионально: а вдруг перед тобой тот самый сотый, чья проблема — как раз для газеты. Вот и слушаешь вполуха.

— И он сказал, что в «Городской газете» работает Рита Волкова, она наверняка заинтересуется...

Так. Это, кажется, уже какой-то другой «он». С самого начала речь шла о ком-то вроде бы убитом, значит, вряд ли он способен советовать что бы то ни было. Разве что эта дама, вдобавок к странностям внешнего вида, еще и спиритизмом увлекается, с духами покойников беседует.

— Простите, Валентина Николаевна, я не совсем поняла. Он — это кто?

— Вы знаете, Рита... ничего, что я просто по имени? — Этот вопрос она задавала уже в третий раз, так что я просто кивнула. — Я не запомнила его фамилии. Полицейский, который со мной разговаривал, он так хорошо ко мне отнесся, сказал, что всякие совпадения бывают. Потому что не может этого быть, не могла она, понимаете? — Валентина Николаевна

смотрела на меня с нескрываемой надеждой. А я из сумбурного получасового рассказа только и поняла, что у нее есть дочь, которую в чем-то обвиняют, хотя «она не могла этого сделать».

Я что — Господь Бог? Но полицейский, который рекомендует Риту Волкову, — уже интересно. У меня, конечно, есть знакомые (особенно если считать всех, кто, так или иначе, имеет отношение к правоохранительным органам — и собственно полицию, и прокуратуры, и суды), к тому же прорезавшийся года два назад талант влипать во всякие криминальные истории способствует их увеличению. Но чтобы делать такие вот «подарочки», мало быть просто знакомым.

— Как он хотя бы выглядел?

— Худощавый такой, русский, — с готовностью начала описывать посетительница. — Обыкновенный. Только глаза такие...

— Синие в зелень, да? Очень яркие?

— Точно, — обрадовалась Валентина Николаевна. — Вы ведь его знаете, да?

Хороший вопрос.

Позапрошлым летом моя единственная подруга Лелька получила от неизвестного ей благодетеля роскошное наследство — дом в центре города. В свете тогдашних ее квартирных проблем это можно было считать чудом. Но, так же как у «чудесных средств», которые, судя по рекламе, лечат все телесные и даже душевные болячки, у лелькиного «чуда» обнаружилась масса побочных эффектов.

Вокруг дома закружились странные и даже жутковатые события. В общем, разнообразных волнений случилось тогда... изрядно.

Одна из этих «волн» и принесла к нашему порогу непостижимого майора с удивительной красоты глазами. Тогда он подвизался в отделе борьбы с экономическими преступлениями, потом вдруг оказался в «особо тяжелых», за маньяком гонялся, который девушек кружевными чулками душил. Замок мне новый на дверь поставил — в порядке «тимуровской помощи». То есть замок поставил, конечно, не маньяк, а как раз господин Ильин, или попросту — Никита Игоревич.

Месяца два назад, когда меня угораздило вляпаться в очередную историю с летальным исходом, я обошлась с Никитой крайне невежливо, даже грубо. Попросту выставила его из своего дома совершенно беспардонным образом. Недели две помучилась — как бы помириться, чтобы он при этом лишних вопросов не задавал, но ничего не придумала. Потом навалилась работа, новые знакомые, шашлыки, рыбалка — лето все-таки...

И вот, значит, господин майор сам решил напомнить о себе. А я теперь должна заняться борьбой за мировую справедливость? Она, может, и ми-

ровая, но так нечестно. Почему это судьба мне вечно какой-нибудь криминал подсовывает? Я, может, хотела бы побывать героиней дамских романов. Как их там? «Роковой поцелуй», «Смертельная страсть» и все такое.

2

— А теперь рассказывай, зачем тебе понадобилось напустить на меня эту тетю.

Десять часов сна вернули мозгам должную ясность и ликвидировали дурацкие предположения, что Ильин отправил ко мне странную даму исключительно из вредности. Во-первых, Никита Игоревич не склонен — в отличие от непредсказуемой меня — к бессмысленным поступкам. Во-вторых, это было бы довольно глупо — с его интеллектом он устроил бы мне «подарочек» поинтереснее. А главное, как-то не очень прилично использовать для сведения личных счетов чужую трагедию.

Ильин отодвинул от себя пустую чашку, окинул меня бездонным своим взором и задумчиво произнес:

— Я говорил когда-нибудь, что ты похожа на фокстерьера?

— При чем тут фокстерьер?! — возмутилась я.

Но майор только ухмыльнулся:

— Давай лучше к делу. Пять дней назад в своей квартире ударом ножа в спину был убит Сергей Сергеевич Челышов. Личность довольно непонятная, хотя, говорят, не лишенная обаяния.

— Прямо как ты! — не удержалась я, чтобы не съязвить.

Укол, к счастью, пропал втуне. Никита обратил на него внимания не больше, чем автогонщик на красоты окружающего пейзажа.

— Официально Сергей Сергеевич работал в театре. Гардеробщиком. Еще приторговывал наркотиками, но не так, чтобы его можно было на этом зацепить. Смерть, как утверждают медики, наступила в промежутке от 15-00 до 15-40. Сопутствующие обстоятельства этот промежуток еще сужают. В десять или пятнадцать минут четвертого к нему заходил сосед из квартиры напротив — принес из магазина хлеб, они вроде бы часто друг для друга что-нибудь покупали, так, по мелочи. Челышов во время соседского визита, как ты понимаешь, был еще жив. Это, кстати, может подтвердить одна дама с той же площадки. Это чтобы ты не вопила, что слов одного соседа недостаточно — может, он сам и убил. Но дама тоже Челышова видела, и вряд ли они с этим соседом сговорились. Так что в четверть четвертого покойный был, по всей вероятности, еще жив. Минут через десять в квартиру вошла девушка. Дина Вишневская, живет в одном из соседних домов.

— Это все сосед рассказал?

— Сосед, сосед. Виктор Ильич Гордеев называется.

— Он что, живет в замочной скважине? Все видит, все знает?

— Не то чтобы живет, но... — Никита Игоревич изобразил красноречивую, почти мхатовскую паузу.

— Понятно. Пенсионер? Граждане, будьте бдительны?

— Что-то в этом роде. Так вот. Вышла девушка Дина из квартиры без четверти четыре. И, вместо того чтобы поехать на лифте, почему-то направилась к лестнице. А там, между прочим, одиннадцатый этаж. К тому же выражение лица у нее было такое... совсем никакое. Виктору Ильичу это показалось подозрительным. Он решил позвонить в соседскую квартиру, убедиться, все ли в порядке. Звонил, говорит, долго, минут пять. Хотя я думаю, что меньше, но это частности. На звонок никто не ответил. Тогда бдительный сосед толкнул дверь и обнаружил, что она не заперта.

— А может, у него ключи были, только говорить об этом не хочет?

— Да может, конечно. Многие ключи соседям оставляют, на случай похода и тому подобных «коммунальных праздников». Но это дела не меняет. Фактически он в квартиру не вошел, во всяком случае, его следов там нет. Рисую обстановку. Квартира двухкомнатная. Нечто вроде гостиной и своего рода кабинет, он же спальня. Дверь в гостиную почти напротив входной, так что уже с порога Виктор Ильич увидел хозяина. Тот вроде как отдохнуть прилег.

— С ножом в спине?

— Нет, ножа в спине не было. Зато кровь была. Виктор Ильич не только к телу подходить не стал — как-то сразу решил, что уже не надо, — но даже в прихожую шага не сделал. Сразу кинулся к телефону.

— Он что, бывший мент?

— Фу, грубиянка, не забывай, с кем разговариваешь, — фыркнул Никита. — А вдруг я обижусь?

— Как же! Обидишь тебя! Скорее «Титаник» всплывет.

— Товарищ Гордеев двадцать лет, а может, и больше, беспорочно охранял один из наших «ящичков», — назидательно проговорил мой синеглазый гость, как всегда, проигнорировав мои подколки.

— А выйдя на заслуженный отдых, стал доблестно сотрудничать с местным отделением полиции, так?

— Все-то ты знаешь.

— Я много чего не знаю. В частности, где Иван Грозный запрятал свою хваленую библиотеку. Просто у меня в соседнем подъезде такой же кадр обитает. На меня пытался капать — чего это я в рабочее время дома появляюсь, и зачастую — не одна. Столько внимания моей скромной персоне. Прямо лестно. Только надоедает.

— А ты не язви. Такие вот пенсионеры, между прочим, — незаменимый источник информации. Тем более, сейчас, когда каждый день дождь, и бабули не у подъездов сидят, а по квартирам.

— Да я разве против? Бдительные соседи — наше все. Просто негуманно как-то. А вдруг тот еще живой был? Вдруг его еще спасти можно было?

— Могу тебя успокоить, — продолжил Никита. — Помощь господину Чельшову была нужна, как мумии искусственное дыхание. Умер он если и не мгновенно, то к моменту появления соседа точно был уже там, — воздел он палец к потолку. — Зато следов Гордеев не затоптал. И группа быстро приехала.

— И обнаружила возле тела нож с отпечатками пальцев упомянутой Дины Вишневской. После чего — или еще до того, не знаю, сколько времени нужно, чтобы с пальцами разобраться — в общем, девушку взяли, она разрыдалась и, давась слезами, сказала, что ничего не помнит. А откуда у нее на одежде кровь — понятия не имеет.

— Нож с ее отпечатками действительно лежал возле тела.

— Ты серьезно?

— Это не я, это эксперты. И на туфлях у нее действительно следы крови.

— Только на туфлях?

— Не только. Еще немного на джинсах возле колена и на левом рукаве рубашки.

— И она, конечно, не знает, откуда эта кровь взялась.

— Она молчит.

— То есть как, совсем?

— Нет, не совсем. На любые вопросы отвечает, кроме тех, которые этого дня касаются.

— Понятно. А маму ее ты ко мне прислал исключительно ради того, чтобы отвлечь меня от работы и расцветить мою унылую жизнь прелестью разнообразия... — Я вдруг осеклась. — Ох, а который час?

— Девятнадцать ноль восемь, — сообщил Никита металлическим голосом «точного времени».

— Господи!

Я метнулась в комнату, говоря на ходу:

— Никитушка, солнышко, лапушка моя, извини, бога ради, но давай отложим продолжение беседы на завтра? Мне через двадцать минут надо быть на другом конце города.

— Где именно? — лениво поинтересовалось «солнышко».

— У филармонии. То есть, у драмтеатра, то есть... ну, в общем, в том районе.

— И чего ты нервничаешь? Давай я тебя отвезу. Если повезет, будем вовремя, если нет — опоздаешь не больше чем на десять минут.

Я представила, как Ильин высаживает меня из своего рыжего драндулета прямо в расprostертые объятия иссохшего от ожидания Бориса свет Михайловича... Картинка, писаная маслом.

Упомянутый Боб явился на моем горизонте недавно, и терять его из виду мне пока совсем не хотелось. Хотелось, наоборот, разобраться в загадке его безумного обаяния. Этим я и занималась с неясной периодичностью и абсолютно безуспешно вот уже третий месяц. И как раз сегодня вечером намечалась обширная культурная программа — от испанского фламенко в исполнении заезжих гастролеров до романтической прогулки под луной.

Но если ловить такси, тогда что? Во-первых, опоздать не на десять минут, а на все двадцать пять, так мы и в зал, глядишь, не попадем. А во-вторых, в это время суток, да в направлении центра, таксисты дерут так, что всю следующую неделю — до ближайших финансовых поступлений — придется изображать из себя иллюстрацию к известному романсу «Сухую бы я корочкой питалась».

— Спасибо, солнышко! — просияла я. — Ты меня просто спасаешь.
«Солнышко» скептически усмехнулось.

Хорошо это или плохо, что мужчины перестали носить шпаги? Обмен взглядами не столь убийственен, как фехтовальные упражнения, но, увы, и гораздо менее зрелищен. Цивилизация, однако! Когда я чмокнула Ильина на прощанье, он едва руль не сломал от удивления, а Боб даже не удосужился поинтересоваться, кто это меня подвозил.

Хотя я и люблю все испанское, в этот раз происходящее на сцене затронуло меня не больше, чем месса кришнаита. Фламенко требует растворения, а вместо этого мысли мои были заняты недослушанной загадкой. Это что же у нас получается. Некто был вполне жив. Потом к нему в гости явилась некая девушка, после чего он перестал быть жив. А на орудии убийства ее отпечатки. Мама девушки, конечно, убеждена в том, что «этого не могло быть». Но мамы — они все такие. Это не показатель. Так вот, спрашивается, за каким таким лешим Ильин решил подсунуть мне эту историю, если все и так ясно?

3

Рецептов борща существует, кажется, не меньше миллиона. А это значит, что рецепта не существует вовсе. Есть перечень ингредиентов, точнее, два перечня — обязательный, где всякие свеклы-морковки, и возможный, где фасоль, чеснок и гречневые клецки. Плюс некоторые логические правила, подсказывающие, что с этими составляющими делать. В итоге должно получиться нечто огненного цвета и такого же запаха, причем половник в этом «нечто» должен стоять.

Ильин смел две миски, плотоядно оглядел кастрюлю, где оставалось еще не меньше половины, и вздохнул.

— Не облизывайся, — усмехнулась я, — перед уходом можешь хоть все доесть. А теперь, как честный человек, ты просто обязан объяснить — зачем ты меня к очевидному делу припахал?

Ильин снова вздохнул, только теперь, кажется, уже не от сытости:

— Многовато хочешь за полкастрюли борща. Я и себе-то этого объяснить не могу.

— Вот так всегда. Знала бы — не кормила бы, честное слово! Ладно, обойдемся, давай уж до кучи все плохое. Может, у девушки Дины Вишневской вдобавок ко всяческим следам еще и мотив был для убийства? Мама уверяет, что Дина этого Чельшова два раза в жизни видела.

— Был мотив, и еще какой, — ответил Никита. — Она его очень близко знала. О том, что видела, дескать, два раза в жизни, об этом и речи нет. Так только мама может думать. Дина около двух лет была любовницей Чельшова. Минус последние два-три месяца.

— Погоди, попробую сама догадаться. Два-три месяца назад у нее случилась большая и чистая любовь, а покойник ее не отпускал. Так?

— Почти. Только, если и не отпускал, то не ее, а счастливого избранника, Вадик Демин его зовут.

Я чуть со стула не свалилась.

— Что? Как это — мальчика не отпускал? Покойник что, гулял по обеим сторонам улицы? Ничего не понимаю!

— Не там ищешь, — усмехнулся Ильин. — Я же говорил, что покойник наркотиками приторговывал. А юный Ромео был как раз из его клиентуры. Собственно, клиентуры-то как таковой у Чельшова не было, он, скорее, посредник, чем продавец. Но трех-четырех человек, из старых знакомых, снабжал напрямую. Вадик как раз из тех. Дина с ним, кстати, через Чельшова и познакомилась.

— Ага, понятно. И, почувствовав неземную любовь, естественно, возжелала спасти возлюбленного.

— Он и сам хотел сдернуть, она только помогла.

— Слушай, а откуда у мамы эта формулировка — виделись два-три раза в жизни? Как-то странно. Тут либо она вообще не в курсе, либо знала, что есть такой... скажем, знакомый.

— Так мама и не знает, что это знакомый дочки. Дина познакомилась с Чельшовым у себя же дома. Он какой-то дальний приятель ее отчима. По театру. Заходил к ним действительно раза два-три. Он ведь коллекционер был, карты городов собирал. Причем просто магазинный ассортимент его не устраивал, карта должна быть куплена непосредственно на месте. Вот ему знакомые и возили. Через двадцать пятые руки.

— Тогда ясно. Официально он знакомый отчима, и мама, естественно, не в курсе. А что с этим, который Ромео? Если Чельшов был в основном посредником, вряд ли для него мог иметь значение один клиент. Стал бы он кого-то удерживать? Любовь, конечно, ревность, я понимаю, но все-таки...

— Да там вообще все непонятно. Парнишка странный немного. Сама увидишь. Хотя я тоже думаю, что вряд ли кто-то стал бы его держать. Но ведь никто ничего толком и не говорит. Может, Демин опасался, что его «слабость» станет известна. Или Дина не хотела, чтобы он узнал об ее отношениях с покойным.

— Ну и что? Кого это сейчас может испугать?

— Да ерунда, конечно. Но чуть-чуть там, немножко тут — вот и мотив складывается. Для следователя, во всяком случае. Я же им не командую.

— А чем тебя, скажи на милость, не устраивает позиция следователя?

— Во-первых, мои смутные впечатления, которые к делу не пришьешь. Я девушку видел, и либо мне надо бросать заниматься тем, чем я занимаюсь, либо это не она. Убийство, судя по всему, совершено на рывке эмоций. Ее задержали часа через три после, скажем так, события. И ничего, спокойна, как... — Ильин замолчал, вздохнул. — Ладно, тут туман, тут я и сам не понимаю. Вот другие соображения, менее смутные. Скажи на милость, — передразнил он меня, — кто нынче не знает про отпечатки пальцев? Ну, пусть она спасала возлюбленного от дурных влияний, пусть беспокоилась о собственной репутации, пусть все, что угодно. Но даже клинический идиот сообразил бы если не унести нож, так хотя бы вытереть.

— Испугалась, потеряла голову?

— До степени полного идиотизма? Это ведь все-таки не стандартная бытовуха...

— Да, действительно странно, — согласилась я. — А ты теперь, значит, хочешь, чтобы я кролика из шляпы достала. А еще лучше шляпу из кролика, вроде давно в чудесах не практиковалась, да?

— Разве это не твоя специальность? — ехидно поинтересовался майор.

— Значит, тебя не устраивает эмоциональное несоответствие, так? Или еще что-то припас?

— Ну... Телефон протерт, ни одного пальчика. Покойник был чистюля, следов по квартире вообще немного, он, кажется, каждый день пыль везде вытирал. Кстати, на правом косяке комнатной двери отпечатки есть, его собственные, так, парочка, а вот на левом — нет. Точнее, все следы, что там есть, очень сильно смазаны. Вроде бы протерли его, но как-то небрежно. Значит, кто-то за этот косяк хватался, правильно? Но главное — совершенно чистенький телефон. А примерно за час-полтора до смерти покойник звонил в театр, уточнял график работы. Получается, что он позвонил и сразу телефон протер. Не каждый же час он этим занимался?

— Да, каждый час — это, пожалуй, чересчур. Разве что гостя ждал. Или гостью... Ладно, уговорил. Тогда мысль номер раз. Если театр всего лишь прикрытие, а средства существования господин Чельшов получал от наркотиков... Деньги у него были? В смысле — более-менее ощутимые суммы.

— В квартире — нет. Но тайничок мы у него обнаружили, правда, на момент осмотра он был пустой. По времени, сама понимаешь, не определить, насколько давно он пуст. Плюс-минус сколько-то дней. То есть изъять содержимое мог и сам покойник.

— А «пальчики»?

— «Пальчики» только хозяйские.

— Ясно. А какие отношения были с этим типом у Гордеева, ну, у соседа его, который тело обнаружил?

— А вот этого, ненаглядная моя, я тебе не скажу. Чтобы не сбивать. Попробуй сама с ним пообщаться.

4

— Валентина Николаевна, вы извините, что я без звонка, мне бы кое-что уточнить...

— Да-да, конечно, проходите, — посторонилась она, пропуская меня в квартиру.

Сегодня передо мной было странно перевернутое отражение той женщины, что приходила в редакцию. Негатив. Или негатив был тогда? Тогда передо мной сидела старая тетка, которой безразлично, как она выглядит. Только взгляд, устремленный на меня, горел надеждой. Пусть последней, бессмысленной и безосновательной, но надеждой. Все прочее — будто уже остывшим пеплом подернуто. Сегодня же и руки, и волосы были в идеальном порядке. Впечатление усиливали легкий, но тщательный макияж, неброские, но изящные бриджи и рубашечка (а ведь она меня не ждала, значит, это обычная домашняя одежда). Хорошо выглядела Валентина Николаевна, ничего не скажешь. А вот огня не было, погас...

Квартирка выглядела чисто, но весьма скромно. Прихожая размером с почтовую марку, где двоим уже не разойтись, прямо перед носом одна комната, вправо — другая. За вешалкой крошечный аппендикс, состоящий из туалетной и ванной дверей, ведет в кухню. Меня, невзирая на возражения, отвели в комнату — подождать, пока хозяйка приготовит кофе.

Валентина Николаевна представила мне углубившегося в кроссворд мужчину:

— Это Олег, мой муж.

— Олег... — Я сделала внушительную паузу, давая ему возможность сообщить отчество.

— Просто Олег, что вы! — замахал он руками.

— Ну, хорошо. В общем, удачно, что я и вас застала. Может, вы мне расскажете немного, что за человек был Сергей Сергеевич Челышов?

— Боюсь, что... — вздохнул он. — Это ведь, в сущности, было шапочное знакомство. Хотя и долгое, да. Но отдаленное.

— Конечно, конечно, мне говорили, — засуетилась я, подыгрывая светскому тону хозяина. — Но все же... Вы его знали довольно долго, быть может, какие-то мелочи отложились в памяти. Знаете, как бывает? Кажется, пустяки, а оказалось...

Олег кивнул, сопроводив кивок изящным жестом «мол, вы только намекните, о чем хотели бы услышать, а я уж расстарюсь».

— Собственно, меня больше всего интересует отношение Сергея Сергеевича к женщинам.

Он как-то замялся, словно ему это было очень неприятно, но все же ответил:

— Ладно, вы ведь все равно узнаете, это все знали... Безобразное было отношение. Наверное, я потому и не смог с ним общаться. Хотя собеседник он был очень интересный. И обаятельный. Но это его «курица не птица»... Ужасно! Непостижимо! Ведь женщины... В их честь надо гимны слагать и подвиги совершать. Женщина — это самое прекрасное, что создала природа, вы согласны? А для него женщина была никто. Даже не человек. Все равно что мебель.

— А говорят, Челышов пользовался немалым успехом у противоположного пола...

— Да-да. Ухаживать он умел. У него обычно была более-менее постоянная дама. Ну, полгода, год, когда и больше. И еще параллельно такие, разовые. И когда я узнал, что Дина тоже... Это было ужасно. Я и думать не мог, что... То есть, не так. Я ведь знал его, я обязан был предвидеть, что красивую девушку он без внимания не оставит. Это, безусловно, моя вина...

Кажется, еще немного, и Олег пал бы на колени и вознес к небу покаянную мольбу. Но тут Валентина Николаевна внесла поднос с кофейником, чашками, печеньем, и он мгновенно вскочил, перехватил поднос, аккуратно поставил на столик, мягко пожутив жену:

— Валечка, надо же было меня позвать. В приготовление я не вмешиваюсь, мне с такой волшебницей не тягаться, но хотя бы как тягловую силу можно меня использовать? Разве допустимо такими божественными руками тяжести носить!

Вряд ли поднос был такой уж и впрямь тяжелый, но на ее губах тенью мелькнула слабая благодарная улыбка. Едва не силой усадив жену в кресло, Олег ловко и красиво, как настоящий официант, расставил на столике

кофейник, чашки, блюда с печеньем и крошечными изящными бутербродиками... Воистину, ничто не дается человеку так дешево и не ценится так дорого, как вежливость. А уж о галантности и говорить нечего!

Разговор тянулся натужно, как остроты провинциального конференсье. То ли за прошедшее время Валентина Николаевна перегорела, настроившись на долгое безнадежное ожидание, — отвечала она односложно, как бы нехотя. Но, скорее всего, я задавала «не те» вопросы. Меня смущал этот Олег. Он пожирал жену глазами, предугадывал каждое ее движение и, кажется, готов был и отвечать за нее. Через час я знала все о школьных оценках Дины, о ее работе, об увлечении бильярдом — она играла регулярно и очень неплохо, тратя на это практически все карманные деньги. Посмотрела фотографии. Все это, однако, ни на микрон не приблизило меня к пониманию того, кем же была незнакомая мне девушка. Единственным фактом, хоть как-то оправдывающим мой безрезультатный визит, было сообщение о чьем-то звонке — в Тот Самый День. Кто звонил, Валентина Николаевна не знала, трубку взяла сама Дина. Олега же дома вообще не было. Разговор был очень короткий, не больше минуты. После этого Дина мгновенно ушла. Вернулась минут через сорок и сразу закрылась в ванной.

Сорок минут... Как раз столько ей нужно было на визит к Челышову. Н-да. Информация, безусловно, важная — наверняка этот звонок связан с убийством. Но как, разрази меня гром, это использовать?!

— Валентина Николаевна, а подруги у Дины были? С кем-то она ведь была близка?

— Марина... Да, наверное, только она.

Валентина Николаевна продиктовала мне телефон и адрес единственной подруги дочери.

— И еще. Валентина Николаевна, Дина красивая девушка, за ней наверняка много ухаживали. Вы ведь знаете кого-то из ее молодых людей?

— Да, разумеется, — кивнула она и вдруг замолчала. Потом как-то растерянно посмотрела на мужа и добавила: — Рита, может быть, вам стоит поговорить с адвокатом Дины? Он вам лучше расскажет. А я, наверное... Да не знаю я ничего уже! — с размаху стукнула она по подлокотнику кресла, задев кофейную ложечку, которая улетела в стенку за моей спиной, срикошетила и закончила свое путешествие аккурат на моем блюдечке. Где-то я читала про английскую примету: две ложечки на блюде — к смерти. Знать бы еще — к чьей? Впрочем, спасибо за предупреждение.

Олег мгновенно извлек откуда-то аптечного вида пузырек, накапал в стакан чего-то пахучего:

— Выпей, это поможет. Выпей, Валечка, не нужно так себя терзать, пожалуйста. Дину это не спасет, а тебе повредит. Я уверен, что это глупое

недоразумение скоро разъяснится, Диночка будет дома, и все станет по-прежнему. Только побереги себя. Не хватало еще, чтобы ты заболела! — И зашипел в мою сторону: — Да уйдите же вы! Разве не видите — она не может сейчас разговаривать!

Происходящее здорово напоминало сцену из какого-то забытого фильма или спектакля. Очень много слов, очень много заботливости. Впечатление такое, будто тебя испукали в ванне с сиропом.

5

Двор, на который глядела окнами квартира покойного Челышова, был точным близнецом десятка окрестных дворов: две длинные, по шесть подъездов, двенадцатиэтажки вдоль, две поперек — унылый квадрат, при виде которого Витрувий перевернулся бы в гробу. Или римляне гробами не пользовались?

Зато современный человек к ним привыкает еще при жизни. Кажется, городские соты проектирует какой-то человеконенавистник. Или велико-возрастное чадо, не доигравшее в детстве в кубики.

Природа не знает прямого угла, человек же, как ни крути, — ее дитя, а жить вынужден в прямоугольном мире: квадратные дворы, квадратные стены, двери, окна, и все это давит на мозги, давит, давит...

Разбить каменную клетку он не может, поэтому разбивает голову соседа.

В жидких кустах за трансформаторной будкой кучковалась компания, надо полагать, местных бомжей. Они странным образом напоминали перовских «Охотников на привале». Такие же серо-коричневые неброские костюмчики и такие же вальяжные позы.

Четыре подъезда из шести в нужном доме стояли нараспашку, два — красовались внушительными железными дверями. С кодовыми замками, естественно. Так. Код подъезда Никита мне, конечно, сообщил, но это не имеет значения.

Примем за исходную аксиому, что дивные синие глаза майора Ильина по-прежнему сохраняют свою пронизательность, и Дина — не убийца. А поскольку труп все же имеет, то есть имел место быть, и вряд ли, даже при самой богатой фантазии, можно предположить, что можно покончить с собой, засадив ножик в собственную спину, — значит, убийца реально существует. И, прежде чем попасть в квартиру Челышова — каким способом, это я потом поразмышляю, — он должен был попасть в подъезд с кодовым замком. Некоторому количеству знакомых код, очевидно, был известен. Самое простое — сосредоточить поиски убийцы именно на этом «количестве». Однако не выплеснуть бы с водой и ребеночка. Не станем изначально сужать круг поиска и внимательно оглядимся.

Дано: подъезд. Найти: способ попасть внутрь. Проще всего потенциальному убийце дожидаться кого-то из местных жителей, входящего или выходящего, безразлично, и воспользоваться открытой дверью. По собственному опыту знаю, что почти никто и никогда у тебя при этом не заинтересуется, кто ты такой и почему заходишь. Простенько и действенно. Однако для потенциального убийцы довольно опасно — тот, кто тебя впустил, может об этом и вспомнить.

Есть и другая возможность. В моей жизни встречалось немало подъездов с кодовыми замками. И не всегда, подходя к заветной двери, я могла вспомнить нужный «сим-сим». Иногда — при моей патологической восприимчивости к цифрам случай уникальный — по забывчивости, чаще по более прозаическим причинам — нет ничего проще, чем забыть что-то, чего никогда не знал...

Ну конечно, так я и думала. На боковом обресе дверного проема, прямо на штукатурке, в месте, затерянном среди окружающих выпуклостей и выбоин, но весьма заметном, если знаешь, куда смотреть, — красовались заветные цифры. Итак, желающий войти в эту дверь не должен был испытать особых затруднений — достаточно внимательно осмотреться. А мне в первую очередь надо поглядеть, что за персонаж такой — сосед покойного, и можно ли ему — соседу, а не покойному — доверять.

Виктор Ильич Гордеев неодобрительно покосился на мои голые колени и, поджав губы, долго и вдумчиво изучал редакционное удостоверение, точно наизусть учил. Предупрежденная Никитой, я не поленилась разыскать удостоверение старого образца — красные «корочки» с внушительным золотым тиснением «ПРЕССА» снаружи и печатью городской думы внутри. Виктор Ильич так тщательно сверял мою физиономию с фотографией, что, пожалуй, майор был прав. Без его предварительного звонка меня бы тут на порог не пустили, и пришлось бы ограничиться изучением дверей.

Хозяин походил на Савелия Крамарова. Когда он, наконец, отступил в сторону, пропуская меня в квартиру, обнаружилось, что его левую щеку — от угла рта до уха — украшает родимое пятно цвета сильно пожилой редишки. Сей факт был мною отмечен с непонятным удовлетворением.

Бдительность — штука полезная. Но неприятная. Есть люди, которым нравится, когда за ними подглядывают в замочную скважину. Но таких немного. Тех, кто сам подглядывает, почему-то всегда больше. Не скажу, что я так уж часто занимаюсь подглядыванием, но когда подглядывают за мной — хочется наблюдателю сделать что-нибудь доброе. Например, подарить мешок скорпионов. И все-таки — куда денешься! — такие вот наблюдатели — мечта всех участковых и оперативников вместе взятых.

— Да точно это она была, Дина.

— Вы ее хорошо знаете?

— Конечно. Она к Сергею Сергеевичу давно ходила. Вы не сомневайтесь. Вот у меня все записано. — Виктор Ильич одну за другой начал вытаскивать из тумбочки общие тетради весьма потрепанного вида.

Впрочем, потрепанным и потертым в этом доме было все. Протоптаные в полу «лысины» позволяли определить, когда и каким цветом его красили — без всяких экспертов, просто «на глазок». Обои, когда-то, вероятно, узорчатые, «под штоф», теперь демонстрировали рябенькую серовато-коричневую поверхность. Тумбочка скрипела и пестрела царапинами и пятнами. Телефонный аппарат, ее увенчивавший, явно знал лучшие времена: битый корпус, трубка замотана изолентой.

— Последние месяцы она, правда, редко появлялась. Вот смотрите: раз в неделю, раз в две недели.

В голосе хозяина время от времени прорезались визгливые нотки. Крамаров, оно, конечно, да, но если бы с меня потребовали максимально точного определения, я сказала бы, что он похож на молодого Плюшкина. Если, конечно, определение «молодой» годится для человека явно за шестьдесят.

— Виктор Ильич, давайте все-таки попробуем восстановить все с самого начала. Вы принесли соседу хлеб. Вы часто для него что-то покупали?

— Да почти каждый день. Я обычно, как в магазин иду, ему звоню — не надо ли чего.

— А он тоже так делал?

Мне показалось, что вопрос заставил моего собеседника слегка смутиться. Иначе с чего бы возникнуть паузе? Я, было, подумала, что он меня сейчас к черту пошлет, чтобы не лезла не в свое дело, однако не послал — Ильин, видимо, постарался. Уж не знаю, что он наговорил, может, выдал меня за внештатного сотрудника или еще чего в этом роде, но отвечал Гордеев тщательно и вдумчиво.

— Нет, Сергей Сергеевич никогда меня не спрашивал. Но когда себе всякие деликатесы покупал, про меня тоже не забывал. По-соседски, понимаете... — Виктор Ильич вздохнул и нахохлился, как больной суслик. Не нравилась ему эта тема, и я, пожалуй, понимала, почему. Старость не радость. Вкусенького покушать хочется, а пенсия маленькая. Вот и приходится милостыньку соседскую принимать. И делать вид, что это «по-соседски» и вообще в благодарность за его собственные походы по магазинам. Хотя по деньгам оно, конечно, вовсе несоизмеримо. И очень может быть, что Челышов его не только вкусностями подкармливал, но и деньжонок подбрасывал. Во избежание лишнего стука, например. Но как разнообразен человек!

Подглядывать за соседом, записывая каждый его шаг, — и одновременно принимать от него подачи. Непостижимо!

— Конечно, конечно, — успокоила его я. — Значит, вы принесли хлеб...

— Хлеб, помидоры, перчики болгарские, правда, зеленые, но толстенькие, спелые, зелень еще — ну, там, укроп, петрушку, — сосредоточенно перечислял Виктор Ильич.

Да, в самом деле. Никита говорил, что на кухне осталась еда: готовый, но не заправленный салат, хлеб на тарелке, открытая банка маслин, что-то еще такое, закусочное — ветчина и осетрина, кажется. К моменту осмотра они успели подсохнуть, но совсем чуть-чуть, не больше двух-трех часов пролежали. Готовил, судя по отпечаткам, хозяин. Получается, что незадолго до смерти. Ни кусочка съесть не успел, и не выпил ни грамма, даже бутылки ни одной из холодильника не достал.

— Он сразу вам открыл?

— Да-да. Таня как раз выходила, ключи в сумке искала, она тоже его видела.

— Таня?

— Из восемьдесят девятой. Наверное, тоже на рынок собралась. Муж у нее поздно приходит, а она на полставки работает, с обеда уже дома, уют наводит.

— И во сколько это было?

— На часы я посмотрел уже у себя. Было ровно пятнадцать-пятнадцать. Убрал хлеб, поставил чайник, слышу — лифт на нашем этаже остановился. Я посмотрел — Дина. Она минуты две у двери стояла.

— Просто стояла?

— Мне показалось, что она постучала, но точно не знаю, врать не стану. Я же только спину ее видел. Звонить она никогда не звонила, и ключи у нее были. Кажется, — покачал головой Виктор Ильич и поморщился, как бы недовольный тем, что вынужден говорить «кажется». — А стука не слышно, дверь у Сергея Сергеевича мягкая.

— Так если его не слышно у вас, значит, и в той квартире тоже?

— Не знаю. Говорю, что видел. Постояла, дверь открылась, и Дина вошла, тут дверь немного лязгнула, она металлическая, только сверху вроде обивки что-то наклеено.

— Челышов ей открыл, или она своим ключом открыла?

— Не знаю. Мне кажется, она ее просто толкнула.

— А могла она открыть своим ключом за те две минуты, что у двери стояла?

— Конечно, могла. Замки практически бесшумные. Я и не слышу, когда ту дверь отпирают, слышно только, когда она открывается. Точнее, когда закрывается.

— Вы всегда так точно время замечаете?
— Всегда, — отрезал бывший «вохровец».
— А Дина не показалась вам... взволнованной, расстроенной?
— Она вообще очень спокойная, я потому и заволновался, когда она вышла, никогда ее такой не видел.
— Что, у Сергея Сергеевича бывали и беспокойные гости?
— Бывали, — констатировал Виктор Ильич. — Хорошо, что редко.
— Когда Дина вошла в квартиру, после этого вы что-то еще слышали?
— Да где же тут услышишь? Если бы в маленькой комнате, там стена общая...
— Ну, хоть что-нибудь? Стук, крик, удар? Громкие звуки могли бы и до вас дойти.

Я понимала, что те же самые вопросы он уже слышал и от оперативников, и от следователя. А что делать?

Виктор Ильич молчал не меньше двух минут. Наверняка ведь подслушивал! Приоткрыл свою дверь и...

— Мне почудилось... Но учтите, если придется давать показания, я под этим не подпишусь. Может, и с улицы что-то донеслось. Почти сразу, как дверь закрылась, мне послышалось, что она очень громко сказала «хватит!», а потом вроде что-то упало.

— На что это было похоже? Звон, грохот, стук?

— Нет, мягкий такой удар, как будто мешок уронили.

— Почти сразу — это сколько?

— Не больше минуты, я думаю. Даже, скорее, меньше.

— А потом?

— А потом — ничего. У меня чайник засвистел, я чай заварил, тут опять дверь лязгнула. Пятнадцать сорок четыре было. Я выглянул — Дина вышла. Подошла к лифту, постояла чуть-чуть, кнопку нажимать не стала и к лестнице повернулась. Лицо белое-белое и губы синие. Начала по лестнице спускаться, медленно так, и за стенку держится. Я даже дверь отпер, подумал — не упала бы, хотел валидолу ей дать.

— Виктор Ильич, скажите, вы сами как думаете — это она?

— Я ничего не думаю, — отрезал негиббемый пенсионер. Ну, Робеспьер, да и только! — Я вам рассказал, что видел и слышал, а думать — ваша работа.

Что же ему все-таки Ильин про меня наговорил?

6

Таня оказалась стройной аппетитной шатеночкой лет тридцати. Дверь мне открыла мгновенно, даже, по-моему, в «глазок» посмотреть не удосужи-

лась. Фраза: «Я по поводу убийства» — удовлетворила Таню совершенно, никакие другие объяснения не понадобились.

— Да что-то после трех. Пятнадцать по радио точно пропикало, а вот через сколько после этого я вышла... — На ясном лбу нарисовалось такое умственное усилие, что мне ее даже жалко стало. — Сумку взяла, причесалась, туфли надела... вспомнила про банку для сметаны, мой-то магазинную не ест, только деревенскую... свет везде выключила... или не выключила? Ведь день был... нет, не знаю, во сколько вышла.

Да уж... Все, что она перечислила, можно проделать за полминуты, ну, пусть за две, а можно и полчаса ковыряться. «Как женщина должна одеваться на торжественный прием? Быстро!!!»

— Виктора Ильича на площадке встретили, помните? Он к Челышову звонил.

— Да, меня спрашивали. Точно, стоял у соседской двери, не у своей.

— А самого Челышова видели?

— Челышова? А, Джеймса Бонда!

— Почему Джеймса Бонда?

— Ну, как же! Всегда такой... такой... ну, точно Джеймс Бонд. Очень интересный мужчина! Видела, а как же, улыбнулся мне и кивнул. Кто бы мог подумать, что через полчаса...

Интересно, откуда это она знает, что через полчаса?

— А у Виктора Ильича в руках что-то было?

— Пакет был, еще пакет, значит, два пакета, батон длинный он в руке держал...

— А пакеты непрозрачные? Не видели, что в них было?

— В одном не знаю, а этому... Челышову, да? Челышову Виктор Ильич отдал «маечку» розовенькую, в ней зелень всякая была, помидорки были, ровненькие такие, я еще хотела спросить, откуда, потом подумала, раз все равно на рынок иду, значит, и сама увижу, правильно?

Мне захотелось расковырять Танечке ее прелестную головку и поглядеть, чем же она там ухитрилась «подумать». Однако ни одного подходящего инструмента в поле зрения не обнаружилось. К счастью. В конце концов, отсутствие мыслительного аппарата у Танечки вполне удачно компенсировалось недурной наблюдательностью и памятью. Вероятно, в соответствии со знаменитым, пусть даже отвергнутым физикой принципом «природа не терпит пустоты». Если в голове нет того, чем думают, значит, должно же там быть хоть что-нибудь!

— А, вспомнила! — отвлек меня от мысли Танечкин возглас.

Я напряглась...

— Он еще батон Челышову — Челышов он, да? Он ему еще батон длинный отдал. Точно-точно, не сомневайтесь. Пакет с помидорками и батон.

Еще немного — и на этой площадке случилось бы второе убийство. Но я пожалела Ильина, собрала в кулак всю свою несуществующую силу воли и быстренько распрощалась. Интересоваться, не заметила ли Танечка чего, когда сидела в понятых на осмотре Челышовской квартиры, у меня терпения уже не хватило. А ведь расспросила бы поподробнее — и многое стало бы ясным. Если не личность убийцы, то, по крайней мере, загадка времени и закрытого пространства.

7

Поднявшись на один лестничный пролет, я присела на ступеньку. Подстелить было нечего, юбку стирать придется, ну, да бог с ней, не до того. Лишь бы никто не вздумал по этой лестнице подниматься. Хотелось подумать, пока впечатления смазаться не успели.

Как ни странно, мне показалось, что уважаемый гражданин Гордеев очень неплохо к незнакомой мне Дине относится. Однако все, что он говорил, свидетельствует против нее. Честный очевидец?

Мотив для убийства Челышова мог, судя по всему, быть у тысячи людей. Ну, пусть, не тысячи, пусть у десяти. Одна из обиженных дам, один из обманутых мужей (ведь у кого-то из «дам» были мужья?), один из тех, кто знал, что у покойника были деньги, один из тех, кому он поставлял «товар». В общем, кто угодно. Ну и что? Будь их хоть миллион, это не объясняет, как убийца попал в квартиру — мимо недреманного соседского «глазка» — и как он вышел. Ну, положим, войти еще можно было, а вот исчезнуть — особенно если учесть, во сколько появилась там Дина — это вряд ли. Неужели Ильин ошибается, и это банальное бытовое убийство? То есть, Дина?

Правда, в ее пользу, если соседу не померещилось, — это непонятное «хватит», и звук падения. По времени получается, что Дина входит в квартиру, тут же заявляет что-то вроде «хватит, мне все это надоело, оставь нас в покое», в то же время подхватывает с кухни нож, бьет им хозяина — видимо, для придания дополнительного веса своим словам... После этого непонятно чем занимается в квартире еще около двадцати минут — и уходит, бросив возле трупа нож со своими отпечатками. Если бы не эти пятнадцать-двадцать минут, все неплохо бы укладывалось в «состояние аффекта» — про нож на нерве могла от потрясения и забыть. Но ведь чем-то она эти двадцать минут занималась? Любовалась на лицо бывшего возлюбленного? Так он лицом вниз лежал, так что любоваться можно было, в крайнем случае, затылком. Деньги искала? Следы своих визитов в эту квартиру? Чушь! Тогда точно от ножа избавилась бы, тут уж на потрясение не свалишь. Да и эксперты говорят, что никаких таких особых поисков в квартире

не производилось. Значит, пришла, накричала, убила, посидела четверть часика — и восвояси отправилась? Бред! Таких идиотов не бывает. Даже идиоток таких — все равно не бывает.

А предполагаемое поведение самого хозяина? Разгневанная женщина — если Гордеев не ослышался с этим «хватит» — предъявляет ему претензии, а он, лапочка, спиной к ней поворачивается. Ничего ни с чем не вяжется. Ах, да, нож-то хозяйский, из кухонного набора. То есть получается, Дина входит и одновременно с объяснениями «милый, ты не прав» успеваешь сходить на кухню за ножом. А хозяин на все это благодушно смотрит и даже предупредительно подставляет спину. Такого не может быть, потому что не может быть никогда!

Хороший адвокат от подобных обвинений камня на камне не оставит. Особенно, если дело будет перед присяжными рассматриваться — а это, опять же, от адвоката зависит. Кстати, что-то такое Валентина Николаевна насчет адвоката говорила, а я не слушала...

Однако насчет «хватит» и звуков падения Гордеев мог ослышаться. Тогда Динины дела плохи. Совсем плохи. Уж больно складно все подобралось. Предполагаемый мотив — для меня он сомнителен, а на деле очень может быть. Любовь, понимаешь ли. Народ вокруг нее такого, бывает, накрутит, что Шекспир в гробу перевернется от зависти. Значит, мотив у Дины, в общем, был — это раз. Пальчики на ноже и кровь на одежде — два. Гордеевские показания, то есть отсутствие других подозреваемых — три.

А если не Дина, то кто? Понять бы — как, так, глядишь, пойму и — кто. Если убийца пришлый, очевидно, он должен был уложиться в те восемьдесят минут, которые прошли между «визитом» Гордеева и появлением Дины. Прокрался, значит, пристукнул Челышова и смылся. Да еще ухитрился сделать это так, чтобы сосед его не заметил. Шустрый такой убивец. Нет, все-таки со временем что-то не то. Перчики-помидорчики соседу Гордеев принес — это и Танечка сказала. Даже если хлеб, ветчину и осетрину Челышов нарезал до соседского визита — салат он начал готовить после. К тому же салат покойник резал на кухне, а убили его в комнате. То есть, сложил он все в миску, и в этот момент прилетел наш шустрый убийца, сделал свое кровавое дело и испарился. Тут и Диночка появилась, дабы свои пальчики оставить и в крови испачкаться. А через полчаса после того, как двое соседей видели Челышова еще живым, и труп, и нож, и пальчики были уже на месте. Не то со временем, совсем не то. Получается, что у преступника на все про все было от силы минуты две, а, скорее всего, и того меньше. Пришел, зарезал, убежал? Или все не так происходило? Может, господин Гордеев врет? Видел кого-то, кого не желает называть? Или, быть может, он сам соседа жизни лишил? Это хорошо объяснило бы противоречие между явной симпатией господина Гордеева к Дине и убийственными для

нее его показаниями. А за мотивом и ходить далеко не надо. Деньги должны были у Чельшова иметься. Уже тысяч десять долларов для скромного пенсионера — сумма почти фантастическая, а могло быть и гораздо больше. Но почему тогда господа эксперты не нашли следов гордеевского пребывания в квартире покойника?

Впрочем, чушь все это несъедобная. И, собственно, чего это я тут сижу? Не успела так подумать, как на двенадцатом этаже открылась чья-то дверь, и я вскочила со ступеньки. Из квартиры над гордеевской вышло фантастическое создание. Из-под крошечной шляпки сияли чистые голубые глаза, розовое улыбающееся личико обрамлялось седыми кудряшками, почти буколькоками, ручки были чинно упрятаны в беленькие нитяные перчатки. Создание, не то растеряннo, не то задумчиво, обвело ясным до прозрачности взглядом окружающую действительность и, заметив меня, улыбнулось:

— Деточка, вы ведь мне поможете?

Я изобразила на лице самую любезную и доброжелательную из улыбок и поднялась к открытой квартире. Создание повело ручкой:

— Видите? Им ведь нехорошо без свежего воздуха, правда? Им тоже погулять хочется. А я одна не справлюсь.

Сразу возле двери в квартиру, на подзеркальнике трюмо, еще более древнего, чем сама хозяйка, красовалось полдюжины цветочных горшков. Герань, фиалки, алоэ и еще какая-то обыденная растительность. Вся наличная флора явно знавала лучшие времена.

Голубенькие глазки смотрели на меня с безграничной надеждой. Судя по всему, бабуля решила вынести своих питомцев на прогулку. На прогулку. Цветочки. Да. А ведь такой ясный взгляд...

— В обычный день они и дома посидят, а сегодня пенсию принесли, несправедливо, если я буду одна радоваться...

Я обреченно наклонилась к подзеркальнику, соображая, как бы ухватить пять горшков сразу — надо полагать, с одним-то хозяйка и сама справится, и ухитрилась сгрести в охапку не пять, а все шесть горшков и двинулась к лифту, попутно соображая, каким из локтей удобнее будет нажать на кнопку вызова.

Отделаться от тети Флоры — так я для себя назвала милую старушку — удалось лишь через час. И — нет худа без добра — диковинный персонаж сдвинул мысли с мертвой точки. Подумаешь, динины «пальчики»! Задача для дошкольника.

8

По чести сказать, лучше бы голова моя оставалась на месте. А еще говорят, что маразм не заразен. Как же! Уж если начался всесоюзный съезд крыш, никуда не денешься, поедешь вместе с окружающими.

Приехала я в итоге к некоей идее. В первый момент она восхитила меня своей бредовостью настолько, что я сочла ее гениальной. И внутренний голос меня не остановил — заснул, надо полагать.

А решила я — всего-то — понаблюдать за господином Гордеевым. Вопреки логике, вопреки собственным впечатлениям — из чистого абсурда!

Топография местности привела бы в восторг любого топтуна. Площадка между одиннадцатым и двенадцатым этажами позволяла устроиться так, чтобы не выпускать из виду гордеевской двери, оставаясь при этом незамеченной. Если, конечно, ему не взбредет в голову пойти к мусоропроводу. Или Танечке... У каждого из них тогда возникнет естественный вопрос — чего это я тут сижу, ответить на который будет весьма затруднительно. Или, хуже того, еще какая-нибудь гениальная идея родится у тети Флоры.

Я задумалась...

У любой уважающей себя героини современного детективного романа в случае необходимости при себе обнаруживается полный комплект бахла, потребного для радикального изменения внешности. Разумеется, дамская сумочка суть вещь в себе, наружные размеры которой не имеют никакого отношения к потенциальной емкости. Но все же, все же. Ведь они, героини, оттуда извлекают все подряд — от париков до армейских ботинок. Скромная журналистка Рита Волкова такому, увы, не обучена. Отвертка или там плоскогубцы в моей торбе еще могут случиться — но не более того. Хотя армейские ботинки мне сейчас не помешали бы. Или даже лучше ролики. Плюс наколенники, налокотники и бандана. Подростка на роликах никто всерьез не воспримет. Увы, бесплодные мечтания... Кое-что, если постараться, я найду — косметику там, пару булавок, шпильки. Прическу, положим, тоже смогу поменять. Ну и что толку? Воспринимается-то в первую очередь общий рисунок. Честертон уверяет, что лучшая маскировка — какая-то униформа. Например, почтальона или посыльного из бакалейной лавки. Их вообще никто в упор не видит. Логично. Только мы-то не в Англии. Почтальоны наши ходят, в чем бог послал, а как выглядит посыльный из бакалейной лавки, я себе что-то плохо представляю. Скорее всего, остальное население тоже. Разве что разносчик пиццы, но эта фигура для нашего города пока почти экзотика. Можно еще попытаться раздеть ближайшего постового, но, боюсь, после этого мне придется либо просить помощи любимого майора, либо, как минимум, на неделю моя жизнь станет размеренной и... Стоп! Униформа может быть разной, вопрос лишь в том, что именно считать униформой.

Часы сообщили, что с того момента, как тетя Флора скрылась в своей квартире, прошло две с половиной минуты. Пора, однако, что-нибудь уже решить. Так. Помнится, в одном из соседних дворов мелькал пивной киоск.

И еще не забыть для себя взять минералки, иначе точно помру от обезвоживания. Я вздохнула, проверила по карманам наличие и отправилась на подвиги.

9

Компания у трансформаторной будки, к счастью, еще не рассосалась. Более того, в печальных взорах, устремленных на остатки пиршества, без всякого переводчика читалось «маловато будет». Обстановка для знакомства имела место быть самая благоприятная. Если даже у народа и были какие-то сомнения на мой счет, предложение «а может, по пивку?» ликвидировало их в самом зародыше. Нужный мне подъезд от будки был виден, как на ладони, что позволяло более-менее убить сразу двух зайцев. Немного смущал час, потерянный с «тетей Флорой», но тут уж я ничего поделать не могла, оставалось надеяться на лучшее.

Меньше чем через полчаса я оказалась временной владелицей странного вида рабочих штанов типа «советская джинса», почти целой тельняшки и порванных шлепанцев. Меня заверили, что «не сомневайтесь, чистое, для себя берегу». В штанах, правда, могло поместиться две таких, как я, но тем лучше. Вместо пояса пришлось использовать ремешок от собственной сумки. Шлепанцы я, поморщившись, надела на босу ногу.

«Поменять лицо» — не проблема для любой женщины. Правда, обычный макияж призван улучшить внешность, но какая, собственно, разница? Тут главное — не переусердствовать. Орудия тремя-четырьмя карандашами, я нарисовала себе мешки под глазами, наметила морщины и, главное, сделала воспаленную, неровную кожу. Темные очки сняла. Волосы неровно, оставляя «петухи», зачесала, собрав в старушечий пучок на затылке. Чтобы не блестели, слегка намазала для жирности гигиенической помадой и потерла пудрой — пылью не отважилась, пожалела. Из зеркала на меня смотрело нечто почти бесполое, лет если и не шестидесяти, то уж пятидесяти — наверняка. Под девизом «жизнь ее пыталась прожевать, но от отвращения выплюнула». Великолепно!

Тот тип, что бегал за пивом, одолжил мне пластиковый водочный ящик и даже самолично отволол его в нужный подъезд. Он вообще вился вокруг меня, как курица над только что снесенным яйцом. Кавалер, блин!

Я устроилась со всем мыслимым в данных условиях комфортом и в ожидании развития событий предалась размышлениям, пытаюсь выстроить хоть какую-то правдоподобную конструкцию.

Если Челышова убил сосед, все может быть очень просто. Танечка-то подтверждает, что в начале четвертого Челышов был еще жив, и Гордеев к нему не заходил, только пакет с покупками отдал. Но «начало четвертого»

и «четверть четвертого» — это, как сказали бы в Одессе, две большие разницы. А точнее, те самые десять минут, которых вполне хватило бы любому, а уж тем более Гордееву. Предположим, минут через десять после вручения покупок он зашел к Чельшову еще раз. Зачем зашел? Сказки братьев Гримм попросить для вечернего чтения. Прошлепал на кухню, взял нож, зарезал соседа, схватил деньги и смылся. И тут повезло — пришла Дина. А может, это даже и не везение вовсе? Гордеев-то вполне мог знать о ее предполагаемом визите и использовал его. В таком раскладе Дина могла схватиться за нож случайно, вот вам и «пальчики». А уж в кровь наступить еще легче.

Неувязки в такой версии есть, конечно, но все же не такие уж громадные.

Неувязка первая. Мог ли Виктор Ильич знать, где Чельшов хранит деньги? Маловероятно, но возможно. Мог ли, не зная, быстро их найти? Тоже не исключено, хотя тоже маловероятно.

Неувязка вторая. Почему он сказал, что громкое «хватит» и звук падения раздалось почти сразу, как Дина вошла в квартиру? Это настолько глупо, что может быть и правдой. Ибо солгать можно было и поубедительнее.

Неувязка третья. С какой стати Дина вообще хваталась за нож? Да не просто хваталась — если бы «хватка» не подходила к удару, эксперты бы тут же о том сообщили.

Неувязка четвертая. Почему она торчала в квартире почти двадцать минут? Или не торчала? Это ведь Гордеев сказал, во сколько она пришла, во сколько ушла. Может, она пришла уже, например, без двадцати четыре и тут же убежала, обнаружив труп, — только и успела, что схватиться за нож и уронить его возле тела.

Кстати, вторая неувязка с этим очень хорошо сочетается. Подсознательно Гордеев помнит, что визит Дины был весьма краток, вот и сказал, что крик и удар раздалось почти сразу после ее появления.

Ох, вот что мне нужно: когда именно Дина появилась в квартире Чельшова — по ее собственному мнению.

В общем, эти четыре дырки с некоторыми допущениями залатать можно. А другие?

Честно говоря, я почти уверена, что Виктор Ильич говорил мне правду. Это раз.

Почему сама Дина молчит? Это два.

И что все-таки означает чистенький телефонный аппарат?

10

На двенадцатом этаже открылась какая-то дверь, и женский голос строго сказал:

— И смотри у меня, чтобы никаких лифтов!

Женскому голосу ответил детский, причем крайне возмущенный:

— Ну, мам, я что, маленький?! Я же обещал!

— Ладно-ладно, беги уж, взрослый, — рассмеялась женщина.

На лестнице послышалось ритмичное бумканье. Через минуту в поле моего зрения показалось дитя лет примерно шести от роду в сопровождении велосипеда типа «Дружок» — бумкали по ступенькам его колеса. Велосипед выглядел выдавшим виды, дитя напоминало негатив: загар «а ля индеец», выгоревшие до белизны волосы, светло-зеленые шорты и такая же майка. Из «негативного» образа выпадали лишь глаза, темные и блестящие, как спелые вишни. «Вишни» некоторое время изучали меня, затем дитя придвинулось ко мне и спросило страшным шепотом:

— Ты шпион, да?

Я чуть не свалилась с ящика.

— Как тебя зовут, пронизательный ты мой?

— Славик, — ответило чадо и вдумчиво пояснило: — По-настоящему Вячеслав, это когда папа считает, что я неправильно себя веду. А взрослые, значит, всегда неправильно себя ведут? Их ведь всех по-настоящему зовут? Я у мамы спрашивал, она только смеется. А его, — кивнуло дитя на велосипед, — зовут Рокки. Он только делает вид, что маленький, а на самом деле — у-у-у!

— Серьезная машина, — согласилась я.

— Рокки — означает каменный, а он железный, смешно, правда? А что такое Вячеслав, мама не знает. И папа тоже, так его дедушку звали, и меня теперь в честь него. А ты не знаешь?

Вообще-то «рокки» — это «скалистый», но поправлять пустяковую неточность я не стала. Зато могла ответить на интересующий чадо вопрос.

— Имя старинное, так что точно сегодня уже никто не знает. Есть разные варианты. Чаще всего считают, что имя Вячеслав произошло от слова «вече». Было в древнем Новгороде такое народное собрание.

— Знаю! Вроде нашей думы. У меня есть эн-цик-ло-пе-дия. — Выговорив трудное слово, Славик перевел дух. — По истории. Для детей, — уточнил он с нескрываемым презрением. — Там картинка: все серые и шапки бросают.

Признаться, более краткого и точного описания принципов народовластия я не встречала — «все серые и шапки бросают», ну надо же!

— Вот-вот. Тогда получается, что Вячеслав — тот, кого прославило народное собрание. Вече.

— Там же «е»! А у меня «я», — удивился Славик.

— А ты уже буквы знаешь? Может, ты еще и читаешь?

— Конечно! — оскорблено фыркнуло чадо.

— Тогда ты можешь знать, что гласные умеют чередоваться. А насчет «вече» — столько лет уже прошло, и все равно сегодня никто точно не знает, как на самом деле в те времена произносилось «вече». Устраивает?

— Нормально.

— Можно теперь я спрошу?

Чадо пожало плечами, дескать, валяй, не возражаю.

— Почему ты решил, что я шпион?

— Подумаешь! — фыркнул Славик. — Сразу видно. У таких старых тетенек не бывает таких ногтей. И вообще у них все руки в узлах, а у тебя гладкие. И шея, — добавил он после некоторого раздумья.

Да-а. Шея ладно, на шею можно платочек повязать. А с маникюром я прокололась. Ногти-то короткие, но обработанные как полагается. Впрочем, все равно я ничего сейчас с этим не сделаю.

— А ты по правде шпион? — настойчиво повторило дитя свой вопрос.

— Нет, не совсем, — честно ответила я. — Знаешь, несколько дней назад у вас...

— А-а, — равнодушно повел он узким плечом. — Этого зарезали, — махнул в сторону нижнего этажа, — который «дурью» торговал.

— Господи, ты-то откуда знаешь? — удивленно воскликнула я. Ну и дети пошли... Времена, что ли, такие перевернутые? Глядишь на дошкольного ребенка, слушаешь его и кажется, что ему, по меньшей мере, лет шестьдесят. Жуть!

— Полиция приехала, труп выносили — как в «Разбитых фонарях»...

— Про убийство понятно, а про «дурь» откуда?

— Все знают, — опять фыркнуло хорошо информированное дитя.

Следующий вопрос я задала по какому-то наитию:

— А нет ли чего-то такого, чего никто, кроме тебя не знает? Может, до того, как полиция приехала, ты что-то видел? Кто-то в подъезд входил или выходил...

Я глядела на Славика, как святой отшельник на посланца небес, но мой юный собеседник, похоже, уже потерял всякий интерес к разговору.

— Я — че, смотрел, что ли? — но, немного подумав, все же добавил нечто более содержательное: — А! Машина за нашим углом стояла, я ее раньше не видел.

— Ты что, все здешние машины знаешь?

— А как же!

— И когда она стояла? Когда полиция приехала?

— Не, раньше. Я поел и гулять вышел, дом объехал, а она за углом стоит.

— Когда полиция приехала, она еще стояла?

— Не, уехала, давно уже.

— Ты видел, как она уехала?

— Ага. Интересно было, чья это.

— И чья же?

— Не знаю, дядьки какого-то, не нашего, — нахмурившись, ответил Славик.

— В каком смысле, «не нашего»?

— Ну-у... Он из нашего подъезда вышел, а сам тут не живет, я его не знаю.

— Что за дядька?

— Дядька как дядька, обыкновенный. А это он убил?! — В глазах чада снова заблестел интерес.

— Не знаю, Славик, — вздохнула я. — Как он хоть выглядел?

— Да обыкновенный. Старый уже.

Старый? Что за новости? Ах, ну да, ребенку даже восемнадцатилетние кажутся стариками.

— Старый, как тот, которого убили, или как его сосед?

— Не, сосед совсем уж... Как тот, которого убили.

— Черный, белый?

— Негр, что ли? — развеселился Славик. — Нет, обычный дядька, — кивнул он и серьезно добавил: — Не кавказец.

— Наверное, в большой шляпе, да?

— Не было у него никакой шляпы!

— Волосы какие?

— Не помню. Средние, наверное.

— Очки темные, шпионские и борода?

— Не, бороды не было. Очки? Не помню, может, и были. Да не смотрел я на него! — Славик, кажется, обиделся сам на себя: вот, может, видел самого убийцу, и внимания не обратил. — Я же на машину смотрел. Три раза дом объезжал, а она все стояла.

— Машину-то хоть запомнил?

— Че там запоминать! Так себе тачка, обыкновенная.

— Ну, какая обыкновенная? Цвет хотя бы...

— Белая «пятерка». Стекла не тонированные. Уже подгнившая. Красили давно, — скучно перечислял Славик. — На правом крыле клякса, ну, наклейка. Новенькая.

— Почему ты так решил?

— Гладенькая, блестящая... да видно же, что новая, недавно приляпали. Какой наблюдательный мальчик...

— А на ветровом стекле ничего не висело?

— Три обезьянки.

— Что, сразу три? — удивилась я.

— Ну, эти, которые спиной друг к другу и... — Славик поочередно зажал уши, глаза и рот, демонстрируя позы классической восточной троицы «не вижу, не слышу, не говорю злого». — Вот такие, — показал он их размер в половину своей ладони. — Вроде все. Номер надо?

Тут я чуть не свалилась со своего ящика во второй раз.

— Славик! Хочешь, я тебе мороженого куплю? Три порции. Или пять. Сколько хочешь!

— Не, я не люблю сладкое, — равнодушно отказалось дитя.

— А что ты любишь? — заинтересовалась я с некоторым трепетом. Я ведь уже знала, что чадо любит машины. А вдруг оно пожелает последнюю модель «ягуара». Или гоночный велосипед. Или хотя бы черной икры. Финансы, оставшиеся у меня после угощения трансформаторной компании, таких роскошеств не позволяли. К счастью, дитя за свою жизнь, похоже, уже успело научиться соизмерять свои желания с действительностью и поведало жутким шепотом, что любит минералку, особенно с газом. Это была удача. В смысле, любовь к минералке. Я отдала ему свою бутылку, где не хватало не больше стакана. Славик тут же отвинтил пробку и забулькал. А я тем временем достала блокнот и ручку. Запомнить три буквы и три цифры — не проблема, но когда записываешь, оно внушительнее выглядит.

— Номер сильно грязный был, но все точно — «А семь два шесть ХО», наш, городской, — сообщило дитя и, распрощавшись, двинулось вниз, бумкая на каждой ступеньке.

Странно. Все вокруг кричат о разрушении генофонда, о том, что юное поколение ничем не интересуется, а мне как-то везет на совершенно восхитительных детей. Причем разнообразно восхитительных. Вот Славик этот. Острый, наблюдательный, котелок варит так, что дай бог взрослому. Лелькин Дениска — ох, что-то давно я у них не была — живой огонечек. Ненаглядный мой гений компьютерный — Кешка. Если бы не вечные школьные фокусы, уже, надо думать, аттестат бы экстерном получил, так что не совсем вроде и дитя, но все же. Да и прочие разные, встречавшиеся на моем жизненном пути...

А может, это не мне так везет, может, все дети такие талантливые? Это взрослые их потом под себя обтесывают...

Лифт остановился на одиннадцатом этаже. Так, так, так. Не зря я тут сижу, сейчас поглядим. Я осторожненько выглянула из своего укрытия...

И почувствовала себя примерно как та кошка, перед которой биологи-экспериментаторы поставили миску сметаны, взорвали над головой хло-

пушку, почесали за ухом и щелкнули фотовспышкой. Одновременно. Из лифта вышел Гордеев. И направился, как легко догадаться, к двери своей квартиры.

Пока я угощала трансформаторную публику пивом, я глаз с подъездной двери не сводила. Значит, прозевала, когда гримировалась. Или пока растительность выгуливала. Да какая теперь разница! Тьфу! Мата Хари уездного разлива!

11

Телефонный звонок я услышала еще на площадке, поэтому отпирание двери заняло вдвое больше времени, чем обычно. Почему так получается — когда торопишься, хочешь побыстрее, времени тратится больше?

— Маргарита Львовна, я — Вадим Демин. Вам это что-нибудь говорит?

— Да, — коротко отозвалась я, ожидая продолжения.

— Валентина Николаевна говорит, что мне надо с вами встретиться.

Это прозвучало довольно-таки странно. В самом деле — его возлюбленную подозревают в убийстве, дело почти закончено, вот-вот уйдет в суд, а он? Да он должен бегать по всем инстанциям и спасать свою ненаглядную! «Валентина Николаевна говорит, что мне надо с вами встретиться». Чудеса!

— Ну, если Валентина Николаевна так считает, давайте встретимся, — сказала я и пригласила его к себе.

Надо отдать Демину должное — явился он минута в минуту. И в первый момент я, признаться, немного опешила. За дверью стоял сказочный принц. Тот самый, которого, по общему убеждению, ждет любая девушка. Я даже выглянула на площадку — нет ли там белого коня. Коня не было.

— Можно войти?

В светлом пространстве кухни «принц» выглядел еще возвышеннее и нереальнее. Темноволосый, изящный, даже хрупкий — таких можно увидеть на иллюстрациях к волшебным сказкам. Джинсы и футболка смотрелись на нем сущим анахронизмом. Ему бы расшитый камзол, развевающийся плащ, берет со страусиным пером, даже не берет, а корона...

Беседа у нас получилась какая-то аморфная и беспредметная. Вадим впервые встретил Дину у Чельшова — когда деньги принес. Предпоследнее. Понять было трудно — сплошное «беканье» да «меканье», но вроде бы он уже все это безобразие бросил, и оставалось только расплатиться по прежним долгам. Он, видите ли, будущий медик, и, узрев на практике последствия, испугался. Услышав, что он будущий медик, я, признаться, испытала некоторый шок, до такой степени избранная профессия не совпадала с внешним обликом. Медицина — профессия предельно земная и сугубо практическая, а тут такое небесное создание.

Впрочем, это пустое. Итак, встретил Дину и в первый момент решил, что она тоже... Не в смысле тоже бросила, а в смысле тоже у Челышова снабжается. Впечатление она на Вадима произвела неслабое, и он, как и положено сказочному принцу, решил ее спасти. Очень благородно. Спасти для себя, конечно. Чтобы уж получилась та-ака-ая любовь...

Все полтора часа я безуспешно пыталась понять — а знал ли милый мальчик об отношениях Дины и Челышова. То мне казалось так, то эдак. Но ведь она даже могла сама сказать, и тогда... Либо банальная ревность, либо возвышенное стремление избавить возлюбленную от проблемы. А что? Чем не мотив и чем не подозреваемый? Ума и силенок не густо, только и есть, что смазливая рожца да возвышенные идеалы, но если он будущий медик, удар ножом в нужное место — не проблема. И принцесса будет спасена...

Отчаявшись разобраться в изливаемых на меня романтических наворотах, я, в конце концов, избрала тактику прямолинейную, как телеграфный столб. Вдруг разозлится и наговорит лишнего.

— Вадик, ты давно последний раз у Сергея Сергеевича был?

— Недели две назад... И еще...

— Что — и еще? Может, ты его видел не дома, а где-то в городе?

— Нет, конечно! — возмутился он.

О, как! Можно подумать, я обвинила его в чтении чужих писем. Разве в том, чтобы с кем-то увидеться, может быть какой-то криминал? Станный мальчик.

— А в тот день, когда он погиб, ты с ним не виделся?

Я-то знала, что нет — покойник весь день сидел дома, а въедливый Гордеев никаких визитеров не видел, — но мало ли... Вадик ведь про Гордеева не знает...

— Нет! Не был я у него!

— Вадик, да не нервничай так. Если ты, например, договорился с ним в тот день встретиться и не пришел — в этом ведь нет ничего дурного.

— С какой стати я должен был с ним встречаться? — ошетинился он.

— Да ни с какой, я же сказала — например.

— Если меня кто-то видел, то это вранье, я... я на пляже был!

— Вадик, а у Дины дома ты часто бывал?

— Да нет, мы обычно гуляли. У нее с отчимом не очень хорошие отношения были, она старалась с ним не пересекаться. Заходили, когда дома никого. Может, раз в неделю, не чаще.

— Прошу прощения за нескромность — вы с ней спали?

— Мы любили друг друга! — гордо отрезал сказочный принц.

А что это он в прошедшем времени — не «любим друг друга», а «любили»?

— Понятно-понятно. Но все-таки? Не сердись. Я просто хочу понять

ваши отношения. Может, у вас было сплошное родство душ, так что физическая сторона вас просто отталкивала?

— С чего бы это она должна была нас отталкивать?!

Ох, и внушаемый мальчик, сил моих нет. Нет бы, послать наглуго Маргариту Львовну куда подальше — мол, насколько далеко наша любовь зашла, к смерти господина Чельшова отношения не имеет и иметь не может, и вообще не ваше дело. Нет, выкладывает, как на духу:

— Нам было хорошо вместе, в том числе и в постели, если угодно знать!

Резкость заявления поразительно контрастировала с манной кашей предыдущих ответов. Не надо было и хрустального шара, чтобы понять — врет. Врет, как сивый мерин. Не допускала его Дина до себя. А вот почему... Такой весь из себя принц, не мальчик — мечта ходячая... Ну ладно, пусть его.

— Вадим, а как Дина к Чельшову относилась?

— К Сергею Сергеевичу? Она его ненавидела.

— Из-за тебя?

— Почему из-за меня? — удивился Вадик. — У меня там все нормально закончилось. Зачем я ему нужен? Нет, она... Она говорила, что он всю душу из нее вынул, а на самом деле ему нужно было только тело.

— Это ты так думаешь, что ему только тело было нужно?

— Дина так говорила.

Н-да, весело. Остается предположить, что этот сказочный принц при столь восхитительно одухотворенной внешности мозгов не имеет абсолютно. Только полный идиот может сообщать все это и не понимать, что каждым словом он затягивает веревку на шее Дины. Собственно, не веревку, у нас не вешают, да и вообще пока что на смертную казнь мораторий — но это уже не принципиально. Закапывает, одним словом. Только крестик воткнуть осталось.

12

Как рекомендуется во всех классических детективах, я выписала на отдельный лист всю известную информацию.

Дина. Ей кто-то позвонил, после чего она кинулась к покойнику. То есть, еще не покойнику, поскольку в четверть четвертого он, по словам вдумчивого Гордеева, отчасти подтвержденным соседкой Таней, был еще жив. Появилась там, по словам того же Гордеева, в двадцать пять минут четвертого, ушла без четверти четыре. Что делала в эти полчаса — неизвестно. Молчит, на вопросы не отвечает.

Валентина Николаевна поначалу рьяно бросалась в бой, затем как-то остыла.

Гордеев сразу после моего визита куда-то уходил. Может, просто на рынок за продуктами, может, прогуляться, а может, и еще куда-то. Имеет ли это значение? Черт его знает!

Вадик врет, что они с Диной были близки, и врет, что в момент смерти Челышова был на пляже.

У дома в это время стояла чужая белая «пятерка».

На орудии убийства Динины «пальчики», зато на телефоне — вообще никаких.

В целом получался бред. Злокачественный. Шизофренический. А может, параноидальный. В общем, пора звонить психиатру.

— Ильин, мне кажется, что, после того как ты втравил меня во все это безобразие, ты, как честный человек, просто обязан на мне жениться.

В трубке послышалось сдавленное бульканье, непонятный хруст, затем голос ненаглядного ответил:

— Когда мадам угодно? Завтра? Сегодня уже поздногато.

— Мадам пока угодно истребовать аудиенции. И только попробуй сказать, что занят до самой пятницы!

— Не попробую, — хмыкнул Никита. — Тем более что пятница — сегодня.

Явился он моментально. Вот если бы не труп господина Челышова, маячивший где-то в отдалении, можно было бы потешить самолюбие, решить, что Никитушка неровно ко мне дышит, и «ковать железо». Но дело — прежде всего. Надо бы уже слушать, что он говорит.

— Может, тебе подушку принести? — вывел меня из задумчивости голос Ильина.

— И ничего я не сплю! — огрызнулась я. — Это ты все время о сне думаешь, вот тебе и мерещится. А мне с закрытыми глазами слушать удобнее. Я, может, так лучше сосредотачиваюсь.

— А-а... — понимающе протянул Никита. — Тогда приношу свои извинения. И какие же плоды принесло ваше сосредоточение?

— Желтого не хватает! — автоматически выпалила я.

— Почему желтого? — удивился Никита. Он, конечно, привык к моим неожиданным броскам, но это, похоже, было чересчур.

— Чтобы полный светофор был. Ладно, забудь, проехали! А знаешь ли ты, что примерно в то время, когда убивали господина Челышова, возле дома, точнее, почти за ним стояла чужая машина?

— Откуда дровишки? — Ильин заинтересованно вздернул бровь.

— С народа, вестимо. А Дине, перед тем как она к Челышову побежала, кто-то звонил.

— Угу, с челышовского номера.

Вот так вот, запросто, да? Я тут мучаюсь, пытаюсь придумать, что за звонок выдернул Дину из дома и погнал к бывшему, а, оказывается, все совсем просто.

— А ты откуда знаешь?

— Обижаешь честного оперативника, — хмыкнул Никита. — И что, тебе легче оттого, что звонок был из челяшовской квартиры?

— Да вообще-то не очень. Я и сама так думала, только не знаю, куда это прицепить.

— Вот и я не знаю, — вздохнул Ильин. — Лучше объясни, что еще за машина?

— Народ не в курсе. Чужая, не местная.

— А твой «народ» что, все местные машины знает?

— Все, — подтвердила я.

— Это, часом, не сосед?

— Нет, тем более, что у него окна не туда выходят. Да и чего там с одиннадцатого этажа разглядишь.

— Ну, хорошо, стояла машина, и что? Сколько в доме народу? С чего ты взяла, что машина, даже чужая, имеет отношение к убийству?

— Да, скорее всего, никакого и не имеет. В подъезде сорок восемь квартир, и приехать могли куда угодно. Правда, в это время в половине квартир хозяева отсутствуют, но, конечно, и двадцать четыре многовато.

— Да погоди ты, не тарахти! С чего ты вообще взяла, что машина приехала именно в этот подъезд?

— Потому что из нее вышел некий мужчина, вошел «именно в этот подъезд», — передразнила я Никиту. — Затем вышел — «именно из этого подъезда», сел и уехал. А через какое-то время приехали ваши.

— Черт! Придется повторно опрашивать, к кому был гость. Может, он кого-то дома не застал?

— Это вряд ли. Слишком долго машина стояла.

— Ладно, твой народ описать этого визитера может?

— Нет, не думаю. Возраст средний, рост тоже, не негр, бороды нет, очки, может, и были, цвет волос неизвестно какой.

— М-да. Ну, и то хлеб, не все же свидетели вроде Гордеева. А машину, значит, запомнил?

— Значит, запомнил, любит он их, видишь ли. Я сказала бы даже, более чем запомнил.

— В каком смысле?

Я пересказала Ильину все, что услышала от Славика. Сохраненный для потомков номер произвел на него даже большее впечатление, чем на меня.

— С ума сойти! Если только машина не в угоне, конечно. Да и сам водитель, скорее всего, не имеет отношения к убийству — что-то не верится в такой полный идиотизм: приехать, поставить машину у дома, подняться, зарезать и уехать, не обращая внимания на то, что машину мог кто-то заметить — но это же возможный свидетель. И какой — просто мечта! Был в подъезде примерно в нужное время, мог что-то видеть, слышать и вообще... Ну, Рита, не ожидал! Пора тебе фамилию менять.

Я едва не свалилась с диванчика. Фамилию менять? Как-то раз господин Ильин уже пробовал примерить мне обручальное кольцо — я, правда, решила тогда, что это такой специфический юмор. Хотелось бы знать — сейчас тоже юмор? Я похлопала глазами — этакое безмозглое создание, из тех, которые так нравятся мужчинам. Но получилось не очень убедительно. Роль очаровательной идиотки мне никогда не удавалась.

— Чего-то я не понимаю. При чем тут моя фамилия?

— При таких талантах, свет моих очей, тебе не Волковой надо называться, а Кио. Или Акопян. Кроликов из шляпы доставать.

Тьфу, ты! Интересно, мания величия присуща всем женщинам, или это только у меня сдвиг на почве собственной неземной привлекательности для противоположного пола? Почему это формула «пора менять фамилию» тут же пробудила в памяти не что-нибудь, а историю с обручальным кольцом?

Самое смешное, что ясные и недвусмысленные предложения руки и сердца — их, наверное, получает время от времени любая особа женского пола — пугают меня до такой степени, что я начинаю озираться в поисках чего-нибудь, способного заменить сапоги-скороходы. Но, тем не менее, если месяц-два никаких предложений не поступает, как-то не по себе становится — как при авитаминозе.

Кстати сказать, популярную легенду про то, что, мол, все женщины хотят замуж, наверняка придумали сами мужики. По моему скромному опыту, дело обстоит как раз с точностью до наоборот: только-только романтическая история расцветет всеми положенными ей цветами, мужики сразу: «давай жениться». И, конечно, тут уж не до романтики.

13

Вячеслав Платонович, адвокат и по совместительству друг семьи Вишневских, встречу с которым устроила Валентина Николаевна, оказался маленьким кругленьким мужчинкой. Лысина, окруженная серовато-седым венчиком, перхоть на воротнике и в довершение всего — обгрызанные ногти. М-да! Воля ваша, но преуспевающего адвоката я представляла себе как-то иначе.

— Вячеслав Платонович, скажите мне — не как адвокат, как адвокат вы обязаны быть убеждены в невинности подзащитного — просто как человек. Вы сами верите, что Дина не убивала?

Вячеслав Платонович внимательно посмотрел на меня и очень серьезно ответил:

— Да. Понимаете, Рита, я очень хорошо знаю Ваю. Дину, конечно, я знаю не так близко, но она росла на моих глазах...

— И вы, следом за Валентиной Николаевной, полагаете, что «она этого сделать не могла».

— Не совсем так, — мягко возразил Вячеслав Платонович. — Я почти тридцать лет работаю адвокатом, поэтому знаю — убить может любой человек. В зависимости от сложившейся ситуации. Но некоторые вещи не меняются. Я имею в виду особенности склада личности. Дина — умная девочка, а умный человек не может в одночасье поглупеть. Тем более что история тянулась достаточно долго. Валя... Она мать, она, конечно, ничего такого не предполагала. Но я-то видел, что у Дины кто-то появился и... Мне, знаете, трудно это сформулировать... В общем, мне казалось, что Дина попала в какую-то зависимость и пытается из нее выбраться. Каюсь, я даже заподозрил наркотики. Было такое. Потом понял, что дело не в этом. Я видел как-то ее с этим, с Челышовым. И... ей-богу, лучше бы это были наркотики. Грех так говорить, но, положив руку на сердце, так я в тот момент и подумал, когда увидел, как она на него смотрит.

— Я, наверное, не понимаю. Ведь в таком случае у Дины был о-оч-чень основательный мотив.

— Да-да, конечно. Извините, я несколько отвлекся. Видимо, вы уже предполагали что-то подобное. Но, в сущности, как бы она ни относилась к Челышову, как бы ни пыталась от него освободиться, я вовсе не утверждаю, что Дина не могла убить. Каждый может. Но сама ситуация... если хотите, сама структура этого убийства... Это совершенно противоестественно. Невероятно. Во-первых, я не могу поверить, что Дина способна впасть в состояние аффекта. Чего-чего, а уж трезвости в помыслах и поступках ей всегда было не занимать. Даже в пятилетнем возрасте. И... может, это прозвучит, как противоречие с предыдущим, она всегда была немного...

— Не от мира сего?

— Что-то в этом роде, — согласился господин адвокат. — Еще точнее, «вещь в себе». Видите ли, я полагаю, что, если бы она убила... Хотя нож и она — совершенно несовместимы. Но об этом чуть позже. Даже если бы все сложилось именно так, она вообще не стала бы выходить из квартиры, я думаю. И уж тем более не стала бы так странно молчать перед следователем.

— У нее что, атрофирован инстинкт самосохранения?

— Он не атрофирован, он развился в довольно странной форме. Валя не очень активно занималась дочерью, и знаете, мне кажется, что это лучший вариант воспитания. Дине не мешали расти, как ей хочется. А в результате... Это трудно объяснить, но меня действительно больше всего настораживает именно ее молчание. Она могла бы отказаться объяснять, почему, но никогда не попыталась бы скрыть сам факт, само событие. Дина — очень гордая девочка. Очень. Насколько я ее знаю, Дину совершенно не волнует ни мнение окружающих, тем более таких далеких для нее людей, как, например, следователь, ни последствия, которые это может повлечь с точки зрения закона. Нет, я неправильно выразился. Вряд ли можно сказать, что ее это не волнует. Но она этого не боится.

— А хоть чего-то она боится?

— Мне кажется, единственное, чего она боится — это обидеть кого-нибудь, сделать больно. Она ведь сама очень остро чувствует, про таких говорят «человек без кожи».

— И при этом ее не волнует мнение окружающих? Как-то не очень вяжется.

— Мне трудно это объяснить, но поверьте, это на самом деле так.

— Вячеслав Платонович, а убить «человек без кожи» способен?

— Ради чьего-то спасения — наверное, да.

— А солгать?

— Тем более. Если это убережет близкого — или даже не очень близкого — человека от боли. Святая ложь. Дина, с одной стороны, вся в себе, с другой... наверное, точнее всего будет сказать — самоотверженная. Странно, да? Мне иногда думается, что ее любимой героиней должна быть леди Годива.

— А что Дина вообще читала?

— Стихи, исторические романы, фэнтези.

— С толкиенистами не зналась? Знаете, ролевые игры, мечи, плащи и все такое.

— Насколько мне известно, нет.

— Понятно. Вячеслав Платонович, почему вы сказали, что Дина и нож несовместимы?

— Она совершенно не переносит вида крови. Бледнеет, зеленеет, может и сознание потерять. У нее вообще часто голова кружится, давление пониженное. А при виде крови ей совсем плохо становится. Ей, помню, лет двенадцать, кажется, было, Валя ее к домашнему хозяйству приучала. Котлеты она, что ли, тогда затеяла? Не помню точно. Давай, говорит, устанавливай мясорубку, доставай мясо из холодильника... Дина ей — мама,

я не могу. И чуть не плачет. Валя рассердилась, сама мясо достала, обернулась — а Дина уже на полу. Так и сползла по стеночке. Одним словом, крови она видеть не может, это точно.

— Странное свойство для особы женского пола, — прокомментировала я и продолжила свои бестактные вопросы: — А мать она любит?

— Да. Очень. Все сделает, лишь бы, не дай бог, Вале лишнее огорчение не доставить.

— То есть ради того, чтобы убереечь мать, Дина могла бы сделать что угодно?

— Но не убивать же! — возмутился Вячеслав Платонович. — Несколько странный способ, вы не находите?

— Ну... разные обстоятельства бывают. Хотя я-то, собственно, о другом. Пытаюсь понять, почему бы Дина могла молчать...

— Пожалуй, — покачал он головой. — Чтобы сберечь покой матери, она могла бы промолчать и всю жизнь. Но я не понимаю, как это может относиться к убийству. Не Валя же его?

Честно говоря, я и сама не понимала. Теоретически все эти разрозненные факты и соображения были просто камешками, кусочками, из которых потом, если набрать их достаточно много, должна сложиться какая-то картинка. Но пока... То ли камешков маловато, то ли смотрю я на них не с той стороны или не под тем углом — кучка никак не связанных между собой фрагментов. Рассыпается все.

Исключительно для очистки совести я задала последний вопрос:

— А с отчимом у нее какие были отношения?

— Прохладные.

— Ревновала мать к большой любви?

— Любовь... Да... — непонятно ответил Вячеслав Платонович. — Ревновала? Нет, не думаю. По-моему, он Дине просто не нравился.

Странно. Такой весь воплощенное благородство, герой девичьих грез... Дина — девушка романтическая, и вдруг — «не нравился».

14

Звонить пришлось долго, и я, было, уже решила, что никого нет. Ну же, ведь договаривались!

Дверь, наконец, распахнулась, да так энергично, что треснулась о стену. Кажется, даже штукатурка посыпалась. В проеме мелькнула белобрысенькая шустрая девица росточком едва повыше швабры. Собственно, что девица — это уж я догадалась, потому что о встрече договаривалась с Мариной, а так — пацан и пацан. Мелькнула — и унеслась куда-то в глубь квартиры, бросив через плечо:

— Ой, извините, я звонка не слышала, вы Рита? Проходите, я сейчас.

Удивительно было не то, что она не слышала звонка — напротив, не понимаю, как она все-таки ухитрилась его услышать. В ванной гудела стиральная машина, в комнате ревел пылесос, на плите что-то булькало, причем на всех четырех конфорках сразу.

Я догадывалась, что единственная подруга героини «кровавой сказки» должна быть особой незаурядной, но действительность превзошла самые смелые мои ожидания. Она, действительно, очень это любит. Иногда начинает казаться, что превосходить чьи-то ожидания — вообще ее единственное и любимое занятие.

Уже через пять минут мне начало казаться, хозяйек, по меньшей мере, полдюжины: Марина бултыхала чем-то в ванной, гремела в комнате, влетала на кухню, помешивала в кастрюльках — и снова исчезала, успевая выпалить две-три фразы. Причем, возникая вновь в поле зрения, продолжала точно с того места, на котором остановилась.

— Ой, извините, я сейчас быстренько со всем этим разделаюсь и поговорим. Динка? Да с ума сойти! Чушь какая-то! Правда, правда! Да подумаешь — свидетель! Может, ему соринка в глаз попала. Или понос прошиб, а он сказать стесняется. Знаете, какие совпадения бывают? Бабулечка моя поехала в поликлинику за талончиком, зубы чинить затеяла. Хвать-похватать — сумки нет. Ах, я, маша-растеряша, ах, я ее в прихожей забыла, ах, голова дырявая! Давай домой. Садится в автобус, глядь — ее сумка. Представляете? Это она от дома этим же автобусом, значит, ехала, а пока в поликлинику заходила, он успел доехать до кольца, развернуться и обратно поехать. А сумка так и стоит. И ведь никто не позарился! Наверное, думали, что там бомба. А может, побрезговали — ридикюльчик-то — без слез не взглянешь, наверное, еще с Первой мировой. Да чтоб тебя!

Возглас относился к пылесосу, который никак не хотел влезать на свое место в стенном шкафу. Марина нырнула в недра шкафа, скрывшись там почти целиком. С полминуты оттуда доносилось неясное бормотание и шурум-бурум — чего-то она там двигала. Потом из шкафа вылетела босоножка. Правая. Затем на свет божий появилась сияющая Марина, торжественно воздевшая над собой левую босоножку:

— Так и знала, что это мамулечка их куда-то задвинула. Все лето искала — а она не признается. А может, просто склероз.

Пылесос, наконец, благополучно разместился в шкафу, Марина скрылась в ванной, стиральная машина смолкла, минут пять до меня доносилось неясное бултыхание, затем стихло и оно. Марина появилась на кухне, заглянула во все кастрюльки и сковородки, безжалостно сдвинула одну из них на подставку, плюхнула на освободившуюся конфорку чайник, набуль-

кала себе в чашку холодной заварки, мне налила чего-то желтого и холодного — «сейчас кофе будет, а пока вот компот, вкусный, правда, правда, из алычи, только, может, кисловат, можно сахару добавить... Не надо?.. Я тоже мало кладу, люблю, когда кисло, лимоны вообще прямо так ем...» — Жестом фокусника она раздобыла откуда-то из-под шкафа черную керамическую пепельницу, в которой лежала сигаретная пачка, и с облегчением плюхнулась на диванчик, едва не придавив громадного серого котофея.

Говорят, в самом центре тайфуна всегда прекрасная погода — тишь и полный штиль. Наверное, да. Но здесь, в квартире, бушевал смерч, самум, ураган, а котике безмятежно дрых, лишь в моменты появления хозяйки на кухне слегка приоткрывал левый глаз — может, поесть дадут? — но, убедившись, что надежды пока беспочвенны, возвращался к прерванным сновидениям. Вот у кого терпению учиться!

Марина энергично прикурила и продолжила монолог, свободной рукой почесывая мохнатый кошачий бок:

— Мамулечку мою угораздило ногу сломать. Есть-то ей чего-то надо? Иначе никакой уважающий себя перелом зарастать не будет, правильно? Тем более, ей же не двадцать лет. А от больничной еды нормальный же человек сразу помрет. Или, наоборот, от голода. И еще дед бабулю в санаторий отправил, суставы лечить. В местном собесе — или как это теперь называется? — путевка бесплатная нарисовалась. Чудеса, правда? А сам теперь на сухомятке сидит. Матушка в третьей лежит, за мостом, знаете? Дедуля в районе Первой набережной живет, а я вот тут. Вертолетик бы мне какой-никакой заваливший...

Было бы вполне естественно, если бы словесный поток звучал где-нибудь в регистре Буратино: вся логика на месте, только скорость кто-то перепутал. Но голос у Марины был на удивление низкий, звучный и красивый — только очень уж быстрый. Впрочем, нет, слова она произносила с обычной скоростью, только темы менялись уж больно... калейдоскопично. Но связно, ничего не скажешь.

— Хорошо хоть, каникулы сейчас, иначе только разорваться. Так и мотаюсь между тремя районами. Можно бы и у деда пожить, да этого охламона не бросишь, его тоже кормить да вычесывать надо. — «Охламон» приоткрыл глаз, дернул ухом и недовольно мявкнул. — И к деду его не возьмешь, дедуля от него чихает. Вам сколько сахару?

Кажется, даже чайник заразился хозяйкиной лихорадкой, потому как вскипел вдвое быстрее, чем положено. Я показала на пальцах, что, мол, одну ложку, и вернулась к интересующей меня теме.

— Да вы что! — отмахнулась Марина. — Если бы Динка его убила, она бы так и сказала, ни за что молчать не стала бы.

— А она могла убить?

— Черт ее знает, чужая душа — потемки. Вообще-то она жутко добрая. Но нервов он ей помотал от души, это точно. Уж если кого и надо было пристукнуть, так это его. А может, он сам? — уставилась она на меня. — Чтобы Динку подставить? А что, с него станется...

— Да нет, вряд ли сам, — усомнилась я. — Чтобы себе в спину нож воткнуть — это акробатом надо быть, человеком без костей.

— Нож?!! — воскликнула Марина. — Тогда точно не Динка. Она ж крови вообще не переносит. Представляете, переходим мы через дорогу, а там голубь, ну, то есть, уже не голубь, а то, что от него осталось. Зрелище, конечно, так себе, но Диночка-то моя прямо падать начинает, еле удержала. Она, в общем, девушка хрупкая, но все ж покрупнее меня будет. Мамулечка шутит, что меня в конце квартала делали, сверх плана — поэтому материала не хватило. А что? — пристроилась острым подбородком на подставленный кулачок и нахмурилась: — Нет. Динка? Ножом? Бред!

— А если в запальчивости? Схватила что-то со стола, не сознавая, что это такое, и ударила?

— Динка? Сгоряча? — Марина помотала головой. — Да она десять раз себя на тарелочку сложит и на кусочки порежет, только бы никому больно не сделать.

— Она что, настолько себя не ценила?

— Что вы! Наоборот. Это все от гордости. Ой, ну я не могу объяснить, но точно от гордости. Обязательств сама на себя навешает — конечно, все, кому не лень, будут верхом садиться. Даже Вадик этот. Обормот, тьфу! Диночка, ах, Диночка, ох, только что не молится, а на самом деле та же пиявка. А Динка еще считала, что она перед ним виновата, представляете? Он же ногтя ее не стоил, слизняк. Получил то, о чем и мечтать-то не должен был — ну, не то чтобы совсем получил, но все к тому шло, — и она же перед ним виновата.

— Почему виновата?

— Ну, как же! Он ее так любит, так любит, а она вроде не отвечает тем же. Из Вадечки такое обожание лилось... только я думаю, что это тоже все вранье.

— В каком смысле?

— Да ой! Не все же на наркоте садятся, да? И пьют не все, да? И не надо про обстоятельства. Если уж человек на что-то подсел, значит, ему это надо — от чего-то зависеть. Вырос он такой. Винтика не хватает, вот он этот винтик везде и ищет. Ах, я без нее жить не могу! Или не без нее, а без того, сего, пятого, десятого. На филателистов посмотрите — вынь да положь ему розовую Гвиану, иначе помрет. Тот же наркотик. Не понос, так золоту-

ха. И если уж он на чем-то уже сидел — так и будет всю жизнь на чем-то сидеть. На игле, или на любви, или этикетки собирать будет. Какая разница? Нет, я не говорю про тех, у кого талант какой — музыканты там, художники или актеры. С этими все ясно — отбери у него скрипку, он и впрямь помрет. Повезло с талантом уродиться. Но про них что говорить — их один на миллион. А марки все подряд собирают. Ну, или не марки, не знаю.

— То есть Вадик ее не любил?

— Да что вы! Там всю любовь была, не сомневайтесь, еще какая! — Марина усмехнулась и добавила: — В том-то и дело — какая. Ему ведь на саму Динку, в общем, наплевать было. Он только что соскочил, его ломало. Ну, не физически ломало, а внутри. Как это — ни от чего не зависеть? Они это не умеют. Да еще, по-моему, героем себя вообразил, раз уж спрыгнуть смог. А герою героиня нужна, как же без принцессы? Тут Дина и подвернулась. Большого и пожелать было нельзя. Она ведь, правда, потрясающая. Удивительная. Красивых много, но в ней еще что-то... настоящее. Полчаса пообщаешься — и сам себе начинаешь казаться таким благородным, таким прекрасным... Ужас! Я вот жаловалась, что рук-ног не хватает на все, да? Это мне Динки не хватает, точно! Чайку с ней попить — и вперед, на баррикады, давайте еще полдюжины параличных старушек, сущие пустяки, у меня-то ноги на месте. И ухаживала бы за ними не как сейчас, вроде сумасшедшей ракеты, а спокойно, изящно, красиво. У Динки, по-моему, никогда не возникало вопроса «а почему именно я должна». Гордость все это... но дай бог всем такой гордости. Хотя Вадик, по-моему, этого так и не понял — влюбился просто в первую попавшуюся красотку. Да плюс обаяние, да плюс манеры. С ней хоть на дипломатический прием можно пойти, хоть на дискотеку самую дурацкую. В общем, как швейцарские часы — неброско, но престижно. Штучка. Потому и Челышов ее не отпускал. Хотя на самом деле она ему уже надоела, ему все надоедали, все время чего-нибудь новенького надо было. А тут, наверное, чувствовал, что таких у него никогда не было и не будет, вот и держал при себе. На поводке. Раз в месяц дернет — моя, не забывай. Убила бы!!

— А Дина?

— Сначала-то все классно складывалось. Родство душ... ну, и тел, конечно... Сказка страсти и прочее в таком духе. Когда потом все эти дерганья начались — любит, не любит, плюнет, поцелует, — уже поздно было. Влипла по самую маковку, так что и вздохнуть нечем. Динка ведь не дура, понимала, что она там двадцать девятая, что ее просто употребляют, ну, для кайфа, например, или, может, для престижа. Головой-то понимала, что драпать надо со всех ног, а что толку? Дерг-дерг — и никуда, душа-то на привязи. И да, там было во что влипнуть. Он — дрянь, конечно, перво-

статейная, но тоже штучный мужик. Не инкубаторский. Умный, обаятельный, ухаживал стильно, интересно с ним было. Умел в душу влезть, ничего не скажешь.

— В общем, обаятельный злодей? Коллекционер, да?

— Да нет, какой там коллекционер. Просто мальчишка, несмотря на возраст. Ребенок, который занят только собой, по-другому не умеет еще. Если бы Динка резко отвернулась, он наверняка не стал бы заново добиваться — зачем ему эта морока, прошло и проехало, других длинноногих вокруг толпы, только свистни, сама, дура, еще пожалеет. Только она оторваться никак не могла, на любой свисток тут же летела. Раз свистит — значит, еще нужна. Считала, что — она ведь обо всех хорошо думала — его тоже к свету тянет, только пустяковины всякие заели, нужно помочь, а то пропадет. Тоже логика, знаешь ли. Но ему-то на все эти возвышенности плевать было. Всегда. Ну да, Динка классная, это он понимал и даже ценил, но — спокойствие важнее. Она пыталась, конечно, вырваться, но разве легко? С корнями, с мясом, с кровью. Вот и Вадик так появился. По принципу — клин клином. Кто угодно, только не этот. Чтобы хоть кем-то себя занять. Да и время тоже. Чтоб не смотреть на телефон, не ждать звонка. Лучше на свидание пойти.

— Ты считаешь, что это плохо? — Надо же, я и не заметила, как мы на «ты» перешли...

— Да нет, почему плохо? Это, наверное, единственный способ. Только лишнего на себя грузить не надо было. Обязательства всякие.

— Какие обязательства?

— Ну, моральные. Вот, он меня так любит, а я его как таблетки от головной боли употребляю, значит, должна как-то недостающую любовь возместить. Заботой, понимаешь ли. Нет уж, пусть бы он заботился. Хотя, вообще-то, он заботился, это правда. Только все куда-то не в струю. А Динка ему в благодарность то курсовую перепечатывает, то галстук подарит, то зажигалку, то книжку нужную. Свитер ему связала, представляешь?! Романтический герой! А она — благодарная героиня. — Марина замолчала, задумалась, затем снова заговорила: — Ножом? Нет, ей-богу, не могу себе представить. Ну, стрельнуть, наверное, еще могла бы. А его точно ножом? Слушай! Грех на людей напраслину возводить, но... А слизняк ее, ну, Вадик этот, не мог Челышова грохнуть? Он дохлый, конечно, но от крови в обморок не падает. Может, он? Ох! Если Динка что-то такое подозревает — все, кранты, будет молчать до морковкина заговенья.

— А еще кого-нибудь она стала бы так же прикрывать?

— Ну, мать, само собой, Динка в ней души не чает. Меня, наверное. Больше не знаю, честно. Подумаю еще, но, по-моему, все. Еще бабушка

у нее любимая, но она... не то в Муроме, не то в Астрахани живет. Буква «р» там точно есть, больше не помню. А! Еще с классной руководителем нашей — бывшей, конечно, — у нее дивные отношения были. Но это как у всех. Мы ее знаешь, как звали? Самая классная классная. Но она вроде тоже переехала куда-то.

— Еще отчим, — робко предположила я.

— Нет! — отрезала Марина. — Точно нет.

— А если ради матери?

— Ради матери? Да Динка только и мечтала, когда тетя Валя с ним разойдется.

— Что так?

— Да ну его! Кобель автоматический. Ко всем примазывается, даже ко мне ручонки тянул. А уж Диночку обхаживал, ужас! Она даже собиралась матери все рассказать. Нет, его бы точно прикрывать не стала.

15

Ближе к вечеру позвонил Боб.

— Ну вот, оказывается, ты и дома бываешь, а я уж, было, решил, что ты раздобыла метлу и усвистала на какой-нибудь Брокен. Хотя вроде и не сезон. Куда ты, скажи на милость, пропала?

— В каком смысле — пропала? — Удивление мое было совершенно искренним. Мне казалось, что фламенко мы слушали не далее чем вчера.

— Ну, ничего себе! К телефону ты неделю не подходишь, на свидания не являешься. Может, я тебя обидел чем?

О, дьявол! Позор на мои седины! На все, которые у меня когда-нибудь появятся. Ведь должны же у меня когда-то седины появиться, а? Буду старенькая, тихая, начну грехи замаливать. И, судя по последним событиям, грехов у меня накопится к тому моменту много.

Нет, это ж надо! После фламенко договорились, что через два дня Борис свет Михайлович выведет меня — ох, не помню даже куда. Нет, чтобы, взирая на луну, лелеять в памяти милые подробности прошлого свидания и мечтать о следующем — а я чем занимаюсь? Кстати, а, в самом деле, — чем? Ага, если я не перепутала, как раз в тот день, когда мы договорились встретиться, мне взбрело в голову следить за господином Гордеевым. Стыдно, Маргарита Львовна! Ведь решила же, что Боб — это редкость, уникам, лучшего и желать невозможно, что пора уже полностью раствориться в простом женском счастье... Когда еще такая лапушка на моем пути окажется? Ведь не мужик — мечта! Шедевр, праздник души, и вообще, таких больше не делают.

Н-да, полностью раствориться у меня что-то никак не получается. Ну, Ильин, ну, душка синеглазая, ну, подложил свинью! Вот разрази меня гром, это все из ревности. Сам не ам и другим не дам!

— Каюсь, каюсь, каюсь! Виновата, постараюсь исправиться!

— О, Господи! Только не это! — возмутилась телефонная трубка. Затем в ней раздался слабый смешок: — Все равно у тебя не получится. Сама ведь говоришь — такая уродилась.

— Ну, Боб, ну, солнышко, ну, извини, тут много всего случилось... Я понимаю, что все это жуткое хамство с моей стороны, и нет мне оправдания, но горбатого могила исправит. Мне, правда, ужасно жаль, что так получилось. Ну, прими мои извинения — самые что ни на есть глубочайшие.

— Фигушки! — фыркнула трубка. — Мучайся! Ты чего, в самом деле? Какие извинения? В кои-то веки повела себя как истинная женщина — и тут же назад? Боюсь надеяться, но неужели ты просто-напросто забыла о встрече?

— Боб, мне ужасно стыдно, но я, в самом деле, забыла.

— Какой бальзам на мое измученное сердце! Какой прогресс! Только не разочаровывай меня, не говори, что у тебя работы много было. Работа — это, конечно, святое, но лучше бы ты новую шляпку выбирала...

— Ох, боюсь, что шляпки там как раз не было. — Я вдруг вспомнила маскировочные эксперименты в трансформаторной компании, потом бабулю с цветочками и развеселилась. Шляпку вам? Да, пожалуйста, — хотя вру, собственно, шляпка как раз была, только не у меня. А мне надо было проследить за одним типом.

— Ну вот, а я-то надеялся... — заявил мой «идеал» вроде бы огорченно, но, по-моему, он был доволен. — Вокруг тебя детективные истории, вероятно, самозарождаются. Нет бы, крестиком вышивала...

— Ну и, пожалуйста, не нравится — не ешь! И чего тогда звонишь?

— Исключительно из любви к окружающему миру, — засмеялась трубка. — Если вас, мадам, не отвлечь, ему тяжко придется. Да и тебе не вредно время от времени побыть в роли типичной женщины. Глядишь, понравится?

— Короче, Склифосовский!

— Фи, мадам, что за стиль, что за выражения! Все, пора немедленно браться за твоё воспитание. Сегодня вечером у тебя не намечено никаких преследований, перестрелок и тому подобных криминальных развлечений?

— Да, вообще-то, я собиралась посидеть и подумать...

— Брось! Это вредно, а женщинам и вовсе не положено — от думанья морщинки появляются, не слышала? Впрочем, если уж тебе никак без этого не обойтись, сможешь заняться этим в культурной обстановке. Ибо я намереваюсь сводить тебя в театр. А если ты предпочитаешь общество

своего дивана, мне придется подарить твой билет первой попавшейся ночной бабочке — боюсь, театральная общественность будет этим шокирована. Ну-с, мадам, ваш верный рыцарь с трепетом ждет ответа.

— Так сезон вроде бы еще не начался? И про никакие гастроли я не слышала.

— Мадам, вы поразили меня в самое сердце, и так уже разбитое! Вы не доверяете моему вкусу или опасаетесь, что я под видом культурной программы завлеку вас в обиталище порока? Жемчужина моя, запомни — благородная леди в ответ на приглашение должна довериться выбору приглашающего, мило покраснеть, либо послать его ко всем чертям, либо смущенно молвить: «Ах, милорд, с вами — куда угодно!» Ну, попробуй, потренируйся, глядишь, когда и пригодится.

Ну, что с таким будешь делать?

— Ах, милорд, с вами — куда угодно! — от души расхохоталась я.

Хотя до начала неизвестно какого представления оставалось еще часа три, Боб пригрозил заехать за мной через час, заявив, что, раз я начала приобретать истинно женские привычки, на мою обязательность он уже не рассчитывает.

16

Сверх всяких ожиданий, культурная программа оказалась шире и ярче запланированной. Спектакль? Да, спектакль вполне заслуживал того, чтобы его смотреть. Однако куда более яркое впечатление поджидало меня в антракте. Среди привычно-изысканной театральной публики в фойе обнаружился Николя Ни Двора — трезвый!!! То есть совсем трезвый — и даже не с похмелья. Столь удивительного явления человечество не знало, пожалуй, со времен Валаамовой ослицы. Если, конечно, легенда не врет, и она, в самом деле, говорила.

Театральная общественность, впрочем, занималась беседами разной степени изысканности и не спешила толпиться вокруг уникама. Несчастные! Они и не догадывались, какое зрелище упускают.

Увольняли Николя только на моей памяти раза три — правда, каждый раз «по собственному» — обычно после особенно громкого пьяного скандала. То Брюсом Ли себя вообразит, то неприличный натюрморт у начальных дверей из подручного материала выстроит. Творческая, одним словом, натура. Проходил месяц-другой, и блудный сын тихо и незаметно возвращался в родные редакционные стены. Принимали его обратно практически без звука — несмотря на беспробудное пьянство, писал он просто гениально. Замечка о возгорании упаковочного картона на складе сантехники превращалась в подлинный бриллиант. Чувство стиля, точность,

яркость... Как такой талант ухитрялся выжить в насквозь проспиртованной голове — непонятно. Однако ухитрялся. Количество выпитого у Николая никоим образом не сказывалось на качестве текстов. Сказывалось лишь на их количестве: если запой тянулся больше месяца, объем «продукции» неуклонно сокращался. Сама же «продукция» оставалась неизменно перwokлассной.

Представить редакцию «Городской газеты» без Николая Ни Двора было не легче, чем святого Петра без ключей. Комната, где он, в зависимости от времени суток, «творил» или отсыпался, называлась Николин Двор. Даже после его окончательного исчезновения, случившегося года полтора назад. Из очередного увольнения он не вернулся. Временами докатывались разные слухи — мол, в Австралию подался, в Тибет, в Израиль... Действительность явно превзошла самые смелые предположения. Хотя, конечно, неприлично спрашивать о таких вещах, но от вопросов я удержаться не смогла. Николая, однако, тут же отмел нездоровые предположения о кодировании, зашивании и... чем там еще закоренелых алкоголиков пользуют? Отмел легчайшим мановением руки:

— Да брось, я год не пью, это уже археология. С какой стати лечиться, я тебе что — больной? Просто надоело, пора делом заниматься. Лучше расскажи, кто там у нас еще остался.

Я вкратце изложила ему последние редакционные новости: кто пришел, кто ушел, кто какие перлы прозевал.

Мои представления об окружающем мире поплыли куда-то со страшной скоростью. Образ трезвого Николая в них не помещался. Ну, никак. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. И вот, однако же... Оставалось развести руками и вслед за одним давним знакомым понимающе заметить: «Жизнь — большая». Много в ней разного помещается, это правда.

Боб и Николай мгновенно нашли общий язык, ударившись в рассуждения не то о художественных достоинствах спектакля, не то о боевых качествах чего-то огнестрельного. К счастью, минуты через три «мальчики» вспомнили о моем присутствии и начали наперебой меня развлекать. Боб стал пародировать то, что мы полчаса назад видели на сцене, а Николай принялся рассказывать забавные случаи про тех, чьи портреты висели в фойе.

Хохотала я минут десять. На седьмом, а может, на семнадцатом портрете я увидела смутно знакомые черты. Надпись сообщала, что это какой-то неизвестный мне Олег Садыков.

— Почти ничего не знаю, он недолго тут работал, — отмахнулся Николай.

— Что так?

— Да не наш человек.

— Ну, Николая, ты прямо как главный режиссер...

— Ото ж! Забыла уже? Я ж в театре не меньше торчал, чем в редакции.

— Ладно, чем же он «не наш»? — Я, кажется, вспомнила, где видела это лицо. Правда, в жизни оно было постарше.

— Фактура, сама видишь, дай бог каждому. Телом владел изумительно, голос — отпад, портрет лица такой, что Аполлон от зависти удавится. В общем, бабы штабелями под ноги складывались. Герой-любовник — как по заказу. У него и истории все с прекрасным полом были связаны.

— И много историй?

— Неужели тебе это интересно? Скучотища. Сперва Галюнчику из-за него пришлось уволиться, после того как она его в туманную даль послала. Молоденькая актриска, без году неделя в театре, как посмела! Кстати, актриска-то средненькая. И не прогадала на всем этом. Сейчас в Питере, замужем за директором банка или что-то в этом роде. А потом народ Садыкова даже зауважал. Он Машку Царькову ухитрился с трона сбросить.

— В каком смысле?

— Она тогда в фаворитках у главного ходила, ну, и смотрела на всех несколько... сверху. Стерва та еще. Темперамента в ней... ну, ты понимаешь?.. было примерно столько же, сколько в мороженой селедке. Так что Садыков в качестве любовника ей нужен был, как микроскопу пропеллер. А герой-любовник натурально обиделся, накапал кому надо... тут-то леди Макбет и капут настал. Ничего интересного, обычная театральная жизнь.

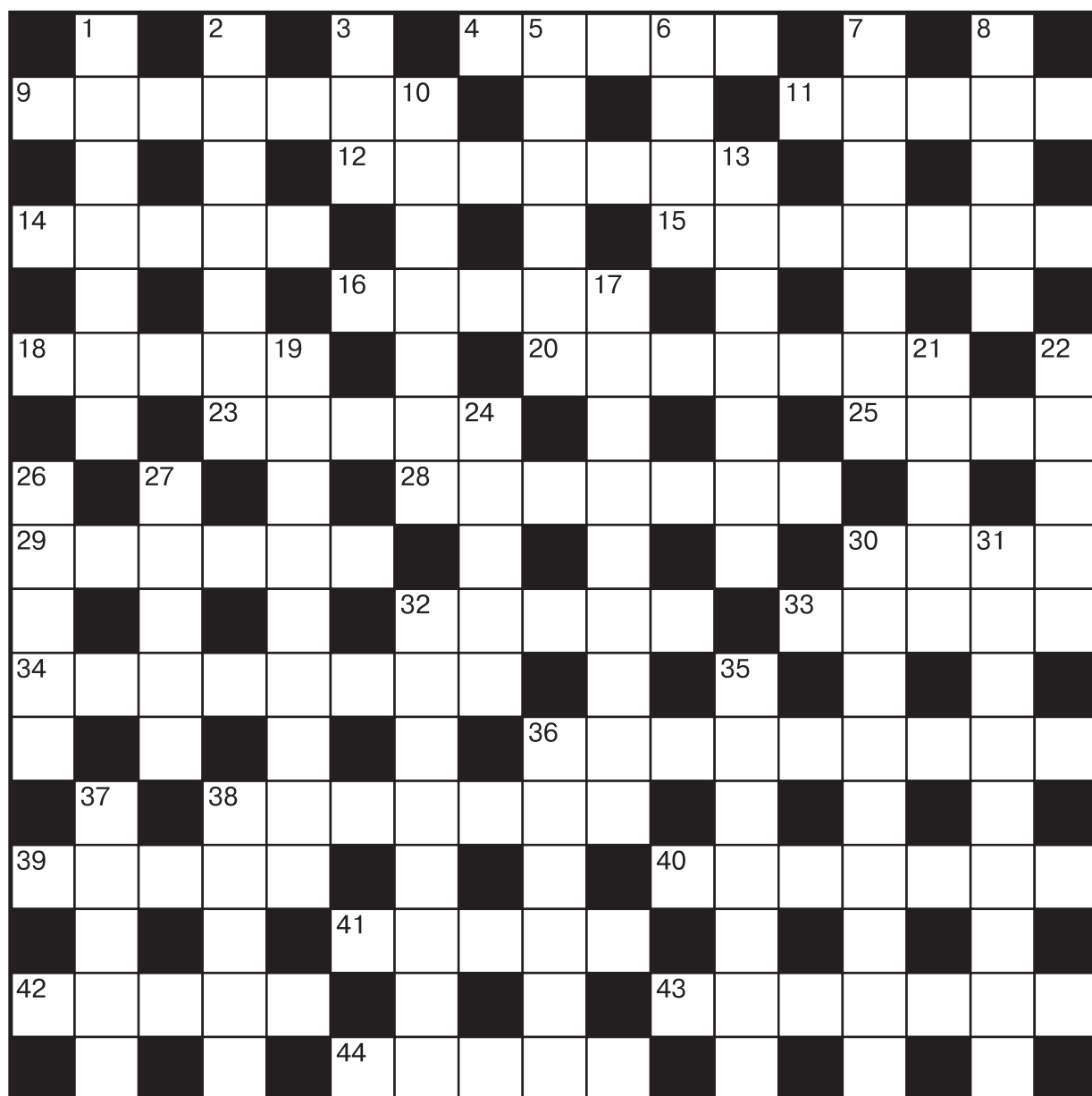
— И что Садыков?

— А что Садыков? — передразнил меня Николая. — Ты наш репертуар знаешь. Много там ролей для героя-любовника? А характеристики у Олежки — ноль. Ему бы, конечно, в кино, в костюмных сериалах сниматься... Полная касса была бы...

Тут прозвенел звонок, возвещающий окончание антракта, и меня вдруг, как говорится, стукнуло: именно Садыков, хотя и постаревший, рассказывал мне несколько дней назад про отношения Чельшова с женщинами и окидывал меня таким взором, что хотелось залезть в скафандр. Ну, и совпаденьице, однако!.. Надо бы расспросить Олега еще раз. Да не об отношениях с женщинами, а о «делах давно минувших дней». Ведь Олег, художественно, но лет восемь в театре проработал. Да, актер и гардеробщик — карты разных достоинств, но в театре, как в редакции — ничего не скроешь. Селезенкой чую — должен Олег что-то про покойника знать. Хотя может и сам не понимать, что именно ему известно. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Он хоть и с лапами, но ходить не умеет. **9.** Рентгенолог финансового значения. **11.** «И ... трезвонить стала: дочка царская пропала!» **12.** Кого в армии окрестили «универсальной рабочей силой, абсолютно не желающей трудиться»? **14.** Холодец в формате колбасы. **15.** Что до Алоиза Зенефельдера делали резцом и иг-

лой на дереве или на кости? **16.** Раб древнерусских времен. **18.** Какую великую актрису режиссер Франсуа Трюффо окрестил «ледяной девой»? **20.** Бутылка шампанского вместимостью в 25 литров. **23.** Дважды оscarоносный актер с «улыбкой чеширского кота» из фильмов Квентина Тарантино. **25.** Тушеное ассорти. **28.** Антисептический плод при ди-

зентерии. **29.** «Мы хорошие ..., жаль патронов маловато!» **30.** Звездная актриса Ольга ... быстрее всего худеет на нервной почве. **32.** Некий американский повар Джордж Крам благополучно дожил до девяноста двух лет. Злые языки поговаривали, что это только потому, что он никогда не употреблял в пищу своего мирового изобретения. А что он придумал? **33.** Глава цыганского клана. **34.** Деликатный предатель. **36.** Одновременное нахождение в двух местах. **38.** Кто по изначальному замыслу Эдгара По должен был стать героем культового «Ворона»? **39.** Советский сказочник, бывший членом отряда «Красных орлов» — ярых борцов с религией. **40.** Вчера для воскресенья. **41.** За какое из царских развлечений прежде отвечал егермейстер? **42.** Кодовая ... **43.** Языковая вариация. **44.** Зоологическое товарищество.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Больше века назад в Москве построили первый столичный небоскреб. Как его тогда окрестили? **2.** Единственный канад-

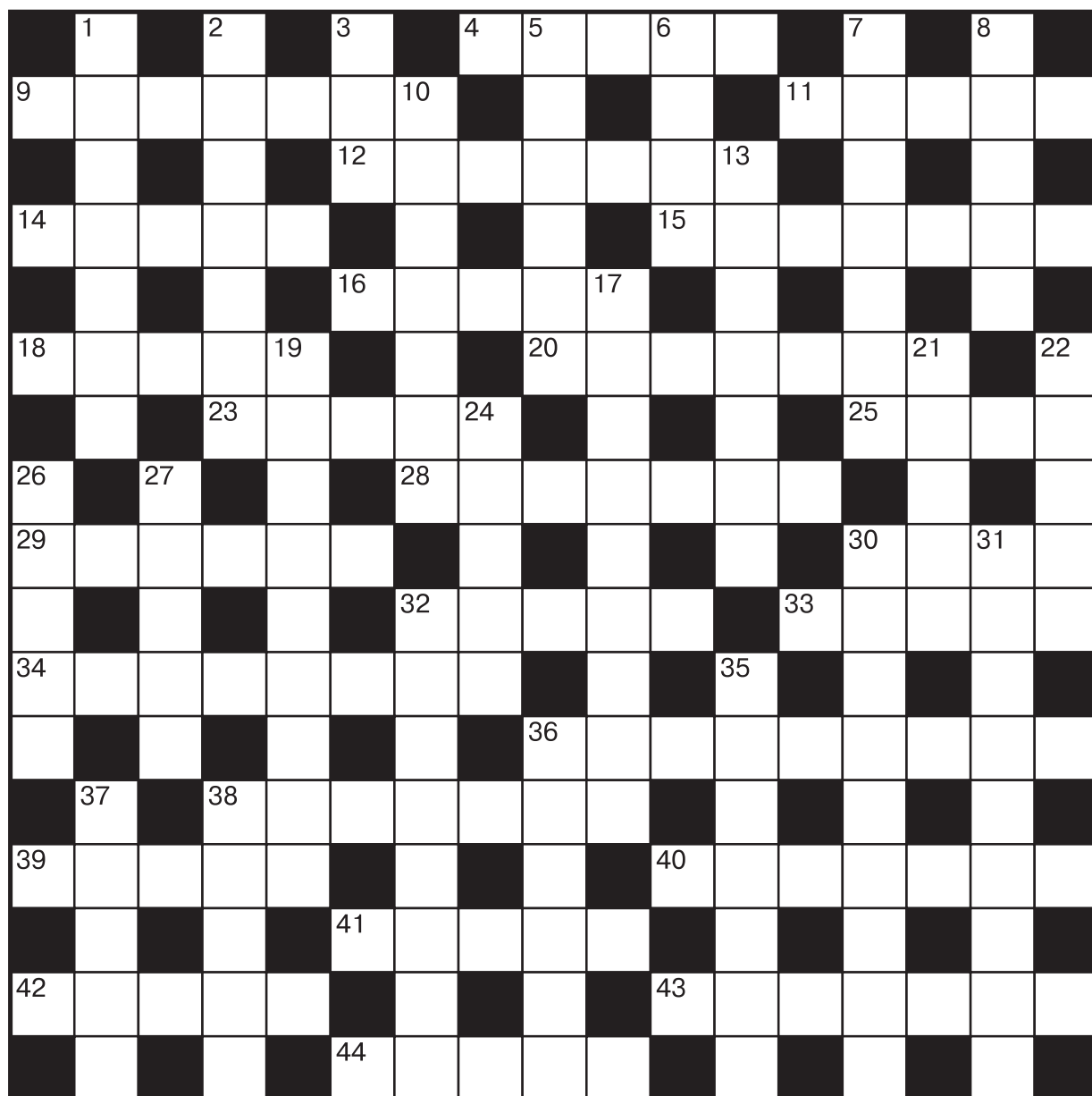
ский пилот, ставший чемпионом мира в гонках «Формула-1». **3.** Повар в тельняшке. **5.** «Простор вселенских масштабов». **6.** Какая спортивная площадка ограничена канатами? **7.** Напарник по вдохновению. **8.** «Танцы пятой точкой». **10.** Главный олень в упряжке Санта-Клауса. **13.** Какая аминокислота препятствует ожирению печени? **17.** Дмитрий в соратниках Кузьмы Минина. **19.** Чья подпись много лет украшала эмблему основанного им же московского театра? **21.** Барыш дельца. **22.** «Обои, свернутые трубочкой». **24.** Кого хлебом не корми, дай только все опозлать? **26.** Отдых на морских просторах. **27.** Первый кандидат в президенты США, кто отказался от государственного финансирования. **30.** Экзотический фрукт, снижающий артериальное давление. **31.** Какая отрасль изучает бумажные деньги? **32.** С какой собачкой сопоставим вес самого маленького из известных науке динозавров? **35.** До какого чина дослужился Михаил Лермонтов? **36.** Арбузная нива. **37.** Клеймо на шкуре. **38.** «Караван вагонов».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Акула. **10.** Поздравление. **11.** Криптон. **12.** Смоковница. **13.** Эластан. **16.** Гриль. **18.** Нос. **19.** Монро. **21.** Ишак. **24.** «Абба». **25.** Телевизор. **27.** Жлоб. **29.** Гамлет. **30.** Дуболом. **34.** Гипнотизер. **35.** Марафон. **37.** Вашингтон. **40.** Эклер. **41.** Рояль. **42.** Восторг. **43.** Треть. **44.** Сингл.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Коралл. **3.** Лепесток. **4.** Сон. **5.** Адамо. **6.** Садко. **7.** Словарь. **8.** Антиглобализм. **9.** Техас. **10.** Повар. **14.** Козерог. **15.** Армия. **17.** Биржа. **18.** Народ. **20.** Фактура. **22.** Федотов. **23.** Бог. **26.** Раствор. **28.** Будапешт. **31.** Министр. **32.** Снегирь. **33.** Банкир. **36.** Насос. **38.** Нори. **39.** Флаг.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какой пирог монголы преподносят в дар богам? **9.** Какого актера Грета Гарбо бросила прямо у алтаря? **11.** Один из трех спортсменов, побеждавший в индивидуальном виде на четырех Олимпийских играх подряд. **12.** Одна из двух основ натурального шелка. **14.** Самый маленький из белорусских городов. **15.** Энрико, чья

серенада звучала на похоронах Сальвадора Дали. **16.** Грешные поступки в исламе. **18.** Какую птицу проклял библейский Ной? **20.** «Танец ножниц» из Латинской Америки. **23.** Последний четверг перед Троицей. **25.** Конное поло с сачками у грузин. **28.** Укрытие для военных самолетов. **29.** Праздник изгнаний птиц с полей. **30.** Тертый нюхатель-

ный табак. **32.** Роскошный плащ у древних греков. **33.** Толстое одеяло вместо матраса у японцев. **34.** Первая женщина, прыгнувшая в высоту на 2 метра. **36.** Первый заместитель и ближайший друг адмирала Вильгельма Канариса. **38.** Богиня законного порядка античных времен. **39.** Испанский дижестив. **40.** Золотая канитель на Руси XV века. **41.** Албанский национальный костюм. **42.** Полинный концентрат. **43.** Именно Стэн ... создал внешность Хищника из культового фильма. **44.** Фарфоровая улитка южных морей.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Лилипут, свалившийся с Луны. **2.** Какая гора возвышается над Эскориалом? **3.** Двуглавый пес в отцах Сфинкса. **5.** Третейский судья в Византии. **6.** Царь Элиды, учредивший первые Олимпийские игры. **7.** Какая писательница стала первой женщиной среди членов Французской академии? **8.** Какой поэт приобрел вместе с Джорджем Байроном шхуну «Ариэль»? **10.** В какой из фильмов Джеймса

Кэмерона попала картина Клода Моне, нарисованная через восемь лет после описываемых событий? **13.** «Самый динамитный» из химических элементов. **17.** Неконтролируемая ярость в отношении того, кто громко ест за одним с вами столом. **19.** Как-то Анна Ахматова в разговоре со своим последним литературным секретарем Анатолием Найманом обмолвилась: «А он, может быть, и сделал Ахматову». Кто он? **21.** Французский бокс. **22.** Швейцарская гора, на вершину которой ведет самая длинная лестница в мире. **24.** Какой индийский философ присоединился к «духовной коллегии» Александра Македонского? **26.** «Основа религии» для Бертрана Рассела. **27.** Саблерогая антилопа. **30.** Каждый из жителей пригородов, тратящих пару часов в день на дорогу в мегаполис, где они и работают. **31.** Ранец с инструментом у фиксиков. **32.** «Увеселительный замок» из старинных времен. **35.** Дикая рис. **36.** В чем взбивают горячий шоколад? **37.** Четыре пенса серебром. **38.** «Змей» среди спартов.

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Курма. **10.** Септимонциум. **11.** Фриссон. **12.** Чавчавадзе. **13.** Колонна. **16.** Синмо. **18.** Цин. **19.** Архей. **21.** Отит. **24.** Шала. **25.** Чернослив. **27.** Эльм. **29.** Чабрец. **30.** Хередом. **34.** Никольское. **35.** Порожек. **37.** Шупляттер. **40.** Эдрих. **41.** Синто. **42.** Каннель. **43.** Эрети. **44.** Одакс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Уорхол. **3.** Мусковит. **4.** Кен. **5.** Откат. **6.** Амача. **7.** Дневник. **8.** Виндемиатрикс. **9.** Ампер. **10.** Совна. **14.** Грюньон. **15.** Челси. **17.** Моуэт. **18.** Цильх. **20.** Канцлер. **22.** Шерегеш. **23.** Гич. **26.** Вальдес. **28.** Методист. **31.** Мишлинг. **32.** Кортель. **33.** Бордер. **36.** Курай. **38.** Ринд. **39.** Итек.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 50 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2020 год во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (4 категории) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовой online сервис https://podpiska.pochta.ru
---	---	--

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Сегодня проблема отцов и детей остается такой же актуальной, какой была еще в тургеневские времена. Наверное, в каждой семье бывают разногласия между детьми и родителями, которые порой пытаются навязать ребенку свое видение образа жизни.

А ведь рецепт очень прост: надо всего лишь проявлять больше внимания и терпения друг к другу и, конечно, в первую очередь, — просто любить...

Расскажите о своей семье, о своих благополучных — и не очень — детях, о проблемах, связанных с ними. И даже если вы, как говорится, живете «в унисон», наверное, вам есть что рассказать нам и читателям.

Вот мы и решили в 2020 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Отцы и дети».**

Тексты с пометкой «На конкурс»
принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 тысяч знаков)
в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru**
до 30 октября 2020 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2021 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!

